

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета

В. И. Молодин, акад. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены совета

- Х. А. Амирханов*, чл.-корр. РАН (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала,
Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- С. А. Арутюнов*, чл.-корр. РАН (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Вэй Ван*, акад. АН КНР (Институт археологии, Пекин, Китайская Народная Республика)
- Б. Виола*, д-р (Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, Халле, Германия)
- П. Витебский*, проф. (Институт полярных исследований Скотта Кембриджского университета, Великобритания)
- П. В. Волков*, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)
- В. А. Волчек*, д-р ист. наук, проф. (Кемеровский государственный университет, Россия)
- Д. Вулф*, д-р, проф. (Центр славяно-евразийских исследований Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- А. В. Головнев*, чл.-корр. РАН, проф. (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик*, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет,
Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- В. Деннингхаус*, д-р, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Германия)
- А. П. Деревянко*, акад. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж.-М. Женест*, проф. (Национальный центр изучения первобытной истории, Франция)
- Ж. Жобер*, д-р, проф. (Институт первобытной истории и четвертичной геологии Университета Бордо, Франция)
- О. Д. Журавель*, канд. филол. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)
- А. С. Зуев*, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский*, акад. РАН (Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург, Россия)
- Инок Кан*, д-р, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- С. А. Комиссаров*, канд. ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин*, чл.-корр. РАН (Центр политической антропологии Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточный Федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе*, д-р, проф. (Университет Гёте, Франкфурт-на-Майне, Германия)
- В. А. Ламин*, чл.-корр. РАН (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Л. В. Лбова*, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)
- Н. А. Лукьянова*, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Р. М. Масов*, акад. АН РТ (Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Душанбе, Таджикистан)
- А. Наглер*, д-р (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- В. Г. Одинокоев*, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Г. Панин*, д-р филол. наук, главный редактор журнала «Вестник НГУ, Серия: История, филология»
(Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Парцингер*, проф. (Фонд прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон*, д-р (Университет Бордо, Франция)
- З. С. Самашев*, д-р ист. наук (Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)
- И. В. Силантьев*, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ш. Степанов*, проф. (Практическая школа высших исследований Университета Сорбонны, Париж, Франция)
- К. Ш. Табалдиев*, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Ж. К. Таймагамбетов*, чл.-корр. НАН РК, проф. (Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан)
- Чун Тан*, проф. (Университет Сянган, Гонконг, Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм*, д-р (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен*, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский*, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- В. И. Шишкин*, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- В. П. Чабай*, чл.-корр. НАН Украины, проф. (Институт археологии НАН Украины, Киев)
- М. В. Шульков*, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Россия)

Editorial and Advisory Board of the Series «History, Philology»

Chairman

V. I. Molodin, academician of RAS (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Kh. A. Amirkhanov*, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Daghestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russian Federation)
- S. A. Arutyunov*, Corresponding Member of RAS (Institute of Anthropology and Ethnography RAS, Moscow, Russian Federation)
- Wei Wang*, Academician of Chinese Academy of Sciences, (Institute of Archaeology, Beijing, PRC)
- B. Viola*, Dr. (Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle (Saale), Germany)
- P. Vitebsky*, Prof. (Scott Polar Research Institute University of Cambridge, UK)
- P. V. Volkov*, Doctor of History (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- V. A. Volchek*, Doctor of History, Prof. (Kemerovo State University, Russian Federation)
- D. Wolff*, Dr., Prof. (Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan)
- A. V. Golovnev*, Corresponding Member of the RAS, Prof. (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik*, Doctor of History, (Novosibirsk State University, Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- F. Denninghaus*, Dr., Prof. (Nordost-Institut Lueneburg at University of Hamburg, Germany)
- A. P. Derevyanko*, Academician of RAS (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- J.-M. Geneste*, Prof. (Centre National de Prehistoire, University of Bordeaux I, France)
- J. Joubert*, Dr., Prof. (Institut de Prehistoire et de Geologie de Quaternaire, University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel'*, Cand. Sc. (Philology), (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- A. S. Zuev*, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kazansky*, Academician of RAS (Institute for Linguistic studies, St. Petersburg, Russian Federation)
- Inuk Kang*, Dr., Prof. (Kyung Hee University, Seoul, South Korea)
- S. A. Komissarov*, Cand. Sc. (History), Prof. (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin*, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of RAS Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause*, Dr., Prof. (Goethe-Universität, Frankfurt am Main, Germany)
- V. A. Lamin*, Corresponding Member of RAS (Institute of History of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation)
- L. V. Lbova*, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Luk'yanova*, Dr. Sc. (Philology), Prof. (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- R. M. Masov*, Academician AS RT (A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, Dushanbe, Republic of Tajikistan)
- A. Nagler*, Dr. (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- V. G. Odinkov*, Dr. Sc. (Philology), Prof. (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. G. Panin*, Dr. Sc. (Philology), Chairman of «Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology» (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- H. Parzinger*, Dr., Prof. (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson*, Dr. (Université Bordeaux I, France)
- Z. S. Samashev*, Doctor of History, (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan)
- I. V. Silant'ev*, Dr. Sc. (Philology), Prof. (Institute of Philology of SB RAS, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Ch. Stepanoff*, Prof. (École pratique des hautes études, Paris, France)
- K. Sh. Tabaldiev*, Prof. (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- Zh. K. Taimagambetov*, Corresponding Member of NAS RK, Prof. (al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan)
- Tan Chung*, Prof. (Chinese University of Hong Kong, University of Tokyo, Japan.)
- T. Higham*, Dr. (School of Archaeology, University of Oxford, UK)
- S. Hansen*, Prof. (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- J. Chochorowski*, Prof. (Institute of Archaeology at Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- V. I. Shishkin*, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- V. P. Chabai*, Corresponding Member of NAS Ukraine, Prof. (Institute of Archaeology, National Academy of Science of Ukraine, Kiev)
- M. V. Shun'kov*, Doctor of History (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 6:
Журналистика

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики

- Журова Л. И.* «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем...» К 500-летию прибытия Максима Грека в Россию 7
- Козлов А. Е.* Журнал «Всемирный труд»: к вопросу о тактике издания и литературной репутации беллетристов 15
- Жулякова Н. В.* Специфика передовой статьи в сатирическом журнале «Силуэты жизни родного города» (1909, Томск) 22
- Силантьев И. В., Шатин Ю. В.* «Настоящее»: неудавшийся опыт сибирского авангарда 32
- Петрова Е. И.* Тема строительства областной библиотеки в омских газетах периода перестройки и первых постперестроечных лет 40

Теория и практика массовой коммуникации

- Астафуров И. В.* Региональная информационная политика в современном коммуникативном пространстве 47
- Бестолкова Г. В.* Средства массовой информации США как способ формирования и тиражирования образов и стереотипов латиноамериканцев 54
- Маркасов М. Ю.* Историческая личность в современных масс-медиа. К постановке вопроса 68
- Осиповская Е. А.* Технологии виртуальной реальности как новый инструмент журналистики 78
- Позднякова Ю. С.* Сибирские ученые в текстах информационных агентств, печатных СМИ и интернет-изданий в 2017 году 84

Языки и дискурсы СМИ

- Высоцкая И. В., Кочетков П. Н.* Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации 89

<i>Клемёнова Е. Н., Кудряшов И. А.</i> Заголовки-суждения в англоязычных масс-медийных текстах: эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность	97
<i>Максимова Н. В.</i> Ответный вопрос в коммуникативной культуре	108

Научная жизнь

<i>Журавель О. Д.</i> Коммуникативистика современности: векторы аналитики (VII Международная научно-практическая конференция «Коммуникативная культура: история и современность»)	116
Сведения об авторах	121
Информация для авторов	123

VESTNIK NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, № 6:
Journalism

CONTENTS

History of Journalism

- Zhurova L. I.* «The One Who Was Helladic Today Becomes a Hyperborean...» To the 500TH Anniversary of the Arrival of Maximus The Greek to Russia 7
- Kozlov A. V.* The Tactic of the Edition and Literature Reputation of the Belletrists (Journal «World Labor» (1867–1872) Case) 15
- Zhilyakova N. V.* The Specificity of the Advanced Article in the Satirical Magazine «Silhouettes» of Life of the Native City (1909, Tomsk) 22
- Silantyev I. V., Shatin Yu. V.* «The Present»: Failed Experience of the Siberian Avant-Garde 32
- Petrova E. I.* The Subject of the Regional Library Construction Pictured in Omsk Newspapers in Perestroika Time and First Post-Perestroika Years 40

Theory and Practice of Mass Communications

- Astafurov I. V.* Regional Information Policy in the Contemporary Communicative Space 47
- Bestolkova G. V.* US Media as a Way of Forming and Replicating Hispanic Images and Stereotypes 54
- Markasov M. Yu.* Historical Person in the Modern Mass-Media. Statement of a Question 68
- Osipovskaya E. A.* Virtual Reality Technologies as a New Toolkit of Journalism 78
- Pozdnyakova Yu. S.* Siberian Scientists in Texts of News Agencies, Print Media and Online Media in 2017 84

Languages and Discourses of Mass Media

- Vysotskaya I. V., Kochetkov P. N.* A Headline of the Internet News as a Cognitive Model of a Situation 89
- Klemenova E. N., Kudryashov I. A.* Headline Judgments in English-speaking Mass-Media Texts: Epistemic Modality, Deontic Modality, Evidentiality 97
- Maksimova N. V.* Answering Question in Communicative Culture 108

Scientific Life

<i>Zhuravel O. D.</i> Communicativity of the Present: Analytical Vectors (VII International Scientific-Practical Conference «Communicative culture: History and modern life»)	116
Our Contributors	121
Instructions to Contributors	123

Editor in Chief Olga D. Zhuravel

Executive Secretary Viktoriya E. Belenko

Editorial Board of the Issue

I. V. Vysotskaya, G. A. Gvozдовich, L. B. Matevosyan, J. R. Mochnik, O. V. Pak, G. N. Pitkevich, Yu. V. Shatin

Editorial Board of the Series

V. I. Molodin (Chairperson), A. S. Zuev, S. A. Komissarov, S. A. Krasil'nikov, I. S. Kuznetsov,
L. F. Liss, L. V. Lbova, N. A. Lukyanova, I. V. Oktyabr'skaya, L. G. Panin, M. V. Shilovskiy

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson),
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin
G. M. Mkrtchyan, O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published in Russian since 1999 by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 40 22
E-mail address: jf-vestnik@mail.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 861.161.1"15"

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-7-14

Л. И. Журова

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

zhurova@ngs.ru

**«ТОТ, КТО БЫЛ ЭЛЛАДЦЕМ, СЕГОДНЯ СТАЛ ГИПЕРБОРЕЙЦЕМ...»
К 500-ЛЕТИЮ ПРИБЫТИЯ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИЮ**

Описан один из этапов становления русской средневековой публицистики на основе изучения творчества Максима Грека. Цель – представить Максима Грека как первого русского публициста. XVI век в России – это период, когда литература и действительность в истории искусства слова составили прочный союз. Дух сомнений, поиски ответов, полемика, суды, церковные соборы, борьба за власть стали яркими приметами времени. Творчество Максима Грека, прибывшего в Москву в марте 1518 г. с Афона, сформировалось в контексте трех культур: итальянского Ренессанса, византийского православия и русской действительности. В России состоялось его творчество, им было создано около 150 сочинений по актуальным вопросам общественной жизни Московской Руси. В настоящем исследовании обращено внимание на выражение авторской деятельностной позиции писателя. Высокое самосознание, достойная самооценка, забота о восприятии своих трудов, представление своего слова как непобедимого оружия в полемике с иноверцами, активная работа инока, находящегося в заточении, по формированию общественного мнения по целому ряду животрепещущих вопросов в идеологии и нравственном богословии выделяют Максима Грека среди писателей своего времени и выдвигают его в первый ряд русских публицистов. Авторские кодексы Максима Грека, рассчитанные на русского читателя, удостоверяют, что ученый монах осознавал себя писателем невольного обретенного православного отечества, где не только по царской воле, но по Божьему Промыслу ему была уготована драматическая судьба, предопределившая бессмертие.

Ключевые слова: Максим Грек, публицистика, авторское самосознание, итальянский Ренессанс, Ватопед, полемика, рукописное наследие, культура слова.

Расцвет русской средневековой публицистики приходится на XVI в. Он был вызван «брожением умов», порожденным целым рядом разных событий: ожиданием конца света в 1492 г., московско-новгородской ересью, которую Д. С. Лихачев называл реформационно-гуманистическим движением, дискуссией стяжателей и нестяжателей о вотчинновладении монастырей, несостоявшимся всемирным потоком 1524 г., вопросом о втором браке великого князя Василия III, полемикой с латинянами по вопросам filioque, предсказательной астрологии, соединения православной и католической Церквей (унии), борьбой за власть как внутри великокняжеского дома, так и боярства, вопросами симфонии (согласия) светской и церковной властей, в конце концов, – возвышением Москвы и становлением русского самодержавия. Иосиф Волоцкий в одном из своих посланий писал: «...нынче и в домах, и на дорогах, и на торжищах иноки и мирские, все сомневаются» [Послания..., 1959, с. 170]. Литература и действительность в очередной раз в истории искусства слова составили прочный союз. Дух сомнений, поиски ответов, споры, суды и церковные соборы стали яркими приметами времени. Слово было признано главным орудием идеологической борьбы. Д. М. Буланин точно подметил, что кульминационного момента в своей популярности жанр

Журова Л. И. «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем...» К 500-летию прибытия Максима Грека в Россию // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 7–14.

посланий достигает в момент, «когда за перо берется сам царь – Иван Грозный, чтобы в жанре открытого письма обосновать свои политические убеждения» [Буланин, 1984. С. 3].

В марте 1518 г. в Москву прибыло посольство из Константинополя, в составе которого находились старцы Святой Горы Афон. Среди них – инок Ватопедского монастыря Максим (1470–1555), приглашенный митрополитом Варлаамом и великим Московским князем Василием Ивановичем для перевода с греческого на церковнославянский язык книг Священного Писания, хранившихся в великокняжеской библиотеке. Волею судеб он прожил на Руси долгую, трудную, но чрезвычайно плодотворную жизнь. Здесь он стал знаменитым переводчиком и писателем, в биографии которого еще много белых пятен. Монография Н. В. Синецкой, крупным современным специалистом в науке о Максиме Греке, представляет собой жизнеописание Святогорца, построенное на результатах последних исследований его творчества. Так, московским ученым сделано важное открытие, а именно установлено, что Максим Грек, проведший в монастыре Святого Марка во Флоренции около года, с июня 1502 по апрель 1503 г., в качестве новicia (послушника), не принял постриг в католическом монастыре, не стал доминиканцем, как считал И. Денисов [Синецкая, 2008а. С. 76–82]. Б. М. Клосс предложил новую датировку смерти ватопедского монаха в Троице-Сергиевом монастыре – начало декабря 1557 г. [Клосс, 2015].

Американский византист И. Шевченко контурно изобразил причастность Максима Грека к четырем мирам: западному, греческому, молдавляхийскому и миру Московского государства – и представил его как писателя и поэта греческой диаспоры итальянской культуры, признавая чисто географическую соотнесенность его творчества с Россией, и сочинения на церковнославянском языке определил как «славянское литературное одеяние Максима» [Шевченко, 2009. С. 478–480].

Уроженец города Арты, выходец из семьи образованных греков (отца, мать, дядю называли философами), Михаил Триволис (ставший в 1506 г. постриженником Ватопедского монастыря под именем Максим) в 1492–1506 гг. учился в Падуе, Милане, Флоренции, трудился в Болонье, Венеции, Ферраре, Мирандоле и др. городах Апеннинского полуострова. Он активно общался с членами греческой диаспоры, в первую очередь с Иоанном Ласкарисом, известным ученым и выдающейся личностью, служил секретарем у Джанфранческо Пиколеллы Мирандола, общался с поэтом и переводчиком Анджело Полициано, работал в типографии Альда Мануция в Венеции, слушал страстные проповеди Савонаролы и был очевидцем его казни. В Италии Михаил Триволис занимался переводами, переписывал рукописи, преподавал. Находясь в России, Максим Грек вспоминал флорентийских и венецианских учителей и друзей, но те не сохранили о нем каких-либо сведений, видимо, по причине его молодости. Четырнадцать лет, проведенные в Италии и Ломбардии, переживавших расцвет гуманистических идей, находившихся в противоборстве с Францией и в нем не выстоявших, оказали большое влияние на формирование личности и творческого потенциала молодого грека. В науке давно стоит вопрос об отношении Максима Грека к итальянскому гуманизму [Гудзий, 1911; Синецкая, 2008б], и исследователи признают его как человека, сохранившего отпечаток ренессансной культуры, так, Шевченко назвал его «человеком, запрограммированным Западом» [Шевченко, 2009. С. 482]. Но своей духовной родиной он считал Ватопед и неоднократно просил Ивана IV: «Отдай меня, благовернейший царь, честной обители Пресвятой Богородицы Ватопедской», «Подари мне, рабу твоему и богомольцу нищему, во Святую Гору възвращение... отпусти мене с миром отсюда», «да там положатся окаянные мои кости». Как писатель он сформировался в парадигме православной культуры, и в письме 1552 г. к некоему Макробию признался: «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем» [Бушкович, 1993. С. 216]. Образ родился от осознания своего долгого и трудного жизненного пути. Согласно античным преданиям, на Крайнем Севере за Рифейскими горами, с которых дул холодный ветер, находится страна гипербореев. «Автобиографическая метафора “гипербореец из Эллады”, этот замешанный на горечи и гордости поэтический образ явится как данью красивой легенде и литературной традиции, так и осознанием своего полного парадоксов жизненного пути» [Синецкая, 1990. С. 215].

Следующее десятилетие своей жизни Максим провел на Афоне, став иноком Ватопедского монастыря (1506–1516 гг.). Об этом периоде науке известно очень мало, но первые поэтические опыты появились в этой обители: сохранились четыре эпиграфы, эпиграмма и канон

Иоанну Крестителю, сочиненные монахом. Н. В. Синецына пишет, что в «богатейших книжных сокровищницах Ватопеда он обрел широкие возможности приобщения к христианским древностям, творениям святых отцов, в которых сохранялись и элементы античных достижений, столь ценимых гуманистами. А позже в России он посвятил себя делу возрождения на Руси святоотеческой традиции, в которой заключены духовные ценности христианства. Многие его сочинения сохраняют актуальность и сегодня» [Синецына, 2008а. С. 210].

В Московской Руси Максим Грек появился уже в зрелом возрасте, ему было около пятидесяти лет. Как публицист он состоялся именно в России. Его литературное наследие составляет около 150 сочинений разных жанров¹. Они порождены политическими, социальными, этическими проблемами, взволновавшими иноземца в новом отечестве.

В XVI в. большую роль в общественной жизни и книжной культуре Московской Руси играли Волоколамский монастырь [Дмитриева, 1991; Усачев, 2011; 2017], который стал местом его первого заточения, и Кирилло-Белозерский [Книжные центры..., 2008]. В них работали крупные книгописные мастерские, и выходцы из этих обителей сыграли важную роль в государственной и общественной жизни страны. К моменту прибытия Максима Грека большим авторитетом на Руси пользовалась «Книга на новгородских еретиков» («Просветитель») Иосифа Волоцкого, в составлении которой принимал участие Нил Сорский, но в сочинениях Максима Грека не обнаружено каких-либо признаков его знакомства с трудом русского писателя. Традиции творчества игумена Волоколамского монастыря были продолжены Даниилом, который занял в 1522 г. митрополичью кафедру и инициировал суды 1525 и 1531 гг. над Максимом Греком. И снова приходится констатировать тот факт, что в трудах ученого грека и Московского митрополита не обнаружено пересечений, схождений, диалога. Безусловно, Даниил знал некоторые сочинения афонского инока, пользовался его переводами Бесед Иоанна Златоуста, но не ответил, например, на послание святогорского монаха о примирении [Журова, 2008. С. 343–348; 2011. С. 136–145]. Максим Грек, находясь в 30–40-е гг. в заточении в стенах тверского Отроча монастыря, не ведал о главном труде митрополита – «Соборнике». Этот памятник отразил отдельную линию в развитии церковного проповеднического искусства – назидательство, наставления по вопросам нравственного богословия. Русская публицистика в первой половине XVI в. во многом определялась трудами волоколамских писателей, развивавших отечественную книжную традицию.

Максим Грек принес в Россию новую культуру слова, построенную на достижениях византийской литературы и освоении языка итальянского Возрождения. Русские читатели через текст Святогорца познакомились с именами античных философов и поэтов (Гомера, Платона, Аристотеля, Платона), узнали об открытии Америки и Индии, о египетских городах Менде и Мемфисе, а также о Гибралтаре, Мавзолее, Колоссе Родосском и др. И. Шевченко значение творчества ученого монаха видел в том, «что в его лице впервые за все время от Владимира Великого до Ивана Грозного восточнославянские книжники в течение почти сорока лет оказались потенциально связаны с представителем высокой византийской культуры, причем, надо добавить, в его случае – также и ренессансной. Жаль, что такая встреча произошла после падения самой Византии» [Шевченко, 2002. С. 484].

Неоценимый вклад Максима Грека состоит в том, что он внедрил на Руси опыт гуманистической филологии, практику критики текста, способствуя тем самым развитию рационалистической теории искусства слова, описанной в современной науке [Калугин, 1997; Матхаузерова, 1976]. С Афона Максим Грек привез не только греческие рукописи с творениями святых отцов, но и герменевтический подход к прочтению текста. К огромной заслуге средневекового писателя следует отнести его труды по возрождению и распространению патристики на Руси. Андрей Курбский вспоминал свой разговор с Максимом, в котором старец свидетельствовал, что книги учителей Церкви «в греческом языке все обретаются, и не только на славянский, но и на латинский язык не все еще переложены (не переведены)». Справедливости ради надо сказать, что интерес и стремление к распространению святоотеческих трудов наблюдаются в словах «Соборника» Даниила, в которых выписки из апостольских посланий, учительной литературы вынесены в отдельный раздел – «свидетельства», занимающий большой объем текста (до 90 %).

¹ В библиографическом труде А. И. Иванова Максиму Греку приписано 365 сочинений [Иванов, 1969].

Уникальность ученого инока в истории европейской и русской культуры конца XV – первой половины XVI в. Н. В. Синицына определила так: «...он владел языками трех составных частей тогдашнего христианского мира – языком греческого православия и античной культуры, языком латинского мира, церковнославянским языком (в его русском изводе). Речь идет не просто о языке как средстве повседневного общения, но о языках культур и проблемах переводимости, которые он решал блестяще в условиях своего времени» [2008а. С. 210].

Принимая эти высокие измерения творчества Максима Грека, следует отметить также, что большая заслуга Святогорца состоит не только в том, что он выступил как переводчик и просветитель, но и как учитель с активной авторской позицией, с высоким авторским самосознанием, с неподдельным интересом к результатам своих трудов, с заботой о восприятии своих сочинений. Он составил «избранное» собственных произведений: один авторский кодекс состоит из 47 глав (Иоасафовское собрание), другой из 73–74-х (Хлудовское собрание). Цель этого проекта Максим Грек определил в предисловии к своду: «...наставление всякое, направляющее читателя на путь добродетелей... чтобы исправлять свое житие». Он обращается к тому, кто размышляет о правде и справедливости, желает быть просвещенным; тот, пишет монах, пусть возьмет в руки «малое сие трудолюбие» (так он называет свою книгу), разогнет ее и «обрящет» много полезного для себя.

Максима Грека отличает высокая самооценка, что было не свойственно древнерусскому книжнику. Так, в «Сказании о соблюдении Символа веры» писатель, поставив себя в ряд с Иоанном Златоустом, Исидором Пилусидским, сделал примечательное признание: «Подобно этим святым и я, грешный богомолец, молю вас Иисусомъ Христом: прекратите новоявленные мудрования <...> И если послушаете это мое краткое наставление и перестанете смущать людей, то слава Богу, давшему мне грешному такую большую силу слова!» [Журова, 2011. С. 216–217]. Осознание своего таланта и независимая позиция представляют Максима Грека как личность ренессансной культуры.

Своими трудами, собранными в систематизированные своды, Максим Грек много лет отвечал «судиям моим». Ответы Собору содержатся в серии его сочинений: программном «Исповедании веры», двух «отвещательных» Словах об исправлении книг русских, двух Словах к начальствующим на земле [Преподобный Максим Грек, 2014. С. 51–58, 136–149, 247–271] и др. Эта тема хорошо разработана в исторических исследованиях жизни и творчества Максима Грека: «Автор с помощью сочинений, направленных против “ересей” и “отступлений”, доказывал чистоту своей собственной веры, отсутствие “еретического порока”. Именно в этом заключался первоначальный замысел собрания» [Преподобный Максим Грек, 2014. С. 20]. На протяжении всей своей жизни ученый монах в виде прямых обращений к власти или опосредованных высказываний различного формата (статья или сборник) защищался от хулителей и клеветников.

Последняя оправдательная речь была сочинена Максимом Греком в ожидании Собора 1548–1549 г., на который его собирались вызвать в качестве свидетеля: «Ответ вкратце к Святому собору о том, в чем оклеветан»². Текст составлен в виде заготовки, сохранился в единственном списке, содержит авторскую правку, но не включен в Иоасафовское и Хлудовское собрания. В нем Максим Грек подвел промежуточный итог творчеству. К своим заслугам в «Ответе» Святогорец отнес переводческие труды, в первую очередь перевод Толковой Псалтыри и иных книг, «наполненных духовной пищей». Отметил он свои «стязания» с Николаем Булевым («неким латиномудренным хульником»), полемические трактаты против иноверцев, защиту Богородицы от хулителей. Выделил он «и иные различные писания о добродетели и злобе, правде и неправде, о целомудрии и покаании, иноческой жизни, о нестяжании и вотчиновладении монастырей...». Список трудов Максима Грека обширен, но главное достоинство публициста состоит не в количестве его трудов, а в активной деятельностной позиции писателя: обитая на периферии Московского государства (тверском Отроче монастыре), он находился в центре культурного процесса. Он горел желанием изменить ту или иную ситуацию, повлиять на умы своих читателей, свои письменные труды ценил как победный марш: *обличил и посрамил* Николая Немчина и всякое латинское зловерие, *ополчился* против магометан и языческого многобожия, доблестно *восстал* против еврейского

² РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Л. 288 – 294 об.

зловения, *изобличил* армянскую ересь, также *не промолчал* он против хулителей Богородицы³. Собственное обличительное слово он представил как оружие: «...и тем приготовил непобедимое оружие, им можно заградить уста скверных». Если Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил замысел своих сочинений определяли как некую заготовку, помощь в «стязаниях», то Максим Грек свою позицию обозначил как воинствующую по отношению к еретикам и иноверцам. В этом принципиальная разница между двумя школами писателей. В конце своего творческого пути Святогорец обращался к Ивану IV: «И придя сюда (на Русь. – Л. Ж.), непраздным и небездельным представился вашему благочестию». Именно «философия поступка», если использовать язык М. М. Бахтина, выделяет Максима Грека из ряда писателей XVI в. Если до этого времени мы говорим о публицистичности в древнерусской литературе, то с приходом ученого грека можно утверждать становление публицистики как самостоятельного вида литературного творчества и считать Максима Грека первым публицистом в России.

Его наследие сегодня представлено академическим изданием⁴. Десять лет назад вышел первый том сочинений, подготовленный под редакцией автора «Проекта издания сочинений Максима Грека» Н. В. Сеницыной [1993–1994]. В него вошли ранние сочинения церковного писателя [Преподобный Максим Грек, 2008]. В 2014 г. опубликован второй том трудов Святогорца, в котором полно представлен один из важных авторских кодексов – Иоасафовское собрание [Преподобный Максим Грек, 2014]. На очереди подготовка издания третьего тома рукописного наследия публициста. В его состав должны войти сочинения Хлудовского и Румянцевского собраний. Впервые проведенное текстологическое исследование прижизненных кодексов писателя позволило установить эволюцию собраний писателя: тексты Румянцевского сборника, как правило, сохранили первоначальные авторские варианты сочинений, и вместе с Иоасафовским собранием они восходят к общему протографу; отношения Румянцевского сборника и Хлудовского собрания вполне независимы, эти своды имели самостоятельные архетипы [Журова, 2008. С. 205–483].

Авторские кодексы Максима Грека, рассчитанные на русского читателя, удостоверяют осознание себя писателем невольно обретенного отечества, где не только по царской воле, но по Божьему Промыслу ему была уготована драматическая судьба, предопределившая бессмертие.

Список литературы

Гудзий Н. К. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Киевские университетские известия. 1911. № 7. С. 7–17.

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Бушкович П. Максим Грек – поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–228.

Дмитриева Р. П. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 3–23.

Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: В 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1; 2011. Ч. 2.

Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969.

Калугин В. В. Теория текста в русской литературе XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 611–616.

Клосс Б. М. О дате смерти Максима Грека // Россия и христианский Восток. М., 2015. С. 136–139.

Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. 496 с.

³ Сочинения на эти темы опубликованы: [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 171–242; Т. 2. С. 71–135, 338–339].

⁴ До сих пор в ходу знаменитое издание XIX в. Казанской духовной академии: Сочинения преп. Максима Грека. Казань, 1859–1861. Т. 1–3.

- Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271–284.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.
- Преподобный Максим Грек. Соч. М., 2008. Т. 1.
- Преподобный Максим Грек. Соч. / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2014. Т. 2.
- Сеницына Н. В. Гипербореец из Эллады, или Одиссея Максима Грека // Прометей. 1990. Т. 16. С. 214–236.
- Сеницына Н. В. Проект издания сочинений Максима Грека // *Cyrrillomethodianum* XVII–XVIII. Thessalonique, 1993–1994. С. 93–141.
- Сеницына Н. В. Максим Грек. М., 2008а.
- Сеницына Н. В. Обрушивался ли преп. Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм? // Сборник, посвященный памяти Л. В. Черепнина. М., 2008б. С. 15–34.
- Усачев А. С. Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Исторические записки. М., 2011. С. 151–169.
- Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.
- Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова. М., 2009. С. 477–488.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2018

L. I. Zhurova

*Institute of History SB RAS
8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 63090, Russian Federation*

zhurova@ngs.ru

**«THE ONE WHO WAS HELLADIC TODAY BECOMES A HYPERBOREAN...»
TO THE 500TH ANNIVERSARY OF THE ARRIVAL OF MAXIMUS THE GREEK
TO RUSSIA**

In this article the author describes one of the formative stages of Russian medieval publicism on the basis of works written by Maximus the Greek. The aim is to represent Maximus the Greek as the first Russian publicist. In Russian culture XVI century was a period when literature and reality in the art of writing history made a strong alliance. The air of hesitation, searching for the answers, polemics, courts, church councils, and a race for power are the outstanding characteristics of that time. The works of Maximus the Greek who arrived to Moscow from Afon in March, 1518, were formed in the context of three cultures: Italian Renaissance, Byzantine Orthodoxy and Russian reality. His life in Italy was connected both to the prominent representatives of humanitarian culture and Dominican priest Savonarola, and it provided for his artistic potential. Studying patristics in Vatopedi monastery formed the basis of his writing practice, there he took the monastic vows and spent ten years, during which he wrote several early essays. In Russia his creative work succeeded, Maximus the Greek created about 150 essays of different genres on topical questions of social and cultural life in Muscovia. Maximus the Greek brought to Russia a new culture of word based on the achievements of Byzantine literature tradition and capture of Italian Renaissance language. The inestimable contribution of Maximus the Greek is that he introduced the experience of humanitarian philology and text criticism practice in Rus, thus providing the development of art of word rational theory. Main achievements of the medieval writer include his work on restoration and promotion of patristics in Rus, his translation and education works, and big various manuscript heritage. In this research the author points out the expression of writer's pragmatist position. High self-awareness, dignified self-esteem, concern about the impression from his works, representation of his words as an invincible weapon in polemics with unorthodox, which becomes his heritage, active work of a confined monk on social opinion formation concerning several topical questions in ideology and moral theology make Maximus the Greek an outstanding author among the church writers of that time.

The establishment of publicism as an independent kind of literary creation in Russia happened due to the influence of Maximus the Greek. He should be accepted as the first publicist in Russia, which a bit eliminates his role of a preacher. Author's codices for Russian readers written by Maximus the Greek assure us that the learned monk recognized himself as a writer of unwillingly obtained Orthodox motherland where both tsar's will and Divine Providence prepared for him a dramatic fate that predestined the immortality.

Keywords: Maximus the Greek, publicism, author's self-consciousness, Italian Renaissance, Vatopedi, polemics, manuscript heritage, culture of word

References

- Bulanin D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka* [Translations and Messages of Maximus the Greek]. Leningrad, 1984, p. 278. (in Russ.)
- Bushkovich P. Maksim Grek – poet-«giperboreets» [Maximus the Greek – poet-«Hyperborean»] // *TODRL*. St. Petersburg, 1993, vol. 47, p. 215–228. (in Russ.)
- Dmitrieva R. P. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti [Joseph-Volokolamsk Monastery as a Book-learning Center]. *Book-learning Centers of Ancient Rus. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti* [Joseph-Volokolamsk Monastery as a Book-learning Center]. Leningrad, 1991, p. 3–23. (in Russ.)
- Gudziy N. K. Maksim Grek i ego otnoshenie k epohe ital'yanskogo Vozrozhdeniya [Maximus the Greek and His Attitude Towards the Epoch of Italian Renaissance]. *Kiev Universities Proceedings*, 1911, no.7, p. 7–17. (in Russ.)
- Ivanov A. I. *Literaturnoe nasledie Maksima Greka. Harakteristika, atributsiya, bibliografiya* [Literary Heritage of Maximus the Greek. Characteristics, Attribution, Bibliography]. Leningrad, 1969, 248 p. (in Russ.)
- Kalugin V. V. *Teoriya teksta v russkoy literature XVI v.* [Theory of Text in Russian Literature of XVIc.]. *TODRL*. St. Petersburg, 1997, vol. 50, p. 611–616. (in Russ.)
- Kloss B. M. O date smerti Maksima Greka [On the Date of Death of Maximus the Greek]. *Russia and Christian East*. Moscow, 2015, p. 136–139. (in Russ.)
- Knizhnye tsentry Drevney Rusi [Book-learning Centers of Ancient Rus]. Kirill-Belozersk Monastery. St. Petersburg, 2008, 496 p. (in Russ.)
- Mathauzerova S. Dve teorii teksta v russkoi literaure XVII v. [Two Text Theories in Russian Literature of XVIIc.]. *TODRL*. Leningrad, 1976, vol. 31, p. 271–284. (in Russ.)
- Poslaniya Iosifa Volockogo [The Messages of Josef Volockiy]. Prep. by A. A. Zimin, Ya. S. Lur'ye. Moscow, Leningrad, 1959, 390 p. (in Russ.)
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Saint Maximus the Greek. The Essays]. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (in Russ.)
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Saint Maximus the Greek. The Essays]. Resp. ed. N. V. Sinitsyna. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (in Russ.)
- Shevchenko I. Chetyre mira i dve zagadki Maksima Greka [Four Worlds and Two Puzzles of Maximus the Greek]. *Seas and Shores. To the 60th Anniversary of Sergey Pavlovich Karpov*. Moscow, 2009, p. 477–488. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V. Giperborrets iz Ellady, ili Odissey Maksima Greka [The Hyperborean from Hellas, Or Maximus the Greek's Odyssey]. *Prometheus*, 1990, vol. 16, p. 214–236. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V. Maksim Grek [Maximus the Greek]. Moscow, 2008a, 235 p. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V. Obrushivalsya li prep. Maksim Grek v Moskve na ital'yanskiy gumanizm? [Was Maximus the Greek Attacking the Italian Humanism in Moscow?]. *Collection Dedicated to Memory of L. V. Cherepnin*. Moscow, 2008b, p. 15–34. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V. Proekt izdaniya sochineniy Maksima Greka [The Project of Editorial of Maximus the Greek's Essays]. *Cyrrillomethodianum XVII–XVIII*. Thessalonique, 1993–1994, p. 93–141. (in Russ.)
- Usachev A. S. Kogda zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russloy Tserkvi XVI v.? [When Did the «Volokolamsk Hegemony» Come to an End in Russian Church of XVI century?]. *Historical Notes*. Moscow, 2011, p. 151–169. (in Russ.)

Usachev A. S. Pochemu zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russloy Tserkvi XVI v.? [Why Did the «Volokolamsk Hegemony» Come to an End in Russian Church of XVI century?]. *Russian History*, 2017, no. 5, p. 97–113. (in Russ.)

Zhurova L. I. Avtorskiy tekst Maksima Greka: rukopisnaya i leteraturnaya traditsii [Maximus the Greek's Author's Text: Manuscript and Literary Tradition]. In 2 parts. Novosibirsk, 2008, part 1, 495 p.; 2011, part 2, 302 p. (in Russ.)

For citation:

Zhurova L. I. «The One Who Was Helladic Today Becomes a Hyperborean...» To the 500th Anniversary of the Arrival of Maximus The Greek to Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 7–14. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-7-14

А. Е. Козлов

*Тартуский университет
ул. Lossi, 3, Тарту, 51003, Эстония*

alexeykozlov54@gmail.com

**ЖУРНАЛ «ВСЕМИРНЫЙ ТРУД»:
К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ИЗДАНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ
БЕЛЛЕТРИСТОВ***

Анализируются редакционно-издательские стратегии и тактики журнала «Всемирный труд», рассматривается история издания и динамика литературно-эстетических взглядов критического отдела журнала. На примере критических статей и разборов Н. И. Соловьева, П. Д. Боборыкина, В. И. Кельсиева, Н. Д. Ахшарумова рассматриваются основные концепции издания, приемы, избранные критическим отделом для интерпретации художественных текстов и эстетических явлений.

Особое внимание уделено репутации беллетристов, сформировавших литературный круг журнала, – А. Ф. Писемского, П. Д. Боборыкина, В. П. Авенариуса, Н. Д. Ахшарумова и пр. Высказана гипотеза о том, что собранные в издании беллетристы «второго» и «третьего» ряда не только не упрочили свой «социальный престиж», но, наоборот, понесли определенные репутационные потери, обусловленные выбором журнала. Последнее замечание определяет возможную перспективу исследования – рассмотрение тактики издания как фактора, влияющего на прижизненную и посмертную литературную репутацию писателя-беллетриста.

Ключевые слова: русская журналистика XIX в., история журналистики, литературная репутация, критика, Ахшарумов.

Представление о литературном процессе второй половины XIX в. значительно корректируется при рассмотрении его как неотъемлемой части журналистики. Как неоднократно отмечалось, ни одно крупное явление художественной литературы не появлялось в «книжном формате», изначально оно представало в рамках определенного периодического издания, часто произвольно сегментируемое редакцией на серию номеров, далее, становясь фактом журналистики, подвергалось всестороннему анализу и критике, и, наконец, пройдя своеобразную «легитимизацию», входило в поле литературы. Таким образом, книга становилась чем-то вторичным, журнал – первичным, представляя собой доминанту, обусловленную социальным и идеологическим, а главное – потребительским выбором¹ [Есин, 1989; Зыкова, 2005; Симонова, 2009].

* Исследование поддержано *EU Regional Development Fund* (Research topic: Literature Reputation of Mass-Fiction Writer: Nikolai Aksharumov Case).

¹ Как писал Э. А. Хан, «при бедности книжной литературы, при дороговизне книг и соответственно слабом расходе их и слабой издательской деятельности журналистика с самого начала почти поглотила в себе книжную литературу: всё более замечательное и капитальное являлось прежде в периодической литературе, и появление сочинения в книжке журнала было иногда даже пробным камнем – пойдёт ли оно в отдельной продаже» (От редакции // *Всемирный труд*. 1870. № 1). Эту мысль нельзя назвать оригинальной. Данное явление было хорошо осознано и отражено большинством периодических изданий.

В сущности, к 40-м гг. XIX в. журнал создавал эффект дублирующей реальности – он становился салоном, клубом по интересам, политическим и социальным кружком [Шкловский, 1990; Рейтблат, 2009]. В критике и публицистике стало нормой оценивать поступки и поведение героев русской беллетристики как выполненные по журналу², т. е. диктуемые социальной модой. Внутрижурнальная полемика неизбежно проецировалась на споры и баталии в действительности; неслучайно к середине 60-х гг. в дискурс повседневной журналистики входит понятие «литературной дуэли»³.

Кажется вполне закономерным, что и прижизненная литературная репутация⁴ писателя зачастую маркировалась, определялась теми периодическими изданиями, в которых публиковались авторские произведения. Так, например, «Вестник Европы» и «Русский вестник» к концу 60-х гг. осознавались как журналы консервативного толка, «Современник» и «Отечественные записки» (после перехода в журнал Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина) воспринимались преимущественно как либерально-демократические издания. Зачастую от того, какой журнал выбирал беллетрист, зависела его оценка критическим сообществом. Так, публикация романов «Отцы и дети» и «Преступление и наказание» в «Русском вестнике» воспринималась преимущественно как жест консервативной части общества, поэтому идентифицирующие себя с демократическими взглядами издания формировали критический взгляд не по эстетическим достоинствам или недостаткам, а по соответствию / несоответствию этих текстов либерально-демократическим установкам.

В этом контексте кажется показательной история периодического издания «Всемирный труд». Это издание, появившееся в 1867 г., просуществовало 6 лет и было закрыто правительственным распоряжением в 1872-м. За время своего существования журнал неоднократно менял редакционно-издательскую стратегию, избирая новые, ранее несвойственные ему тактики для захвата большего социального поля.

В первый год своего существования, журнал, инициированный и издаваемым Э. А. Ханом, значительное место и внимание отводил журнальной полемике и литературной критике. Уже в первом номере Н. И. Соловьев выразил свою (и, разумеется, журнальную) позицию в статье «Принципы жизни»: «Мы переходим, мы сошли с чего-то; колёса, на которых до сих пор катились по пути прогресса, отброшены в сторону; телега жизни и лихой ямщик – седое время, направляют нас к чему-то другому, и эта даль без конца, эта ширь земли родной раскрылась еще больше нашим, отвыкшим от простора, взорам»⁵. Характеризуя современную социальную действительность как «туман из скопления абстрактных идей и полумистических мечтаний»⁶, критик в то же время призывал читателей придерживаться определенного

² См., например: «Одним словом – человек действует *по журналу* (курсив наш. – А. К.), и хотя выходит ужасно скверно, но показывает, что ему ничего, что он так делает по собственному сердечному велению» (Аноним. Подводный камень. Роман М. В. Авдеева в двух частях // Современник. 1860. № 6. С. 104). Такое поведение *по журналу* нашло своеобразное отражение в дилогии В. П. Авенариуса «Бродячие силы»: «Но, милый мой, – осмелилась тут подать голос Наденька, – ведь и Лопухов выпустил Верочку из “подвала”, не окончив курса, а между тем они устроились отлично: тут же добыли переводов, а вскоре Лопухову предложили и место управляющего на заводе. Чекмарев с сожалением покачал головою: ...Ведь Лопухов – произведение бойкой фантазии романиста, которому ничего не стоило наделять своего героя всевозможными благодатями; назначь он ему хоть миллион годовой ренты – у него, у автора, от того ни гроша бы из кармана не убыло; было бы только эффектней. Попробуй же наш брат, несочиненный, существующий в действительности смертный, не окончив курса да “без кормила и весла” в виде диплома на лекаря или доктора, пуститься в “океан жизни”...» (Авенариус. Поветрие // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 64).

³ Следует также отметить, что титул сатирического еженедельника «Искра» за 1863 г. был оформлен карикатурой, изображающей поле битвы различных периодических изданий.

⁴ Вслед за А. И. Рейтблатом мы понимаем под *литературной репутацией* «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части его участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [Рейтблат, 2001, с. 51]. Мы учитываем, что литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя [Рейтблат, 2001; Печерская, 2012], и рассматриваем это понятие как синонимичное понятию «социальный престиж» («соотносительная оценка социальной роли или действия, социальной или профессиональной роли или действия, социальной или профессиональной группы, социального института, разделяемая членами данного сообщества или группы на основании определенной системы ценностей» [Bourdieu, 1996]).

⁵ Соловьев Н. И. Принципы жизни // Всемирный труд. 1867. № 1. С. 137.

⁶ Там же. С. 140.

курса, соотносимого с консервативными установками других, успевших себя зарекомендовать, периодических изданий. В частности, Соловьев призывал задуматься о ценностях семьи, гражданственности, законопослушности. Искусство, по версии Соловьева, служит этой задаче недостаточно удовлетворительно, что порождает хаос общественной жизни.

Кажутся характерными используемые критиком метафоры, взятые из полемических романов [Старыгина, 2003] 60-х гг.: «И этот вихрь жизни, это вечно клокочущее море житейское никогда не имело такого широкого разлива как теперь: современного человека не только давит нужда, душит недостаток вольного воздуха, но он еще захлебывается в волнах неудержимой страсти»⁷, – пишет Соловьев в статье «Суета сует». Обращаясь к прецедентным текстам (книга «Экклезиаст»), Соловьев в то же время проецирует ее пессимистическое содержание на современное состояние российского искусства. В частности, он обращается к детальному разбору романов А. Ф. Писемского, Вс. Крестовского, Н. С. Лескова. Утверждая, что данные беллетристы обладают особым повествовательным талантом, он в то же время показывает негативные стороны их эстетической деятельности. Н. И. Соловьев упрекает их за искусственность характеров, непомерную растянутость произведений (в частности, «Некуда» и «Петербургские трущобы»), прямо называя «Некуда» *неудачным продолжением неудачного же романа* «Взбаламученное море» и уничижительно сравнивая сочинения Крестовского с произведениями французской беллетристики. По всей видимости, своими статьями критик даже перешел границу дозволенного (критикуемые А. Ф. Писемский и Вс. Крестовский публиковали в первых номерах «Всемирного труда» свои произведения), поскольку в дальнейшем критическому разбору подвергались только произведения г-на Стебницкого – Н. Лесков, оставивший в адрес издания близкий к инвективе отзыв⁸, был подходящей мишенью для упражнений критики. Сходную с Соловьевым стратегию избрал и Е. Эдельсон в очерках «О значении искусства в цивилизации». Представив довольно поверхностный обзор мировых литератур – греческой, латинской, восточной (китайской), перейдя к эпохе Возрождения, исследователь далее, игнорируя более чем трехвековую дистанцию, обращался к современным произведениям, описывая их в едином нерасчленном контексте.

Несколько иной тип критики представлен в статьях Н. Д. Ахшарумова. Не останавливаясь на эстетическом состоянии эпохи в целом, Ахшарумов представил в своих статьях так называемый имманентный анализ художественного текста. Его разборы романов «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «1805-й» («Война и мир» Л. Н. Толстого) представляют собой образец эстетической критики. В отличие от Соловьева, Эдельсона, Авенариуса и многих других, Ахшарумов строит свои взгляды на эстетической концепции имманентного соответствия частей произведения целому. Благодаря этому в арсенале критика оказались многочисленные приемы, не доступные другим, более активным участникам критического отдела журнала⁹. Близко к Ахшарумову стоит и П. Д. Боборыкин, изложивший свое видение концепции И. Тэна.

Пытаясь найти объединяющее начало, способное примирить утилитаризм и эстетизм, Н. И. Соловьев писал в середине 1868 г.: «Называют нас, например, эстетиком; так пусть так и останется за нами это название: будущее покажет, правы ли мы или нет»¹⁰. Кажется знаменательным, что при смене номинации сущностные стратегии журнала не изменились. Продолжая свою излюбленную мысль, Н. Соловьев констатирует: «...литературу нашу еще, что называется, носит; хаос мнений и изменчивость убеждений по-прежнему страшные.читающая публика, подобно толпе, глазающей по циркам и театрам, почти безразлично переходит от лагеря к лагерю, от одной литературной лавочки к другой. Последнее обстоятельство

⁷ Соловьев Н. И. Суета сует // Всемирный труд. 1867. № 2. С. 167–168.

⁸ В статье, посвященной беллетристике журнала и, в частности, повести В. П. Авенариуса поветрие, Н. С. Лесков писал: «Журнал г. Хана до сих пор возбуждает лишь злорадный смех литературных свистунов да удивление серьезных друзей литературы, пожимающих только плечами при чтении печатаемого в нем хлама; между тем как журнал этот, при независимости его редактора и очевидной готовности его вести свое дело в возможно совершеннейшем виде, мог бы служить обществу серьезную службу, а не быть предметом одних насмешек, к сожалению далеко не безосновательных» (Стебницкий. Литератор-красавец // Литературная библиотека. 1867. Т. 9. С. 304).

⁹ См. о его разборе «Преступления и наказания» статью Н. В. Володиной и Л. А. Сумароковой [2015].

¹⁰ Русская журналистика. Продолжение // Всемирный труд. 1868. № 2. С. 111.

во еще тем более поддерживается, что самые вывески на этих лавочках потеряли свой смысл и что нет никакого *grix-fixe* тем убеждениям, которые приводятся в различных органах»¹¹. В этой же статье, в новой для него манере, Н. И. Соловьев представляет фельетонный катафалк, на который мысленно помещает Н. А. Некрасова и других бывших сотрудников «Современника»: среди «литературных покойников вынесен “Отечественными записками” юморист Щедрин»¹². Отталкиваясь от критических разборов Н. Д. Ахшарумова, Соловьев предпринимает попытку присвоить журналу литературную славу романа Толстого: «Мы даже уверены, что те из них, которые продолжают до сих пор верить, что “искусство ниже действительной жизни”, совсем не перенесут или не переживут романа “Война и мир”»¹³. Данное сочинение было одним из последних критических разборов «туманного эстетика» (по меткому выражению С. А. Венгерова) Соловьева, опубликованных в журнале. Пришедший ему на смену В. И. Кельсиев продолжил ранее избранную линию: «Будущность перед нами стоит некрасивая. Старые писатели изгоняются из литературы, а новых у нас не заводится, и то, что и завелось, далеко не заменяет старых»¹⁴. Однако, по всей видимости, к концу 1869 г. критический отдел «Всемирного труда» исчерпал свои ресурсы и был заменен множеством сочинений научно-популярного и исторического характера.

Казалось бы, ставя своей задачей борьбу с *утилитаризмом* (несмотря на явно утилитарные установки Н. И. Соловьева), *практицизмом*, *материализмом*, журнал должен был иметь серьезную беллетристическую программу. Тем не менее, кроме упомянутых выше А. Н. Островского и А. Ф. Писемского, после первых номеров прекративших сотрудничество с журналом, издание, несмотря на многочисленные заверения («Мы старались дать нашим читателям литературные произведения писателей, талант которых уже признан критикой и обществом и которые в настоящей русской литературе занимают первостепенное положение»¹⁵), не смогло привлечь известных писателей или сформировать сколько-нибудь самостоятельный литературный круг. Свои художественные произведения публиковали здесь ветераны русской литературы: И. И. Лажечников, П. П. Каратыгин – уважаемые, но не оказавшие серьезного влияния на беллетристику; или же «подорвавшие» свою литературную репутацию – В. П. Авенариус, П. Д. Боборыкин, В. В. Крестовский, Н. Д. Ахшарумов и др. Следует также отметить, что неумеренный для 60-х гг. эротизм и физиологизм произведений В. П. Авенариуса (повести «Поветрие»¹⁶, «Ты знаешь край?») и особенно П. Д. Боборыкина (повести «Жертва вечерняя», «На суд»), выступавших при этом поборниками нравственности, создавал нежелательную для издания ценностную амбивалентность. Наконец, своеобразный опыт социального анализа представил и Н. Д. Ахшарумов в аллегорическом романе «Граждане леса». При очевидности аналогий между утопическими социалистами и лесными животными экспериментальный метод Ахшарумова, как бы переписавшего «Рейнеке-Лиса» И. В. Гёте, был явно чужд современной литературе. Кажется примечательным, что за немногим исключением никто из участвующих в издании не обрел сколько-нибудь устойчивой литературной славы (несмотря на реплики критического отдела, осуждавшего оппонентов: «уже это известно кто, уже это известно почему или, как они еще там выражаются, какой-нибудь Авенариус, какой-нибудь Ахшарумов»¹⁷). Журнал поразительным образом собрал беллетристов «второго» и «третьего» литературного рядов и при отсутствии сколько-нибудь прочерченной линии не оказал никакого положительного влияния на их «социальный престиж». Более того, складывается впечатление, что литературная репутация большинства из них прямо обусловлена этим эпизодом участия в беллетристическом отделе «Всемирного труда», чья непосле-

¹¹ Соловьев Н. И. Критика направлений // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 87.

¹² Там же. С. 106.

¹³ Там же. С. 117.

¹⁴ Кельсиев В. И. Я. П. Полонский как юморист // Всемирный труд. 1868. № 10. С. 107.

¹⁵ От редакции // Всемирный труд. 1867. № 9.

¹⁶ По всей видимости, задетый многочисленными негативными отзывами и принимая критику на свой счет, В. П. Авенариус был вынужден оправдываться перед читателем: «Я обязан был до тонкости изложить, так сказать, анатомировать их ситуации; для правдивости рассказа приходится жертвовать некоторою его чистоплотностью...» (От автора «Поветрия» // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 230).

¹⁷ Русская журналистика. Продолжение // Всемирный труд. 1868. № 2. С. 111.

довательность довольно быстро стала притчей во языцех¹⁸. К концу 1869 г. журнал покинуло большинство его постоянных сотрудников, а уже в 12-м номере 1871 г. публиковались исключительно переводные или исторические сочинения.

В это время Э. А. Хан практически отказался от издательской деятельности, переложив обязанности на С. С. Окрейца. Обновленный «Всемирный труд» предлагал принципиально иную программу, последовательно отвергая консервативно-охранительную тактику издания. В объявлении сообщалось, что «новая редакция будет держаться программы партии строго прогрессивной и радикальной». В пример приводились «Гражданин» и «Русский вестник» М. Н. Каткова. Называя всех прогрессистов радикалами, издатель Окрейц в то же время пояснял: «Мы вполне сочувствуем этим людям и в нашем органе никогда не дадим места никаким утопиям, никаким юношеским мечтам, а только станем разрабатывать факты нашей общественной жизни и откликаться на ее настоящие, насущные нужды»¹⁹. К сожалению, вышедшие затем 3 номера не позволяют составить представление об истинных намерениях редакции: возможно, это было рекламным ходом или примером. Так называемой агональной риторики [Шатин, 2015]. Видимых изменений в беллетристическом и историческом отделах не произошло, однако сам тон, избранный для обзоров, оказался неприемлем: после 2-х предупреждений, последовавших 7 апреля 1872-го (за статьи «Быт дальних мест нашего отечества»), «Политическое обозрение») и 24 мая 1872-го («Из вчерашнего Германии») распоряжением Министерства внутренних дел журнал был закрыт, и эпизод из истории журналистики получил статус литературного факта.

Суммируя представленные выше наблюдения, отметим, что данный эпизод истории русской журналистики является довольно показательным в плане прагматики и стратегии толстого журнала, определяющей социальный спрос и репутационное значение издания. Достаточно долго вырабатывая самостоятельную тактику, колеблясь в выборе между утилитаризмом и эстетизмом, практицизмом и рационализмом, «Всемирный труд» не мог привлечь читателя сколько-нибудь выстроенной и последовательной программой. Беллетристический отдел, зачастую компенсирующий такую рассогласованность, также должен был вызывать неоднозначное впечатление. Журнал, одновременно порицавший отрицательное направление в искусстве и романтизм новой прозы, с одной стороны, претендующий на утверждение новой эстетической программы, корректирующей взгляды В. Г. Белинского через И. Тэна (и фундаментальные статьи Н. Д. Ахшарумова и П. Д. Боборыкина) и отвечающий неуместными фельетонными нападками на незначительную критику демократических изданий, безусловно, в борьбе с «взбаламученным морем» общественного мнения, парадоксальным образом являл собой пример хаоса, неупорядоченности, чего-то неустоявшегося и от этого непривлекательного. Кажется уместным вспомнить в связи с этим слова критика Н. Д. Ахшарумова, которыми он завершал свой обзор романа Достоевского: «Покинутое сегодня – забыто завтра, и завтра же мы готовы плюнуть в глаза тому, кто поднимет брошенное, кто нам повторит то, что мы сами твердили еще накануне. <...> Нам тошно, мы задыхаемся, мы чувствуем, что нам сильно не достает чего-то, и начинаем уже догадываться, что это нечто совсем не так далеко от нас и не так мудрено, как мы думали; но нам обидно еще сознаться, что это нечто есть попросту – *здравый смысл*»²⁰. Недостаток этого ratio в редакционной тактике журнала становится очевидным при изучении как критического, так и беллетристического отделов журнала.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что репутация данного издания, оказала непосредственное влияние на «социальный и литературный престиж» участвующих в нем беллетристов. Последнее замечание открывает перспективу данного исследования, позволяя рассмотреть литературный круг и литературную среду как фактор, непосредственно влияющий на утверждение прижизненной и посмертной литературной репутации писателя-беллетриста.

¹⁸ В этом отношении издательские и организаторские способности Э. А. Хана явно отличались от способностей В. Г. Белинского («Современник»), Н. А. Некрасова («Современник», «Отечественные записки»), Г. Е. Благосветлова («Дело») и др. По терминологии С. А. Венгерова, он не обладал умением «создавать сотрудников», т. е. «давать сотрудникам не только темы, но и основные мысли» [Венгеров, 1907. С. 73].

¹⁹ Окрейц. От нового издателя // Всемирный труд. 1872. № 3.

²⁰ Ахшарумов Н. Д. Преступление и наказание. Критика // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 156.

Список литературы

- Венгеров С. А. Общий очерк истории новейшей русской литературы. СПб., 1907.
- Володина Н. В., Сумарокова Л. А. Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4.
- Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: Изд-во МГУ, 2005.
- Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М.: Высш. шк., 1989.
- Печерская Т. И. Свидетельство современников как источник литературной репутации // Памяти А. И. Журавлевой. М.: Три квадрата, 2012.
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009.
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛЮ, 2001.
- Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009.
- Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шкловский В. Б. Журнал как литературная форма // Шкловский В. Б. Гамбургский счёт. М., 1990.
- Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996.

Материал поступил в редколлегию 14.04.2017

A. E. Kozlov

*University of Tartu
3 Lossi Str., Tartu, 51003, Estonia*

alexeykozlov54@gmail.com

THE TACTICS OF THE EDITION AND LITERATURE REPUTATION OF THE BELLETRISTS (JOURNAL «WORLD LABOR» (1867–1872) CASE)

The article analyzes the editorial and publishing strategies and tactics of the magazine 'Vsemirnyj Trud' ('The World Labor'), examines the history of the publication and the dynamics of the literary and aesthetic views of the critical department of the journal. On the example of critical articles of Nikolai Ivanovich Solovyov, Petr Dmitrievich Boborykin, Vasily Ivanovich. Kelsiev, Nikolay Dmitrievich. Akhsharumov are considered the basic concepts of the publication, the techniques selected by the critical department for the interpretation of artistic texts and aesthetic phenomenon. Particular attention is paid to the reputation of writers who formed the literary circle of the journal – Alexei Feofilaktovich Pisemsky, Petr Dmitrievich Boborykin, Vasily Petrovich Avenarius, Nikolai Dmitrievich Akhsharumov and others. The hypothesis was put forward that the novelists of the «second» and «third» layers aren't developed their «social prestige», but on the contrary experienced certain reputation losses caused by the choice of the magazine. The last remark determines the possible prospect of research – consideration of publication tactics as a factor that influences the lifelong and posthumous literary reputation of the mass-writer. Summing up the above observations, we states that this episode of the history of Russian journalism is quite indicative in terms of pragmatics and the strategy of a magazine that determines the social demand and the reputational significance of the publication. Independent tactics, hesitating in the choice between utilitarianism and aestheticism, practicality and rationalism, 'World Labor' could not attract the

reader in any coherent and consistent program. The fiction department, often compensating for this discrepancy, also had to cause an ambiguous impression. The magazine, simultaneously criticizing the negative trend in art and the romanticism of new prose, on the one hand, claiming to approve a new aesthetic program, correcting the views of Vissarion Belinsky (and the fundamental articles of Nikolay Akhsharumov and Petr Boborykin) and responding to inappropriate satirical attacks on insignificant criticism of democratic publications, undoubtedly in the fight against the public opinion, paradoxically was an example of chaos, disorder, something unsettled and from this unattractive. Particular attention should be paid to the circumstance that the reputation of this publication had a direct impact on the «social and literary prestige» (by P. Bourdieu) of the writers participating in it. The last remark opens the prospect of this research, allowing to consider the literary section and the literary environment as a factor directly influencing the lifetime and posthumous literary reputation of the mass writer.

Keywords: Russian journalism of the XIX century, history of journalism, literary reputation, criticism, Akhsharumov.

References

- Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996.
- Esin B. I. Istoriya russkoj zhurnalistiki XIX veka [Review of the history of Russian journalism of XIX century]. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Pecherskaya T. I. Svidetel'stvo sovremennikov kak istochnik literaturnoj reputatsii [The testimony of contemporaries as a source of literary reputation]. *Pamyati A. I. Zhuravlevoj*. Moscow, 2012. (in Russ.)
- Rejtblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoj kul'ture Pushkinskoj ehpokhi [As Pushkin became a genius. History and Sociology Reviews of Literature of Pushkin era]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Rejtblat A. I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoj literatury [From Bova to Balmont. Other works of the historical sociology of Russian literature]. Moscow, 2009. (in Russ.)
- Shatin Yu. V. Russkaya literatura v zerkale semiotiki [Russian literature: semiotic approaches]. Moscow, 2015. (in Russ.)
- Shklovskij V. B. Zhurnal kak literaturnaya forma [Journal as a literary form]. *Gamburgskij schyot*. Moscow, 1990 (in Russ.)
- Simonova N. B. Sistema periodicheskoy pechati Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [System of periodical press in Russia (second half of XIX – beginning of XX century)]. Novosibirsk, 2009. (in Russ.)
- Sarygina N. N. Russkij roman v situatsii filosofsko-religioznoj polemiki 1860–1870-kh godov [Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of 1860–1870-ies]. Moscow, 2003. (in Russ.)
- Vengerov S. A. Obshchij ocherk istorii novejshej russkoj literatury [Review of the history of modern (actual) Russian literature]. St. Petersburg, 1907. (in Russ.)
- Volodina N. V., Sumarokova L. A. N. D. Akhsharumov o romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Nikolay Aksharumov about Dostoevsky's «Crime and Punishment»]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 4. (in Russ.)
- Zykova G. V. Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 [Poetics of the Russian periodical magazine (1830–1870)]. Moscow, 2005. (in Russ.)

For citation:

Kozlov A. V. The Tactic of the Edition and Literature Reputation of the Belletrists (Journal «World Labor» (1867–1872) Case). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 15–21. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-15-21

Н. В. Жиликова

*Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

retama@yandex.ru

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ В САТИРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ
«СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ РОДНОГО ГОРОДА»
(1909, ТОМСК) ***

Анализируются передовые статьи томского сатирического журнала «Силуэты жизни родного города» (1909), написанные в форме пародийных «отчетов» о редакционной жизни. Рассматриваются история и структура журнала, определяются место и значение «отчетов», выявляются методы и приемы «маскировки» поднимаемых серьезных вопросов под юмористические описания жизни редакции. Делается вывод о том, что, используя пародийные «отчеты» вместо традиционных передовых статей, редакция журнала решала целый ряд задач: поднимала важные общественные проблемы, привлекала внимание своей потенциальной аудитории, раскрывала «внутреннюю кухню» редакционной жизни, интерес к которой возрос именно в начале XX в. в связи со становлением журналистики как массовой профессии. Исследование позволяет говорить о том, что журнал следовал традициям передовой сатирической журналистики, заложенным Н. И. Новиковым, Н. В. Гоголем, «искровцами» и развиваемым в начале XX в. в журнале «Сатирикон», а также выявляет взаимосвязь «большой» российской и региональной сатиры.

Ключевые слова: Томск, журналистика, «Силуэты жизни родного города», сатира.

Введение

Российская сатирическая журналистика начала XX в., пользовавшаяся неизменным интересом у советских ученых, находится в поле научной рефлексии и у современных исследователей. Можно выделить несколько направлений исследовательской работы, результаты которой становятся основой научных статей, монографий, диссертационных работ. Прежде всего это продолжающиеся библиографические изыскания, которые в основном касаются сатирической журналистики периода Первой русской революции 1905–1907 гг. (см., например: [Денисенко, 2015; Конёнкин, 2009; Вехова, 2017; Ерёмин, Шестерикова, 2014]). Сатирические журналы этого же периода являются главными источниками сведений по карикатуре [Сонина, 2017; Мойсинович, 2014; Голиков, 2016], по отдельным тематическим блокам – о православном духовенстве [Леонов, 2014], о просвещении в Сибири [Кузнецова, 2014], о влиянии революции на развитие сатиры на Кавказе [Гаджиева, 2015] и др. При этом если, изучая сатиру периода Первой русской революции, ученые обращаются как к столичной, так и к провинциальной журналистике, то в работах, посвященных сатирической периодике 1910-х гг., рассматривается преимущественно один «Сатирикон» (и его продолжение – жур-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах».

нал «Новый Сатириконт») [Филиппова, 2014; Брызгалова, 2013; Костырева, 2013; Щербакова, 2005].

Такое неравномерное распределение исследовательского внимания связано, безусловно, с разным количеством материала для изучения: если в 1905–1907 гг. выходили сотни сатирических журналов, это время недаром считают одним из периодов расцвета русской сатиры, то в 1910-х гг. можно говорить лишь о единичных сатирико-юмористических изданиях, из которых самыми значимыми были журналы «сатириконтцев».

Сложившаяся ситуация была характерна и для Сибири, и для Томска, являвшегося в начале XX в. крупным культурным, промышленным, торговым центром. Томская сатирическая журналистика была представлена многочисленными журналами периода Первой русской революции («Осы», «Ерш», «Красный смех», «Рабочий юморист» и др.) и отдельными сатирическими изданиями, выходившими в 1908–1912 гг.: газеты «Бенефисная газета» (1908) и «Синдетикон» (1912) и журнал «Силуэты жизни родного города» / «Силуэты Сибири» (1909–1910). Соответственно исследователи гораздо чаще обращаются к сатирическим журналам Томска 1905–1907 гг. (см., например: [Жилякова, 2014; Жилякова, Выгон, 2015] и др.), чем к томским изданиям периода реакции.

Одной из причин, по которой сатирические журналы и газеты 1908–1912 гг. редко оказываются в круге научной рефлексии, является отсутствие оригиналов изданий в местных томских архивах и библиотеках, а в интернет-пространстве на данный момент доступен лишь один оцифрованный номер журнала «Силуэты жизни родного города» (на сайте Томской областной библиотеки им. А. С. Пушкина по адресу <http://elibr.tomsk.ru/purl/1-7171/> – Силуэты жизни родного города. 1909. № 7 (28 февр.)). Остальные сохранившиеся номера журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) и его продолжения «Силуэты Сибири» (1910) доступны в читальных залах РГБ и РНБ, где с ними работал автор исследования.

Цель настоящей статьи – выявление специфики жанра передовой статьи в сатирическом журнале «Силуэты жизни родного города» (Томск, 1909), «замаскированной» под пародийные отчеты о редакционной жизни. В числе решаемых задач обращение к истории возникновения и существования журнала, выявление структуры издания и места в ней жанра передовой статьи, анализ передовых статей «Силуэтов жизни родного города».

Общая характеристика журнала

Журнал «Силуэты жизни родного города» был основан в Томске А. Н. Козловским, который в 1908 г. получил разрешение от Главного управления по делам печати на издание еженедельного иллюстрированного журнала, посвященного жизни города и «местной злобе дня». Предполагалось, что в его программу войдут: «обзор местной жизни за неделю, рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных выдающихся деятелей, судебные процессы, злободневные фельетоны, отчеты заседаний городской думы, разных обществ и партий, театральные рецензии, сообщения корреспондентов, анекдоты, афоризмы, шутки, смесь, ответы редакции»¹. Сменив нескольких издателей, в декабре 1909 г. журнал перешел в руки Вениамина Ивановича Романова, студента медицинского факультета Императорского Томского университета (об истории журнала см. подробнее: [Жилякова, 2016]).

Тираж журнала в 1909 г. составлял 600–800 экземпляров. Томский инспектор по делам печати характеризовал его следующим образом:

Этот еженедельный иллюстрированный юмористический журнал, осмеивая разного рода бытовые недостатки из жизни города Томска, главным образом, давал материалы, доставлявшие возможность читателю кое-что видеть в комическом освещении. Не касаясь вопросов политики, в разных рассказах журнал мог доставлять приятное развлечение. <...> Материальное положение «Силуэтов жизни родного города» было незавидно, так как от годичного издания получился дефицит, хотя и незначительный².

«Силуэты...» отличались от своих предшественников – томских сатирических изданий – многими нюансами: четкой ориентацией на общероссийский журнал «Сатириконт», работой

¹ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 105.

² Там же. Д. 735. Л. 181.

иллюстраторов, богатством сатирических жанров, представленных на его страницах, а кроме этого, сменой типологического статуса, поскольку в 1910 г. журнал «Силуэты жизни родного города» не только был переименован в «Силуэты Сибири», но и эволюционировал из сатирического в литературно-художественный иллюстрированный. Интересным новшеством было также введение в структуру журнала передовых статей, «замаскированных» под пародийные отчеты о работе редакции.

В объявлении о подписке на «Силуэты жизни родного города» в 1909 г. подробно расписывались журнальные отделы:

«Дневник томского обывателя» (обзор томской жизни за неделю).

«Преступление и наказание» (юридические недоразумения разных субъектов).

«Сцена и кулисы».

«Столбы отечества»: биографии и интервью всех выдающихся деятелей, будущих и бывших членов Государственной Думы.

«Отцы города» (не смешивать со столбами отечества).

Фельетоны, фельетончики и фельеточки, современные, своевременные и злободневные.

Стихотворения на гражданские, военные и духовные темы.

«Около союзов и партий»: около потому, что на заседания некоторых обществ сотруднику так же трудно проникнуть, как верблюду пройти игольные уши.

«В парламенте» – отчеты думских заседаний.

«Провинциальная почта» (отдел корреспонденций).

Анекдоты. Шутки. Басни. Афоризмы. Ответы редакции и прочее, способное вызвать хотя мимолетную улыбку (Силуэты. 1909. № 2).

Необходимо сказать, что далеко не все эти отделы встречались в каждом номере: видимо, список их максимально охватывал все задуманные редакцией направления.

Как видно из приведенного отрывка из объявления о подписке, передовая статья не была предусмотрена программой издания. Для сибирского сатирического журнала периода реакции передовая статья была жанром чрезвычайно сложным, поскольку и общественная обстановка, и цензурные условия не позволяли открыто обсуждать злободневные проблемы современности на страницах органа печати.

Передовая статья как жанр дореволюционной периодики

В современных энциклопедиях «передовая статья» определяется как «редакционное (реже авторское) публицистическое выступление, открывающее очередной номер периодического издания (газеты, журнала)» [Передовая статья, 1969–1978]. В советское время без такой «передовицы», освещающей «важнейшие актуальные события, задачи внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства» не обходилось ни одно издание. Однако отметим, что передовая статья как газетный жанр зародилась задолго до советской эпохи. Впервые она появилась на страницах первой крупной частной русской газеты XIX в. «Северная пчела», издаваемой Ф. В. Булгариным. Именно в этой газете в 1857 г. в отделе «Новости заграничные» стали публиковаться передовые статьи, посвященные внешнеполитическим вопросам [Березина, 1965. С. 54]. Однако исследователи журналистики подчеркивают: «...передовая статья, выражающая позицию редакции по вопросам внутренней жизни, впервые появилась в газете “Молва” (1857). Эти передовые статьи носили открыто публицистический характер, поскольку формулировали основные положения определенного идейного течения (славянофильства) и были адресованы читателю-единомышленнику» [Там же].

Появление этого нового газетного жанра, «возникшего в пору общественного подъема 1860-х годов», было обусловлено, во-первых, «допущением в периодику с 1856 г. материалов на политические и общественные темы», а во-вторых, «более четкой дифференциацией общественного движения и общественной мысли по политическим направлениям» [Там же]. Термин «передовая статья» впервые был зарегистрирован только в 1865 г., в «Толковом словаре» В. Даля: «Передовая статья в газете, руководящая, содержащая обзор событий и их значения» [1865. С. 42].

Начиная с 1860-х гг. передовые статьи становятся привычным элементом структуры русских газет всех направлений и типов. Их отличали, по мнению исследователей, «три обяза-

тельных элемента»: «современность, программность и публицистичность» [Березина, 1965. С. 55]. Однако они могли быть самых разных размеров и форм, иметь различное содержание, структуру и т. д. В томском журнале «Силуэты жизни родного города» место передовых статей заняли пародийные «отчеты» о редакционной жизни.

«Все важнейшие вопросы...»

В 1909 г. в журнале были опубликованы следующие «отчеты»:

- О.С.Р.К.П.Ж. // Силуэты. 1909. № 1;
- Кризис (редакционный этюд) // Силуэты. 1909. № 17;
- Несколько теплых слов (от редакции) // Силуэты. 1909. № 27;
- Редакционное совещание // Силуэты. 1909. № 34;
- От редакции // Силуэты. 1909. № 43.

Особняком в журнале стояла статья «От редакции», опубликованная в № 20 журнала «Силуэты Сибири» в 1910 г., – она не носила сатирического характера, была посвящена итогам выхода журнала в текущем году.

Первая статья под названием «О.С.Р.К.П.Ж.» располагалась на месте традиционной редакционной (или передовой) статьи и, по сути, являлась программой издания. Ее необычный заголовок пояснялся редакцией следующим образом:

Опытный наборщик, взглянув на заголовок статьи, заявил, что так номер не пройдет. – Почему?..
 – А особое положение?.. За такие словеса Нарыма не желаете?
 – Какие?
 – Я, говорит, разве не понимаю: объявление социал-революционной и кадетской партии, на жизнь и на смерть.
 – С ума спятил?.. Теперь так принято сокращать длинные названия. Читай: организационное совещание редакционного комитета по изданию журнала» (Силуэты. 1909. № 1).

В этом небольшом отрывке обыгрывалось повышенное внимание цензуры к периодической печати, поиск «крамолы» и скрытых «революционных» смыслов в любых непонятных словах и сокращениях; пародировалась «мода» на длинные названия и составление причудливых аббревиатур; акцентировалось внимание на «особом положении» Томской губернии, во время которого журналы находились под особым контролем, что вынуждало их быть особенно осторожными в высказываниях. Таким образом, буквально с самого начала, с заголовка, читатель вовлекался в игру по «расшифровке», по угадыванию «двойного дна» в высказываниях журналистов.

Статья «О.С.Р.К.П.Ж.» была написана от имени «Секретаря», который объявил о своем решении следовать принципу «ничего тайного от читателя». Взяв за основу «стиль сообщений телеграфного агентства о ходе заседаний Государственной Думы», он подробно описал первое заседание редакции, на котором «решались все важнейшие вопросы, касающиеся существования журнала» (Силуэты. 1909. № 1).

Воплощение заявленного принципа («ничего тайного») было реализовано прежде всего в описании угощения:

На столе стоял самовар, закуска и шесть бутылок... с мадерой, № 36, хересом, № 55, коньяком Шустова, запеканкой, рябиной и английской горькой, большой графин с водкой.

Кроме этого, от имени «Секретаря» в тексте шли реплики, заключенные в скобки, комментирующие происходящее:

- (требуют исключить пункт о вине. Не желаю и поясняю, что еще был принесен второй графин очищенной);
- (заявляют, что вставками нарушают единство впечатлений. Наплевать на единство, раз оно расходится с фотографией момента);
- ...прожевывая кусок колбасы, невнятно заявил второй оратор (Протестует. Ну, хорошо, добавляю: когда прожевал, то говорил внятно и с приятностью)

и т. д. (Силуэты. 1909, № 1).

«Алкогольный» декор и юмористические реплики обрамляли редакционные диалоги о направлении журнала. И за юмористической формой обнаруживались серьезные проблемы, которые пыталась решить редакция на своем – реальном или выдуманном – совещании.

Первый вопрос, поставленный на совещании, – это отсутствие единой партийной платформы у редакции:

В совещании принимали участие шесть членов-организаторов. При вопросе о направлении журнала произошел спор, из которого выяснилось, что два члена комитета – октябристы, два – кадеты, один – «левее» и один умеренный беспартийный (требуют уничтожения указаний партийности. Ни за что: еже писах – писах). Ввиду такого деления голосов и «особого положения», сужающего широкие взгляды, решено воздержаться от политических тем, всецело предоставив их обсуждение Государственной Думе, и говорить на местную злобу дня (Силуэты. 1909, № 1).

Подчеркивая, что в состав редакции входили представители разных политических направлений, журналисты отстаивали свое право на «внепартийность» и в то же время акцентировали внимание на главной редакционной установке – «говорить на местную злобу дня». Хотя следует добавить, что редакция находила способы разговора на политические темы, пользуясь средствами сатиры.

Вторым принципом, обсужденным редакцией, стало «привлечение к суду общества, к суду совести, известных грязных, порочных элементов и лиц, душителей справедливости, преследование их со всею беспощадностью, указание пальцем» (Силуэты. 1909. № 1). В этой цитате прямо чувствовалось следование идеологии «Искры», знаменитого сатирического журнала 1860-х гг., который проповедовал «своеобразный террор по отношению к властям всех рангов» [Ямпольский, 1965. С. 166], а также требование сатиры на «лица» (вслед за новиковским «Трутнем»).

Однако редакция томского журнала считала, что действовать в этом направлении следовало осторожно:

Удар человека публично в физиономию – ожесточится; ничего доброго от такого приема не будет.

Единственное пугало для всякой хищной и озорной птицы – смех; единственное наше оружие – насмешка. Не думайте, что эти удары легки. Раны, наносимые ими, болезненны и называются пренебрежением и презрением.

Будем смеяться так, чтобы «сквозь видимый миру смех слышались незримые слезы». Это – первое. Второе – выступим на защиту «всех судьбой гонимых». Пусть каждый униженный и оскорбленный найдет у нас помощь (общий шум. Крики – Найдет! Найдет!). Предложение выпить за гонимых судьбой принято большинством пяти против одного (Силуэты. 1909. № 1).

Последние «тосты» участников заседания были связаны с правдой («за правдивые Силуэты жизни!»), с честованием «всех честных и добрых людей, которые живут в Томске»; «далее пошла уже сухая материя, выраженная лаконически в следующих тезисах»:

Приняться за самую основательную чистку всех темных углов города и тащить оттуда на свет Божий всю плесень и гниль, которая как огня его боится.

Избегать, по возможности, старого, избитого тракта и идти новой дорогой.

Не изображать из себя непогрешимых жрецов истины – первородный грех всех редакций, – памятуя, что тот не ошибается, кто ничего не делает, и откровенно признаваться в допущенных промахах.

Всеми силами стремиться к правде, добру и красоте! (Силуэты. 1909. № 1).

Таким образом, первый пародийный «отчет» о редакционной жизни являлся полноценной передовой статьей, поскольку он касался главных принципов, сформулированных журналом в отношении его направления. Выбранная форма пародии позволила, с одной стороны, смягчить остроту высказываний, с другой – сделала текст более «легким» для восприятия той массовой аудиторией, на которую ориентировался журнал: основным читателем журнала был городской обыватель, которому была более чем близка тема «дружеской попойки», заседания, щедро сдобренного алкоголем.

Остальные редакционные «отчеты» описывали собрания редакционного комитета по разным поводам жизни журнала. «Редакционный этюд» «Кризис» (Силуэты. 1909. № 17) был посвящен отказу редактора от своего поста и побегу его из редакции; «Несколько теплых

слов» (Силуэты. 1909. № 27) – обсуждению ужесточения редакционной политики по отношению к мошенникам; «Редакционное совещание» (Силуэты. 1909. № 34) – итогам выборов в городскую думу; «От редакции» (Силуэты. 1909. № 43) – «редакционному объяснению» по итогам первого издательского года. Все они следовали одному и тому же принципу: юмористическое описание действий сотрудников (всегда обозначающихся только псевдонимами), шуточные реплики автора «отчетов», которые «маскировали» постановку важных общественных вопросов: о невозможности «независимой журналистики» в условиях реакции, о работе томской думы, о проблемах городской жизни и т. д. С другой стороны, эти материалы приоткрывали для читателей «внутреннюю кухню» редакционной жизни, знакомили с журналистами, которые испытывали те же проблемы, что и обычные горожане: вынуждены были снимать квартиры – и не всегда могли в срок их оплатить; ездили на извозчиках, когда были деньги, и мокли под дождем в их отсутствие, и т. д. Так, например, в статье «Редакционное совещание» журналисты так описывали свое положение:

Оказалось, что все сотрудники по вине думы платили за квартиры на 50 % дороже, чем они стоят на окраинах, на последних же жили только трое: Бернарден, разорвавший во время путешествия по Заплоту среднюю часть нового костюма; Зиг-Заг, оставивший в безднах Уржатки 3 пары галош и сапог, и Або-Риген, который отдал пальто несчастным пролетариям, встретившим его у одного потухающего фонаря (Силуэты. 1909. № 34).

На протяжении 1909–1910 гг. в «Силуэтах...» было использовано около 20 псевдонимов. Это «Хмурый», «Тихий мальчик», «Зиг-Заг», «Премудрая крыса Онуфрий», «Бой-кот», «Бернарден де Сент Пьер», «Точечка», «Юс», «Мина», «Миша Буфф», «Ив. Ив. Иванов» и др. Некоторые из них принадлежали достаточно известным в Томске авторам: так, псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» подписывался сатирик Порфирий Алексеевич Казанский, сотрудник многих томских изданий. Псевдонимы использовались и для подписи карикатур («Фон Клякс», «М.Щ.» и др.). В 1910 г. на страницах журнала стали появляться фамилии известных поэтов и писателей Томска: Г. А. Вяткин, И. Хейсин, С. Чеботарь, П. Ильинский, В. Курицын и др., что было связано с переменной типологического статуса издания, попыткой совместить в рамках одного журнала литературно-художественное и юмористическое направления.

В пародийных «отчетах» обращало на себя внимание сочетание реальных фактов и гротескных персонажей, гиперболизированных ситуаций, карикатурных образов. Так, реальный факт – смена редактора в 1909 г. – в описании журнала выглядела как его «бегство», исчезновение, во время которого он «мгновенно из шестнадцати пар калош выбрал свои» (Силуэты. 1909, № 17); обсуждение в редакции деятельности городской думы закончилось тем, что журналисты «стали располагаться на ночной отдых бивуаком, расстилая на столы и стулья, составленные в каре, пальто, пиджаки и тому подобные вещи» (Силуэты. 1909. № 34), и т. д. Этот прием давал возможность затрагивать самые острые темы, маскируя их под выдуманные, юмористические ситуации.

Заключение

Таким образом, редакция «Силуэтов жизни родного города», используя форму пародийных редакционных «отчетов», решала целый ряд задач: поднимала важные общественные проблемы, привлекала внимание своей потенциальной аудитории, раскрывала «внутреннюю кухню» редакционной жизни, интерес к которой возрос именно в начале XX в. в связи со становлением журналистики как массовой профессии. В статьях четко прослеживалась установка на традиции передовой сатирической журналистики, заложенные Н. И. Новиковым, Н. В. Гоголем, «искровцами» и развиваемые в начале XX в. в журнале «Сатириконе». Как отмечали исследователи, говоря о специфике «старшего собрата» томского журнала, о «Сатириконе»: «Писатели-сатириконецы обращались к тому, что было интересно их читателю: политическим преобразованиям и жизни обычного человека. Полностью высказывать свое мнение относительно внутренней и внешней политики страны сатириконецы не могли из-за жесткого контроля цензуры. Однако очерки общественных нравов, картины жизни города, обращение к актуальным проблемам современности читатели встречали в каждом вы-

пуске» [Костырева, 2013. С. 97]. Этим же принципам следовал и журнал «Силуэты жизни родного города». При этом в журнале «Силуэты Сибири», в который эволюционировали «Силуэты жизни родного города», подобные «отчеты» были уже невозможны из-за смены характера журнала, снижения его сатирической составляющей и усиления литературно-художественного направления.

Пародийные «отчеты» о редакционной жизни журналистов, используемые томскими сатириками в качестве передовых статей журнала «Силуэты жизни родного города», представляют собой замечательные образцы сибирской словесности начала XX в. Они позволяют исследователям проследить взаимосвязь «большой» российской сатиры и провинциальной, региональной, и заслуживают дальнейшего изучения.

Список литературы

Березина В. Г. Газеты 1860-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Т. 2: Вторая половина XIX века. С. 30–59.

Брызгалова Е. Н. Творчество сатириков и русская эстрада // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 13–19.

Вехова А. В. Коллекция сатирических журналов Первой русской революции в отделе редкой книги ККУНБ ИМ. А. С. Пушкина: хранение, изучение, введение в научный оборот // Семнадцатые Кайгородовские чтения. Культура, наука, образование в информационном пространстве региона: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием / Гл. ред. С. С. Зенгин. Краснодар, 2017. С. 14–16.

Гаджиева Л. О. Влияние Первой русской революции на развитие сатирической печати на Кавказе // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 135–141.

Голиков А. Г. Рисунок и текст в политической карикатуре отечественных дореволюционных сатирических журналов // История отечественных СМИ. Ежегодник. М., 2016. Т. 1, вып. 1. С. 17–29.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1-е изд. СПб.; М.: Изд. товарищества М. О. Вольф, 1865. Т. 3.

Денисенко Е. П. Виленские сатирические журналы 1906–1908 гг. (по материалам библиотеки РАН) // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы III Междунар. науч. конф. М.: Наука, 2015. С. 146–152.

Ерёмин М. А., Шестерикова В. В. О первом самарском сатирическом еженедельнике «Горчишник», 1906 г. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 129–145.

Жиякова Н. В. «И смех, и горе»: неизвестный сатирический журнал Томска периода Первой русской революции // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 2 (28). С. 160–168.

Жиякова Н. В. К истории томского журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 2 (40). С. 147–160.

Жиякова Н. В., Выгон Л. С. Традиции новиковской сатиры в томском журнале «Ерш» (1906–1907 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 2 (34). С. 184–194.

Конёнкин С. В. Сатирические журналы России начала XX в. // Библиография. Науч. журн. по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2009. № 2. С. 101–108.

Костырева О. В. «Массовый» человек на страницах журнала «Сатирикон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 96–99.

Кузнецова Т. А. Просвещение в Сибири на страницах сатирических еженедельных журналов рубежа XIX–XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 146–149.

Леонов Д. Е. Православное духовенство на страницах сатирических журналов периода Первой русской революции (по материалам Ярославской губернии) // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2014. Т. 20. № 4. С. 71–75.

Мойсинович А. М. Приемы использования политической карикатуры и аллегорий в сатирических журналах Ярославской губернии в годы Первой русской революции // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 23–26.

Передовая статья // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: http://enc-dic.com/enc_soviet/Peredovaja-statja-47057.html (дата обращения 25.01.2018).

Сонина Е. С. А.С. Пушкин в карикатуре XIX - середины XX века // Болдинские чтения 2017: Сб. ст. Междунар. науч. конф. / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2017. С. 91–101.

Филиппова Т. А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирик» // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 40–46.

Щербакова А. В. Создание иронии средствами лексики и фразеологии в художественной прозе авторов «Сатирик» // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2005. Т. 11, № 1. С. 37–40.

Ямпольский И. Г. Сатирические журналы 1860-х годов («Искра», «Гудок», «Будильник») // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Т. 2: Вторая половина XIX века. С. 151–182.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2018

N. V. Zhilyakova

*National Research Tomsk State University
36 Lenin Str., Tomsk, 634050, Russian Federation*

retama@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF THE ADVANCED ARTICLE IN THE SATYRIC MAGAZINE «SILHOUETTES OF LIFE OF THE NATIVE CITY» (1909, TOMSK)

The article analyzes the advanced articles of the satirical magazine «Silhouettes of life of the native city», founded in 1909 in the city of Tomsk. It differed from other Tomsk satirical journals with a clear focus on the all-Russian magazine Satirikon, the work of illustrators, the wealth of satirical genres presented on its pages, and, in addition, the change of typological status, since in 1910 the magazine «Silhouettes of life of the native city» was not only renamed the «Silhouettes of Siberia», but also evolved from the satirical into the literary and artistic illustrated. The editorial was not provided for in the publication program: for the Siberian satirical periodical of the reaction period, this was an extremely complex genre, since both the social situation and censorship conditions did not allow openly discussing topical problems of our time on the pages of the press. Therefore, an interesting innovation was also the introduction of the editorial structure of the editorial articles, «disguised» for parodic reports on the work of the editorial board. The study analyzes the specifics of these «reports», reveals the methods and techniques of «disguising» the serious issues raised under humorous descriptions of the editorial life. Already the first parodic «report» on the editorial life, published in the first issue of the Silhouettes... was a full-fledged editorial, as it concerned the main principles formulated by the journal with regard to its direction. The chosen form of parody allowed, on the one hand, to soften the severity of statements, on the other – made the text more «easy» for perception by the mass audience on which the journal was oriented. The remaining editorial «reports» described the meetings of the editorial committee on various occasions of the journal's life. This is the editor's refusal from his post and his «escape» from the editorial office; discussion of the tightening of editorial policy in relation to scammers; analysis of the results of elections to the city duma, etc. All of them followed the same principle: a humorous description of the actions of employees (always denoted only by pseudonyms), humorous replicas of the author of the «reports» that «masked» the posing of important public issues: the impossibility of «independent journalism» under conditions of reaction, the work of the Tomsk Duma, about the problems of city life, etc. It is concluded that, using parodic «reports» instead of traditional editorials, the magazine's editorial team solved a number of problems: raising important public problems, attracting the attention of its potential audience, revealing the «inner kitchen» of the editorial life, the interest in which grew at the beginning XX century in connection with the formation of journalism as a mass profession. The study allows us to talk about the magazine following the traditions of advanced satirical journalism, laid down by N. I. Novikov, N. V. Gogol, «Iskra-ists» and developed in the

early XX century in the journal «Satyricon», reveals the relationship of «great» Russian and regional satire.

Keywords: Tomsk, journalism, «Silhouettes of the life of the native city», satire.

References

Berezina V. G. *Gazety 1860-kh godov* [The newspaper of the 1860s]. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. Leningrad, Izd-vo Leningrad State Uni. Press, 1965, vol. 2: The second half of XIX century, p. 30–59. (in Russ.)

Bryzgalova E. N. *Tvorchestvo satirikontsev i russkaya estrada* [Satirikon's creativity and Russian stage music]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2013, № 6, p. 13–19. (in Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [The explanatory dictionary of a living Great Russian language]. 1st ed. St. Petersburg, Moscow, Izdanie tovarishhestva M. O. Volf, 1865, vol. 3, p. 42. (in Russ.)

Denisenko E. P. *Vilenskie satiricheskie zhurnaly 1906–1908 gg. (po materialam biblioteki RAN)* [Vilensky satirical journals of 1906–1908. (based on the materials of the RAS library)]. *Berkovskie chteniya – 2015. Knizhnaya kultura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov* [Berkovsky readings – 2015. Book collation in the context of international contacts]. Materials of the Institute of Intern. Scientific Conf. Moscow, Nauka, 2015, p. 146–152. (in Russ.)

Eryomin M. A., Shesterikova V. V. *O pervom samarskom satiricheskom ezhenedelnike «Gorchishnik», 1906 g.* [About the first Samara satirical weekly «Gorchishnik», 1906]. *Vestnik archivista* [Archivist's Newsletter], 2014, № 2, p. 129–145. (in Russ.)

Filippova T. A. *Kavkazskii front v russkoi zhurnal'noi satire epochi Pervoi mirovoi voyny. Po materialam zhurnala «Novyi Satyricon»* [The Caucasian front in the Russian magazine satire of her epoxy of the First World War. Based on the materials of the magazine «New Satyricon»]. *Vostochnyi archiv* [Eastern Archive], 2014, № 1 (29), p. 40–46. (in Russ.)

Gadzhieva L. O. *Vliyanie Pervoi russkoi revolyucii na razvitie satiricheskoi pechati na Kavkaze* [The Influence of the First Russian Revolution on the Development of the Satyric Press in the Caucasus]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University], 2015, № 2, p. 135–141. (in Russ.)

Golikov A. G. *Risunok i tekst v politicheskoi karikature otechestvennykh dorevolutsionnykh satiricheskikh zhurnalov* [Figure and text in the political caricature of domestic pre-revolutionary satirical magazines]. *Istoriya otechestvennykh SMI. Ezhegodnik 2016* [History of domestic media. Yearbook 2016]. Moscow, MGU Press, 2016, vol. 1, no. 1, p. 17–29. (in Russ.)

Konyonkin S. V. *Satiricheskie zhurnaly Rossii nachala XX v.* [The satirical journal of Russia at the beginning of the 20th century]. *Bibliografiya. Nauchnyi zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu* [Bibliography. Scientific journal on bibliography, bibliology and library science], 2009, № 2, p. 101–108. (in Russ.)

Kostyreva O. V. *«Massovy» chelovek na stranitsakh zhurnala «Satyricon»* [«Mass» in the pages of the magazine «Satyricon»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. The Question of Theory and Practice], 2013, № 10 (28), p. 96–99. (in Russ.)

Kuznetsova T. A. *Prosveshchenie v Sibiri na stranitsakh satiricheskikh ezhenedel'nykh zhurnalov rubezha XIX–XX vv.* [Enlightenment in Siberia on the pages of satirical weekly journals at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2014, № 2, p. 146–149. (in Russ.)

Leonov D. E. *Pravoslavnoe duchovenstvo na stranitsakh satiricheskikh zhurnalov perioda Pervoi rossiiskoi revolyutsii (po materialam Yaroslavskoi gubernii)* [The Orthodox clergy on the pages of satirical magazines of the First Russian Revolution (based on the materials of the Yaroslavl Province)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2014, vol. 20, no. 4, p. 71–75. (in Russ.)

Moisinovich A. M. *Priemy ispol'zovaniya politicheskoi karikatury i allegorii v satiricheskikh zhurnalakh Yaroslavskoi gubernii v gody Pervoi russkoi revolyutsii* [The use of political caricature and allegory in the satirical magazines of the Yaroslavl Province in the year of the First Russian Revolution]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya*

Gumanitarnye nauki [Bulletin of Yaroslavl State University. P. G. Demidov. Series Humanities], 2014, no. 1, p. 23–26. (in Russ.)

Peredovaya stat'ya [Advanced article]. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1969–1978. Available at: http://enc-dic.com/enc_sovet/Peredovaja-statja-47057.html (25.01.2018) (in Russ.)

Shcherbakova A. V. Sozdanie ironii sredstvami leksiki i frazeologii v chudozhestvennoi proze avtorov «Satirikona» [Creation of irony by means of vocabulary and phraseology in the artistic prose of the authors of «Satyricon»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2005, vol. 11, no. 1, p. 37–40. (in Russ.)

Sonina E. S. A. S. Pushkin v karikature XIX – serediny XX veka [Pushkin in the caricature of the twentieth – the middle of the twentieth century]. *Boldinskie chteniya 2017* [Boldin Readings 2017]. Sat. Art. International Scientific Conf. Nizhnii Novgorod, 2017, p. 91–101. (in Russ.)

Vekhova A. V. Kolleksiya satiricheskikh zhurnalov Pervoi russkoi revolyucii v otdele redkoi knigi KKUNB im. A. S. Pushkina: chranenie, izuchenie, vvedenie v nauchnyi oborot [Collection of satirical magazines of the First Russian Revolution in the department of the rare book KKUNB im. A. S. Pushkin: storage, study, introduction to the scientific revolution]. *Semnadsyatye Kaigorodovskie chteniya. Kul'tura, nauka, obrazovanie v informacionnom prostranstve regiona* [The seventeenth of the Kaigorod Readings. Culture, science, education in the information space of the region]. Sat. Materials All-Russia Scientific and Practical Conf. with international. participation. Ed. by S. S. Zengin. Krasnodar, 2017, p. 14–16. (in Russ.)

Yampolskii I. G. Satiricheskie zhurnaly 1860-kh godov («Iskra», «Gudok», «Budit'nik») [The satirical journal of the 1860s (Iskra, Gudok, The Alarm Clock)]. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1965, vol. 2: Second half of the twentieth century, p. 151–182. (in Russ.)

Zhilyakova N. V. «I smech, i gore»: neizvestnyi satiricheskii zhurnal Tomska perioda Pervoi russkoi revolyutsii [«And laughter and sorrow»: the unknown satirical journal of Tomsk during the First Russian Revolution]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2014, № 2 (28), p. 160–168. (in Russ.)

Zhilyakova N. V. K istorii tomskogo zhurnala «Siluety zhizni rodnogo goroda» (1909) – «Siluety Sibiri» (1910) [To the history of the Tomsk magazine «Silhouettes of life of the native city» (1909) – «Silhouettes of Siberia» (1910)]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2016, № 2 (40), p. 147–160. (in Russ.)

Zhilyakova N. V., Vygon L. S. Traditsii novikovskoi satiry v tomskom zhurnale «Ersh» (1906–1907 gg.) [Traditions of Novikov's satire in the Tomsk magazine «Yersh» (1906–1907)]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2015, № 2 (34), p. 184–194. (in Russ.)

For citation:

Zhilyakova N. V. The Specificity of the Advanced Article in the Satirical Magazine «Silhouettes» of Life of the Native City (1909, Tomsk). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 22–31. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-22-31

И. В. Силантьев^{1,2}, Ю. В. Шатин¹⁻³

¹ *Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

silantev@post.nsu.ru, shatin08@rambler.ru

«НАСТОЯЩЕЕ»: НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ СИБИРСКОГО АВАНГАРДА *

В статье развиваются некоторые положения, обозначенные в новаторской статье Е. В. Капинос «“Литература” и “факт” в новосибирском журнале “Настоящее” (1928–1930)». В ней автору удалось представить журнал в качестве единого текста, связанного общностью тем, мотивов и методов подачи материалов. Вместе с тем отдельные темы и мотивы, указанные исследователем, предполагают дальнейшее развитие. В частности, в рамках представленной статьи рассматриваются проблемы дискурсивной стратегии журнала, приёмы борьбы журналистов и публицистов с психологической беллетристикой, включающей художественный вымысел, а также полемику с существовавшими формами театрального искусства. На примере очерков А. Курса «В чужом доме», Е. Линча «Лирические рыбаки» показано, как, апеллируя к главному тезису ЛЕФА – «литературе факта», авторы сами пользовались вымыслом, восходящим, правда, не к принципам поэтики, но к основаниям риторики. Повышенная риторичность дискурса позволяла активно вторгаться в проблемы идеологии, минуя основные эстетические категории. Наряду с критическим осмыслением творчества главного поэтического врага «Настоящего» – Сергея Есенина, в области прозы объектами критики становились произведения М. Горького, М. Шолохова, Вс. Иванова и др. При этом авторы публикуемых материалов утверждали, что именно «выдуманность» литературы содержит в себе потенции идеологической диверсии. Ожесточение публицистов «Настоящего» А. Курса, И. Эльста, Б. Резникова вызывало театральное искусство, особенно такие его виды, как опера и балет. Авторы прямо заявляли, что деятельность театров, начиная с Сибгосоперы и кончая Большим театром, направлена на развращение молодой части пролетариата. В целом, подводя итоги деятельности публицистов, следует сказать, что, задумав проект сибирского литературного авангарда, его создатели преследовали две цели: расправиться с традиционными формами искусства и одновременно вовлечь широкие народные массы в процесс художественного творчества. С первой задачей сибирские авангардисты справились вполне успешно. Вторая оказалась полностью не реализованной. Неготовность полуграмотного пролетариата к воспроизведению образцов авангарда привело к внутреннему кризису «Настоящего». Совпадение внутреннего кризиса с формирующимся сталинским тоталитаризмом в области искусства привело к закрытию журнала в январе 1930 г.

Ключевые слова: сибирский авангард, публицистический дискурс, литература факта, художественный вымысел.

В сравнении с унылым однообразием сибирской литературы и литературной критики 1930–1940-х гг. предшествующее десятилетие характеризовалось мощной энергетикой и по-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

ступательным динамизмом. В пестрой и разноречивой картине, отразившей борьбу мнений, направлений и эстетических платформ, определенное место занимала литературная группа, издававшая одноименный журнал «Настоящее». Несмотря на то что журнал просуществовал всего два года – 1928–1929 (первый номер 1930 г. оказался последним), он буквально взорвал художественную жизнь столицы Сибирского края. Особенностью журнала стали не только его политический и идеологический контекст, но и определенный подход к выбору публикуемых материалов. Яркие стихотворные тексты, появившиеся на его страницах, можно буквально пересчитать по пальцам, а то, что принято было называть художественной прозой, принципиально не печаталось. Тем не менее публицистика и связанная с ней литературная критика буквально захватила читателей, разделив аудиторию на два непримиримых лагеря – горячих сторонников и яростных противников публикуемых материалов.

После нескольких десятилетий вынужденного замалчивания самого упоминания о журнале в последние годы появился ряд знаковых исследований, посвященных «Настоящему». Здесь наибольшей полнотой и глубиной характеризуется материал Е. В. Капинос. В нем автору удалось представить журнал «в качестве единого текста, скрепленного от номера к номеру, от материала к материалу сквозными темами, мотивами, так же как и методом подачи информации [Капинос, 2016. С. 139]. После статьи Е. В. Капинос вряд ли возможно создать иную целостную картину жизни журнала. Вместе с тем отдельные тематизмы и феномены, характеризующие литературно-критический и эстетический контекст «Настоящего», заслуживают дальнейшего разговора.

Наше изучение может быть сведено к трём моментам: во-первых, выявить особенности дискурса журнала и его функционирования; во-вторых, описать механизм борьбы, которую авангардистский журнал вёл с традиционной психологической прозой; в-третьих, проследить перманентное противостояние публицистов «Настоящего» существующим формам театрального искусства, включая и модернистские опыты Мейерхольда. Каждая из указанных тем, бесспорно, соотносилась с принципами литературного авангарда, хотя и не покрывалась ими в полной мере. Это, в свою очередь, и обусловило противоречивый контекст публикуемых материалов и вызвало наряду с внешними институциональными причинами внутренний кризис журнала.

В современной литературной теории, на наш взгляд, недостаточно разводятся понятия авангарда и модерна, часто употребляясь как взаимозаменяемые синонимы. Не претендуя на всеобъемлющее решение вопроса, заметим, что, говоря о модернизме, мы имеем в виду в первую очередь поэтику конкретных артефактов. Определить то или иное направление внутри модернизма без обращения к художественному тексту в принципе невозможно. Напротив, авангард предполагает прежде всего позицию, связанную с творческим поведением художника, которая может иметь как позитивный, так и негативный смысл. Жёлтая кофта Маяковского связана с авангардом, его поэма «Облако в штанах» – явление поэтики футуризма. Особенность «Настоящего» как раз и заключалась в том, что декларация не опиралась на конкретную поэтику. Эта была попытка начать искусство с нуля, где нулём оказывался «факт» с множеством подразумеваемых, но не эксплицируемых значений. Подобная позиция имела видимое преимущество: тотально отрицая всевозможные формы художественного обобщения, она не декларировала позитивного эстетического начала, подменяя его социологическими эквивалентами. Критикуя «всё», она не давала взамен «ничего». Но именно это видимое преимущество и обусловило в конечном счете смысловой кризис «Настоящего».

Привкус нигилистического лукавства легко обнаруживался при переходе к литературной практике. Прежде всего это проявлялось в деятельности наиболее способных публицистов, выступающих на страницах журнала, С. Третьякова, А. Панкрушина и, конечно же, главного редактора А. Курса. Обращаясь к фактам литературы, теории и критики вынуждены были корректировать понятие факта, подчёркивая, что важен факт не сам по себе, а выборка фактов с их последующей идеологической обработкой. Так, в «Письме о «Настоящем» С. Т. [Сергей Третьяков. – II. С., Ю. III.] подчёркивал ставку Лефа на факт «не только как материал познания, но и основания агитвоздействия, причём важен даже не факт, а факт как звено диалектического ряда и как пересечение рядов» [С. Т., 1928. С. 5]. Говоря о факте, авторы журнала подразумевали не факт как таковой, но определённый порядок дискурса, регулирующий нормы изображения действительности и сознания человека, что само по себе требо-

вало обобщения. Следует признать, что само такое лукавство тщательно скрывалось благодаря замене приёмов поэтики риторическими стратегиями, заимствованными из анналов традиционных мастеров подобных жанров.

В качестве примера можно назвать очерк А. Курса «В чужом доме». Документальная основа этого очерка, в отличие от более известного публицистического опуса «Американский костюм», вызывает большие сомнения, но опыт отказа от поэтики в пользу риторики хорошо обнаруживается и здесь. В центре очерка рассказ о нескольких типовых фигурах нэпманов – Ниле Ниловиче и троих его детях, а также о переродившемся коммунисте, который за столом нуворишей пространно рассуждает о Мейерхольде, Камерном театре, Пастернаке и Асееве. Автор демонстрирует известное мастерство, создавая запоминающиеся портреты. Основой создания таких портретов становится принцип, точно выявленный Е. В. Капинос: «Любой журнальный портрет делается с таким расчётом, чтобы он мог легко превратиться в социальную маску, которая, в свою очередь, должна стать поводом для новых текстов и реплик» [2016. С. 159].

Важным приёмом при создании портретов действующих лиц становится отражение черт их характера через призму литературных вкусов и ассоциаций. Так, говоря о старшем сыне, А. Курс усиливает негативный контекст:

Да, забыл сказать. У него есть ещё одна книга, вернее четыре книги, они лежат у него на тумбочке возле кровати. Эти книги он читает для души, для отдыха, после того как опустеет графин. Тогда он бережно вытирает пальцы рубашкой... И ложится, бережно листая страницы.

– Есенин.

Стихи он напевает, раскачиваясь на постели, пока не одолевает сон и книга валится из рук [Курс, 1928. № 2. С. 11].

Другой сын – скромный чертёжник, избегающий общественной жизни, получает прозвище «канарейка». Интертекстуальность этого образа вполне очевидна и отсылает к стихотворению «О дряни» (1920 г.) В. Маяковского, с которым дружил А. Курс. Как мы знаем, стихотворение заканчивается репликой ожившего портрета Карла Маркса:

Маркс со стенки смотрел. Смотрел
И вдруг
разинул рот,
да как заорёт:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
голову канарейкам сверните –
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»
[Маяковский, 1956]

Именно интертекстуальный источник этого образа должен был, по замыслу автора, соединить такие трудно сопрягаемые приёмы: с одной стороны, гротесковую масочность, а с другой – документальность, рассчитанную на узнаваемость.

Завершает семейный портрет дочь Нила Нилыча, поющая одновременно в церковном хоре и оперетте.

В оперетте больше платят, чем в церковном хоре, поэтому во время сезона она – артистка. В «Весёлой вдове» она качается и посылает опытные улыбки в зал [Курс, 1928. № 2. С. 12].

Для усиления риторического эффекта А. Курс не ограничивается искусством портрета, но активно прибегает и к другим видам описания, прежде всего к натюрморту. Описание еды за столом нэпмана может поспорить с лучшими строфами из стихотворения Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская».

В блеске белой скатерти и разноцветных переливов графинов, графинчиков, в игре ласкающих глаз красок – матовая бледность холодного поросёнка, мягкая белизна хрена в сметане, кровавый с белыми прожилками мрамор колбасы, жирная розовая нежность семги, шоколадная тусклость окаймленного жи-

ром паштета, слизистые дымчатые полутона упругих грибков, безнадежная распластанность серебристой селедки под белым колечками лука, сверкающая чернота паюсной... Разрешите не продолжать, надо оставить работу и для вашего воображения [Курс, 1928. № 2. С. 12–13].

Эффект этого приёма характеризуется умелым расчётом опытного пропагандиста. Описание буржуйского обеда, несомненно, должно было вызвать классовую зависть изголодавшегося пролетария, переходящую в классовую ненависть. Следует заметить, что специфическое владение риторикой дискурса в очерках А. Курса, весьма далёкое от простого сбора фактов и их механической фиксации носило осознанный характер, отмечавшийся рецензентами, например в отзыве Н. Чертовой:

Он начинает с сенсации, с хроники, дальше он, как умная гадалка, подбрасывает карты пиковой масти, хоронит героинь, – читатель настораживается: черным-черно – вдруг Курс этого самого читателя окатывает холодным ушатом воды и оттаскивает на подобающее ему в большевистской стране место. – «Письмо с адресом», в сущности – чудесная риторика [Чертова, 1928. № 3. С. 27].

Следует заметить, что сами имена действующих лиц в очерках Курса теряют индивидуальность, целиком превращаясь в коннотативные знаки. Одним из таких знаков стал Сергей Есенин и его поэзия. Редкий номер обходился без обличения как умершего поэта, так и его не слишком даровитых эпигонов. В качестве курьёза можно указать на очерк Е. Линча «Лирические рыбаки»:

Полтора года тому назад в городе Ленинске-Кузнецком Кедрины – Глеб и Зоя (так, кажется, они прозываются), опечаленные смертью поэта Есенина, решили увековечить его память созданием рабочего литературного кружка. Начались «почвенные изыскания». Лирические рыбаки занялись ловлей комсомольских рыбок... В квартире Кедриных за дверьми, за портьерами начиналась пьяная гуляба. Расстёгивая рубахи, трагично вскидывая руки к потолку, представители литературной смены взывали похотливыми стишками о любви, о золотой осени, о пропитом счастье.

Далее Е. Линч переходит к описанию творчества самой Зои Кедринной:

У меня сейчас есть пьеса, называемая «Скандалной историей». Жанр её определён так: космофарс в семи скандалах, в 3-х действиях. Автор – Зоя Кедрина. Пьеса, конечно, бездарна. Но это было бы полбеды. Пьеса вся, от начала до конца, напигована открытой похабщиной. Люди, выведенные в ней, матерятся на каждом шагу, насилуют друг друга, организуют общество «долой невинность», устраивают суды над развратными комсомолками, приглашая в свидетели пионеров и так далее и тому подобное [Линч, 1929. № 2. С. 20].

Любопытна, однако, история, случившаяся с самой Зоей Кедринной. Оказавшись в Москве, в 1930-е гг. она стала одним из самых зубодробительных критиков, бичующих писателей за малейшие отступления от канонов соцреализма. Особую известность ей принесла статья «Наследники Смердякова», положенная в основу выступления в качестве общественного обвинителя на процессе Синявского и Даниеля в феврале 1966 г. В нём она пожалела, что писателям не пришлось жить в революционные 1920-е гг., тогда разговор был бы иным. Таковы зигзаги судьбы, далеко не редкие в истории советской общественной мысли.

Другим участком фронта «Настоящего» стала борьба с беллетристикой, основанной на художественном вымысле и психологизме. Здесь, однако, ситуация осложнялась тем обстоятельством, что авторы не всегда разграничивали проблемы поэтики и политики. С точки зрения поэтики выпады против психологизма обуславливались неприязнью к главному свойству такого типа письма – иллюзионизму, изображению действительности в форме самой действительности. Такая неприязнь в той или иной степени была свойственна всем направлениям советского авангарда 1920-х гг., и позиция «Настоящего» мало чем отличалась от ЛЕФа или конструктивизма. Вместе с тем в материалах доминировала и иная установка – вывести беллетристов за пределы пролетарской идеологии и выявить потенциальную враждебность их произведений Советской власти.

Нельзя не отметить при этом нарастание от номера к номеру агрессивного тона публикаций и смещения акцентов с поэтики на политику. Это хорошо видно на примере отношения к роману М. Шолохова «Тихий Дон». Если в начале 1929 г. автор романа критикуется преж-

де всего за попытку писать по лекалам классической литературы, то полгода спустя обвинения приобретают ярко выраженный политический характер. Ещё в февральском номере журнала А. Курс довольно мягко по меркам «Настоящего» критикует Шолохова за вторичность письма, а несколько месяцев спустя в редакционном блокноте А. П. (А. Панкрушин. – И. С., Ю. Ш.) подвергает писателя остракизму за фактический союз с белогвардейской беллетристикой. Сравним два отрывка.

И вот, когда Шолохов и Панфёров «перенимательски» учатся у классиков, то у Шолохова в «Тихом Доне» коммунисты относятся к войне, как дворяне в «Войне и мире», а у Панфёрова в «Брусках» коммунист, приезжающий в деревню, «переживает» свои отношения к крестьянам – колхозникам, как Лёвин в «Анне Карениной» [Курс, 1929. С. 10].

Позже А. Панкрушин озаглавит свой раздел редакционного дневника «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?»

Имея самые лучшие субъективные намерения, Шолохов объективно выполнял задание кулака. Конечно, нельзя полностью приписывать кулацкое грехопадения Шолохова некритической учёбе у классиков. Но некритическая учёба способствовала этому грехопадению. В результате вещь Шолохова стала приемлемой даже для белогвардейцев [А. П., 1929. С. 5].

Такое соединение поэтики и политики можно наблюдать при обращении к художественному вымыслу. «Выдуманность» в произведении ведёт к двум смежным, по мнению авторов «Настоящего», грехам: низкому литературному уровню, с одной стороны, и возможностью скрытой идеологической диверсии, с другой. В «Письме о “Настоящем”» С. Т. (С. Третьяков – И. С., Ю. Ш.) пишет о вредоносности замены сознания бессознательным и о совпадении, таким образом, с теориями Бергсона и Фрейда:

Я прочёл пролетарские романы и потрясён вредоносностью этих «живых человечков», из которых под микроскопом взяты не поступки, а какие-то межумочные промежутки, наполненные эмоционалистикой и столкновением мотивов. Подсознательное выволакивается наружу и водружается над сознательным. Ни у одного героя не выяснено, что он умеет работать и как он эту работу делает, но зато умением сомневаться и переживать герой делится с читателем щедро [С. Т., 1928. С. 5].

Несколькими страницами позже в этом же номере А. Курс, полемизируя со статьёй Крусева в «Сибирских огнях», прямо говорит о возможности использовать художественный вымысел в литературе как приём идеологической диверсии:

Неловко защищать выдуманную литературу после того, как Пильняк оболгал Фрунзе и подпольщиков в «Повести о непогашенной луне», Малышкин намалевал карикатуру на Дзержинского в «Народном комиссаре», Васильченко не по-коммунистически разделался с живыми борющимися людьми в романе «Не той стороной», а Всеволод Иванов неделикатно поступил с мемуарами члена Реввоенсовета 12 армии Дегтерёвым, чтобы наврать про «Гибель эскадры» [Курс, 1928. № 9. С. 8].

В контексте борьбы с выдуманной литературой оказалась и фигура М. Горького. Конечно, взять и просто обвинить Горького в симпатии к белогвардейцам и итальянским фашистам было слишком рискованно. Именно поэтому А. Курс использует более тонкий риторический ход. Оспаривая негативную оценку Горьким книги Н. Асеева «Разгримированная Европа», критик заканчивает статью красноречивой энтимемой:

А книга Асеева хорошая. Хорошая книга. Итальянской буржуазии она не понравится [Курс, 1928. № 9. С. 8].

Как известно, энтимема может предполагать скрытый намёк на силлогизм. Курс не говорит о прямой связи Горького с итальянской буржуазией. Он лишь подчёркивает общность вкусовой оценки одного и других.

Таким образом, критика «Настоящего», связанная с процессом формирования метода социалистического реализма с его главным принципом изображения жизни в её революционном развитии, носила все признаки негации, свойственные авангарду. Вместе с тем ей не

удалось сколько-нибудь внятно сформулировать позитивную концепцию нового искусства, поскольку самого материала не оказалось в наличии. А журналистика даже в её лучших образцах, например восхваляемого М. Кольцова, не могла выполнить указанную миссию.

Особое место в редакционной повестке дня журнала занимала борьба с театральным искусством. Как и в случае с беллетристикой, она шла в двух частично пересекающихся направлениях. Во-первых, посещение театра приносит моральный вред, выступая как средство развращения молодёжи, во-вторых, обречённость театрального мастерства перед лицом будущего связана с нежеланием отказываться от традиционных форм воздействия на публику. Эти две стороны критики имели разных адресатов. В первом случае «Настоящее» апеллировало к власти, требуя закрытия театров. Во втором превалировал полемический аспект, направленный против конкретных деятелей искусства. Хотя логическая связь в этих случаях не всегда соблюдалась, отсутствие логоса всякий раз компенсировалось избытком пафоса.

Так, в первом номере «Настоящего» за 1929 г. появились сразу две статьи, посвящённые деятельности Сибгосоперы. В первой С. Л. (С. Липин. – И. С., Ю. Ш.) резко оценивает постановку оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь»:

Это искусство, за которое надо платить дорого, измызгано отчаянными трафаретами режиссуры, игры артистов – первых и последних – и оформления спектакля [С. Л., 1929. С. 7].

Куда более тревожным оказывается сигнал, посылаемый в статье И. Эльста «Влияние на массы»:

Пятнадцать делегатов совещания молодёжи ходили в оперу – смотрели эту – как её? – «Самсон и Далилу». Пока пели – ничего не поняли. А как начался балет – насмотрелись на голые ножки вдоволь. После оперы пять человек сразу же на окраины к проституткам подались [Эльст, 1929. С. 7].

Обобщая неприязнь к современному театру, А. Курс в очерке «Куда прёт?» прямо указывает:

...рабочая общественность подпирает Мейерхольду и Пролеткульту, соглашаясь всё художественное наследство сохранить, но передав его в музей пищевого искусства, как большую оперу в Москве, так равно и малую в Новосибирске [Курс, 1928. № 10. С. 10].

Как и в случае с лирикой, отрицание носит тотальный характер, нивелирующий масштабы и шкалу ценностей. Если Есенин оказывается рядом с Зоей Кедриной, то Сибгосопера – с Большим театром и Мейерхольдом.

Можно отметить большую личную смелость публицистов «Настоящего», которые распространяли свой пафос на весьма высокопоставленных фигур. С истинно пролетарским гневом журнал обрушивается на А. В. Луначарского, взявшего под защиту оперный театр Новосибирска.

Кто дал ему право выдавать архаическую «Аиду», мещанскую «Марицу» и халтурно поставленный, при участии двух с половиной неуклюжих, но вполне оголённых балерин – «Красный мак» изумительным образом милых спектаклей в государственном театре. Да, кто дал такое право народному комиссару просвещения пролетарской страны [Резников, 1929. С. 25].

В достаточно обширной статье Резникова «Пейзажные впечатления комплиментарного путешественника», как в капле воды, отразилась сложность и неоднозначность процессов публицистики 1920-х гг., где стилистическая разухабистость нигилистического пафоса сочеталась с полным бесстрашием при выборе фигур для битвы. Представить себе нечто подобное два-три года спустя было совершенно невозможно.

Закрытие журнала «Настоящее» в январе 1930 г. символически совпало с концом года великого перелома и одновременно целой эпохи, после чего сама идея авангардного искусства во всех его формах оказалась похороненной на несколько десятилетий. Смерть «Настоящего», как и многих других культурных феноменов 1920-х гг., была обусловлена двумя причинами – внешними и внутренними. Как всякое направление, допускавшее свободу суждений, оно неизбежно должно было столкнуться с властными структурами, установившими тоталь-

ный контроль над любым проявлением инакомыслия. Более значимым для понимания последующего развития культуры оказался фактор внутренних.

Задумав «Настоящее» как оригинальный проект сибирского авангарда, отразивший нигилистические установки революционной интеллигенции, его создатели пытались соединить несоединимое: художественные принципы ЛЕФа с его нарочито усложнённым художественным языком и вовлечение в литературное творчество широких народных масс. Планка заявленного дискурса оказалась слишком завышенной, чтобы быть воспринятой полуграмотным пролетариатом, а сам дискурс слишком агрессивным, чтобы привлечь значительную часть образованного сообщества. Как любое авангардное течение, «Настоящее» решало две задачи: тотальное отторжение от предшествующих школ и направлений и создание новаторского искусства. С первой задачей сибирские авангардисты справились более чем успешно, вторая оказалась не под силу и неизбежно привела к внутреннему кризису, погубившему вместе с журналом и многих его создателей.

Список литературы

- А. П. [Панкрушин]. Почему Шолохов понравился белогвардейцам // *Настоящее*. 1929. № 8.
- Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // *Сюжетология и сюжетогрфия*. 2016. № 2. С. 138–165.
- Курс А. В чужом доме // *Настоящее*. 1928. № 2.
- Курс А. Достижения Максима Горького // *Настоящее*. 1928. № 10.
- Курс А. Концентрат профессора Круссера // *Настоящее*. 1928. № 9.
- Курс А. Куда прёт? // *Настоящее*. 1928. № 10.
- Курс А. Мучительные литературные вопросы // *Настоящее*. 1929. № 2.
- Линч Е. Лирические рыбаки // *Настоящее*. 1929. № 2.
- С. Л. [Липин]. Майская ночь // *Настоящее*. 1929. № 1.
- Маяковский В. В. О дряни // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. В: 13 т. М., 1956. Т. 2.
- Резников Б. Пейзажные впечатления комплиментарного путешественника // *Настоящее*. 1929. № 4.
- С. Т. [Третьяков]. Письмо о «Настоящем» // *Настоящее*. 1928. № 9.
- Чертова Н. Об Александре Курсе // *Настоящее*. 1928. № 3.
- Эльст И. Влияние на массы // *Настоящее*. 1929. № 1.

Материал поступил в редколлегию 13.12.2017

I. V. Silantev^{1,2}, Yu. V. Shatin¹⁻³

¹ *Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

silantev@post.nsu.ru, shatin08@rambler.ru

«THE PRESENT»: FAILED EXPERIENCE OF THE SIBERIAN AVANT-GARDE

The article develops some statements, described in the innovative article of E. V. Kapinos «Literature» and «fact» in the Novosibirsk magazine «The Present (1928–1930)». In that article, the author managed to present the magazine as a common text, connected by unity of topics, motives, and method of material submission. At the same time, some topics and motives, specified by the explorer, assume further development. Particularly, problems of discourse strategy of the magazine,

methods of the battle of journalists and publicists with psychological fiction, which includes artistic fiction and polemics with existing forms of theatrical art are described in this article. Having as example essays of A. Course «In the foreign house», E. Lynch «Lyrical fishers», the author shows, how, appealing to the main thesis of «Left Art Front» – «literature of the fact», the authors also used fiction, appealing, to be honest, not to poetics principals, but the basis of rhetorics. The larger extent of rhetorics of discourse allowed to actively enter to ideology problems, passing fundamental aesthetic categories. Together with critical comprehension of the art of the main enemy of «The Present» – Sergey Esenin, in the space of the prose arts of M. Gorkiy, M. Sholokhov, V. Ivanov and others have become objects of critics. Herewith, authors of published materials claimed, that exactly «fictitiousness» of literature includes abilities of ideological diversion. Special annoyance of such publicists of «The Present» as A. Course, I. Elst, B. Reznikov has been evoked by theatrical art, especially opera and ballet. Authors directly declared, that activity of theatres, beginning with the «Sibgosopera» and concluding by «Grand Theatre», directed to young part of the proletariat. Generally, summarizing results of publicists activity, we need to say, that, inventing the project of the Siberian literature, its creators had two goals – to eliminate traditional forms of art and simultaneously to involve wide groups of people into the process of art. They successfully managed the first goal, but the second was completely unrealized. The unpreparedness of semi-literate proletariat to representing samples of the led to the internal crisis of «The Present». The coincidence of the internal crisis with coming up of Stalin's totalitarianism in the area of art led to the closing of the magazine in the January of 1930.

Keywords: Siberian avan-garde, publicisics discourse, Literature of the fact, fiction.

References

- Elst I. Vliyaniye na massy [Influence on mass]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 3. (in Russ.)
- Course A. V chuzhom dome [In the foreign house]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 2. (in Russ.)
- Course A. Dostizheniya Maksima Gor'kogo [The achievement of Maxim Gorky]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 10. (in Russ.)
- Course A. Kontsentrat professora Crouslera [The concentrate of professor Crousser]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 9. (in Russ.)
- Course A. Kuda pret [What's the route]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 10. (in Russ.)
- Course A. Muchitel'nye literaturnye voprosy [The excruciating literary questions]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1929, № 2. (in Russ.)
- Chertova N. Ob Aleksandre Crouse [About Aleksandr Crouse]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 3. (in Russ.)
- Kapinos E. V. «Literatura» i «Fakt» v novosibirskom zhurnale «Nastoyashchee» (1928–1930) [Literature and fact in novosibirsk magazine «The Present» (1928–1930)]. *Syuzhetologia i Syuzhetografia*, 1929, № 2, p. 138–165. (in Russ.)
- Lynch E. Liricheskie rybaki [Lyrical Fishers]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1929, № 2. (in Russ.)
- Lipin S. Mayskaya noch [May night]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1929, № 1. (in Russ.)
- Mayakovsky V. V. O dryani [About trash]. *Mayakovsky V. V. Polnoe sobranie sochinenii* [*Mayakovsky V. V. Complete works*]. In 13 vols. Moscow, 1956, vol. 2. (in Russ.)
- Pankrushin A. Pochemu Sholokhov ponravilsya belovardeitstam [Why had the White guards like Sholokhov]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1929, № 8. (in Russ.)
- Reznikov B. Peizazhnye vpechatleniya komplementarnogo puteshestvennika [Landscape impressions of complementary traveler]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1929, № 4. (in Russ.)
- Tret'yakov S. Pis'mo o «Nastoyashchem» [The letter about «The Present»]. *Nastoyashchee* [*The Present*], 1928, № 9. (in Russ.)

For citation:

Silantyev I. V., Shatin Yu. V. «The Present»: Failed Experience of the Siberian Avant-Garde. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 32–39. (in Russ.)
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-32-39

Е. И. Петрова

*Омский государственный университет
пр. Мира, 55, Омск, 644077, Россия*

pelena11@yandex.ru

**ТЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ОМСКИХ ГАЗЕТАХ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ
И ПЕРВЫХ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ЛЕТ ***

Рассматриваются характерные особенности омских газет одного десятилетия – с 1985 по 1995 г. – и выявляется специфика региональной журналистики периода перестройки и первых постперестроечных лет, когда система советской печати подверглась серьезной трансформации. Особенности омской журналистики этого периода раскрыты на примере одной темы – строительства в Омске нового здания областной библиотеки имени А. С. Пушкина. Так, в 1985 г. информационным поводом, спровоцировавшим интерес СМИ к этой теме, стало присуждение Диплома ВДНХ омским архитекторам, разработавшим проект нового здания. Газеты поддержали намерение архитекторов противостоять попыткам строителей упростить уникальный проект и начали следить за строительством здания. В связи с тяжелой экономической ситуацией тех лет строительство затянулось, и тогда журналисты ведущих омских СМИ фактически поставили под контроль ход стройки. Начиная с 1990 г. в публикациях на эту тему отражается и процесс формирования рыночной экономики: анализируя причины долгостроя, журналисты предлагают активнее внедрять новые рыночные механизмы, например перевести строительство на арендный подряд. После появления Закона о СМИ в Омске начинают выходить новые издания, старые меняют учредителей. Так, трудовые коллективы редакций выступают в качестве соучредителей газет, которые в недавнем прошлом были органами обкома и горкома КПСС. Почти все газеты продолжают обращаться к теме строительства областной библиотеки. При этом даже такая социально значимая тема порой эксплуатируется для получения политических дивидендов. В статье выявлены следующие особенности публикаций этого периода: стремление СМИ стать институтом, решающим общественно значимые проблемы; слом иерархии советских СМИ, выразившийся, к примеру, в том, что молодежное издание позволяло себе критиковать областное партийное руководство; появление интереса журналистов к экономической аналитике; появление дискуссии между СМИ, использование их в качестве инструмента политической борьбы; появление новых типов изданий.

Ключевые слова: региональная пресса, периодическая печать, перестройка, Омская областная библиотека.

1985–1991 гг. называют временем перестройки. Это период глобальной трансформации всей советской системы. 1985 г. «можно считать точкой отсчета преобразований в области журналистики» [Стровский, 1998. С. 234]. Начались они с провозглашения в стране «плюрализма мнений» и «гласности», а затем, в первые постперестроечные годы, продолжились появлением новых типов изданий, развитием рынка СМИ.

Общая картина этих процессов представлена в исследованиях Д. Л. Стровского [1998] и Р. П. Овсепяна [1999]. Характеристика сибирской печати этого периода дана в монографии Е. В. Евдокимовой [2013]. В главе, посвященной печати периода перестройки, она акцентирует внимание на появлении сегмента «неформальной печати» [Там же. С. 105], дает обзор

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта: 17-04-00635/17-ОГОН.

общесибирских и, главным образом, новосибирских СМИ. В монографии И. В. Лизуновой [2012] рассматриваются сибирские и дальневосточные СМИ, начиная с 90-х гг. XX в. Омская периодическая печать периода перестройки и постперестроечных лет ранее не изучалась.

Структура газетной периодики Омска в начале рассматриваемого периода была вполне стандартна для областного города-«миллионника». Ее ядро составляли: ежедневная газета «Омская правда» – орган обкома КПСС и областного Совета народных депутатов; «Вечерний Омск» – ежедневная газета горкома КПСС и Горсовета; «Молодой сибиряк» – орган обкома ВЛКСМ. Однако в процессе трансформации системы СМИ в начале постперестроечного периода в Омске появляются новые типы СМИ. Для наиболее полного выявления специфики региональной печати этого периода необходимо рассмотреть деятельность как официальных, так и «неформальных» СМИ.

Характерные особенности омской журналистики этого периода можно выявить на примере репрезентации одной социально значимой для крупного областного центра темы – строительства в Омске нового здания областной библиотеки. Омск к тому времени стал значимым вузовским и исследовательским центром. Институту «Омскгражданпроект» было поручено проектирование здания, отвечающего требованиям времени.

Важным информационным поводом для СМИ стало то, что в 1985 г., т. е. к началу перестройки, проект здания областной библиотеки получил Диплом II степени на Выставке достижений народного хозяйства, а архитекторы – серебряную и бронзовые медали ВДНХ. Руководитель группы, работавшей над проектом, архитектор Г. И. Наричина в интервью газете «Вечерний Омск» отмечает: «...уже сейчас слышим ворчание по поводу конструкций индивидуального изготовления. Однако мы намерены твердо стоять на своем. Какие-либо упрощения в проекте неизбежно приведут к издержкам в облике будущего здания» (Вечерний Омск. 1985. № 297). Эту точку зрения поддержала газета. Автор О. Колина подчеркивает: «Такая позиция зодчих в интересах горожан» (Там же).

В этой же публикации сообщалось, что начало строительства намечено на 1986 г. Так и произошло, но уже в середине 1987 г. СМИ бьют тревогу. Журналист В. Луговская пишет о заседании штаба по строительству библиотеки. Автор констатирует: план полугодия по освоению средств не выполнен, при этом особой тревоги строители не проявляют: «...можно только удивляться спокойствию, с каким говорилось о причинах нарушения графика, оптимизму, с каким легко давались обещания» (Вечерний Омск. 1987. № 165). Журналист показывает, что ситуация сложная: нет должного взаимодействия между строителями и поставщиками стройматериалов, не определено, кто будет строить коммуникации, неясно, когда смогут приступить к работе субподрядчики. А летнее время, самое благоприятное для строительных работ, уходит... «В 1988 году здание библиотеки должно перейти к отделочникам. <...> Пора бы серьезно вникнуть в положение дел на объекте и сделать все, чтобы войти в график», – делает вывод автор (Вечерний Омск. 1987. № 165).

Однако строительство библиотеки затянулось надолго. 16 сентября 1989 г. тему поднимает газета «Омская правда». Под рубрикой «Адрес подсказал читатель» газета публикует материал общественных инспекторов газеты А. Ахрамовича и Н. Шляхтина. Они стремятся ответить на вопрос читателя, когда на строительстве библиотеки будут завершены все работы. Но окончательного ответа пока нет: выясняется, что «средства постоянно осваивались примерно наполовину от намеченного. Не лучше дела идут и нынче» (Омская правда. 1989. № 216).

К теме подключаются все издания «большой тройки». СМИ фактически ставят под контроль ход строительства. Так, 19 июля 1990 г. репортаж Л. Трубициной о митинге опубликовал «Вечерний Омск». Газета сообщает, что управляющий строительным трестом № 1 Б. И. Кононов «предложил создать постоянно действующий пост на строительстве библиотеки, поставить эту стройку на гарантийное обеспечение в “Омскглавнабе”, привлечь к строительству районы города» (Вечерний Омск. 1990. № 163).

В тот же день в «Омской правде» вышел материал В. Сальникова «Митинг у мертвого дома» под рубрикой «Репортаж с пристрастием». Автор делает акцент на экономической стороне проблемы, он больше всего озабочен тем, что так называемые непроизводительные стройки находятся у строителей «на положении пасынков. Невыгодные, а потому и нелюбимые». «Проделав самые дорогостоящие по смете (а потому и выгодные для исполнения) ра-

боты: возведение “коробки” от наземного цикла до верхнего этажа корпуса, строители резко снизили активность штурма культурной твердыни», – пишет автор (Омская правда. 1990. № 167).

А журналист «Молодого сибиряка» И. Фелькер критикует не только строителей, но и партийную власть: «...вспоминается эпизод недавнего партийного форума, где дружно зашикали защитников этой многие и многие годы гонимой бедняги!», – автор имеет в виду библиотеку (Молодой сибиряк. 1990. № 29). До провозглашения «гласности» комсомольское издание никак не могло критиковать партактив.

«Вечерний Омск» продолжает следить за ситуацией. Проходит меньше месяца, и появляется новая публикация Л. Трубициной «...Плюс “Интерквадро”». Она отмечает, что в работе строителей ничего не изменилось: «на огромной пустой тихой стройке нам встретился лишь один рабочий» (Вечерний Омск. 1990. № 187). Однако появились и «перестроечные» веяния, дававшие основания для оптимизма: библиотека заключила договор с фирмой «Интерквадро» – совместным советско-франко-итальянским предприятием – на разработку проекта «автоматизации обработки и использования информации в библиотеке» (Там же). Появилась надежда на то, что новая библиотека будет оснащена самой современной компьютерной техникой. Но продвижения строительства здания, отмечает журналист, так и не началось.

С 1990 г. начинается формирование рыночной экономики. Это отражается и в публикациях о строительстве библиотеки. Так, В. Сальников продолжает анализ экономических причин пробуксовки строительства. Он показывает, что государственное строительное предприятие оказалось не готово к работе в формирующейся рыночной среде: «...всё, как в недоброй памяти директивно-командно-застойные годы. Подходы не меняются», – пишет автор (Омская правда. 1990. № 218). Сами строители считают, что за счет их отрасли выживают другие: «...проще всего снять деньги на затыкание дыр (...) с капвложений», – сетует один из них (Там же). А журналист отмечает, что госпредприятия теряют кадры, поскольку строители уходят «с невыгодных для себя государственных долгостроев в кооперативы, а то и в “шарашкины конторы” с сомнительной репутацией» (Там же). И выход он видит в использовании новых экономических реалий, предлагая «перевести строительство областной библиотеки на арендный подряд» (Там же).

Как известно, в 1990 г. появляется Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Он «в одночасье отменил государственную монополию на информацию» [Лизунова, 2012. С. 32–33]. В 1991 г. уже в новом государстве – Российской Федерации – принят Закон «О средствах массовой информации», что обеспечило «появление новых субъектов в информационной среде» [Там же]. «Сеть местных СМИ подверглась трансформации» [Евдокимова, 2013. С. 105]. Так, соучредителями всех названных выше газет наряду с органами власти становятся трудовые коллективы редакций, появляются новые издания с негосударственными учредителями. При этом омские СМИ – и «старые», и «новые» – продолжают следить за строительством библиотеки в первые постперестроечные годы.

Так, «Омская правда» публикует открытое письмо архитекторов и директора библиотеки. Тревогу авторов письма вызвало известие о возможной консервации строительства. «Понимая, как сейчас нам всем очень тяжело и трудно, сколько на всех нас свалилось проблем, сознавая все это, тем не менее просим обратить внимание властей области и Омска на состояние дел с завершением строительства областной научной библиотеки», – пишут они (Омская правда. 1992. № 47). На этот крик о помощи откликнулись ветераны труда, бывшие сотрудники Пушкинской библиотеки. Их письмо публикуется под заголовком «Пушкинка – на грани гибели». Авторы рассказывают, с какими проблемами сталкивается библиотека в старом здании: на их памяти случались и возгорания, и затопления, гибли ценные экземпляры. Поддерживая авторов опубликованного ранее открытого письма, ветераны считают, что именно сейчас важно не допустить остановки строительства: «...консервация – это гибель библиотеки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такова горькая правда...», – утверждают они (Омская правда. 1992. № 51).

Новое издание – еженедельник омских профсоюзов «Позиция» – тоже обращается к проблеме строительства библиотеки, акцентируя внимание на бездействии городской власти. «На второй квартал стройка вроде как была обеспечена фондами (на словах), – пишет корреспондент С. Сибина. – А на деле все обстоит совсем иначе. Область выделила средства,

перечислив их в городской бюджет. А вот город почему-то решил их попридержать» (Позиция. 1992. № 29). Тем временем инфляция «съедает» и эти средства. Автор цитирует слова директора библиотеки Р. Н. Царевой о неоднократных, но безрезультатных обращениях к мэру города. «И всё же надеюсь, что встреча наша состоится», – так заканчивается публикация (Там же).

Постепенно ситуация сдвигается с мертвой точки. Так, журналист Л. Трубицина отмечает, что здание «приобрело законченный архитектурный вид, как-то ожило», на фасаде появились первые скульптурные фигуры – Ломоносова и Сергея Радонежского. В связи с этим она берет интервью у главного архитектора проекта Ю. Захарова и скульптора В. Трохимчука. Основным предметом разговора становится художественное решение оформления библиотеки. Но в заключение собеседники касаются и строительных вопросов. «Множество проблем сегодня с финансированием. С оплатой труда, кроме того, надо постоянно учитывать инфляционные процессы, – говорит В. Трохимчук. – Однако то, что работа по завершению строительства все-таки ведется, что находятся на библиотеку средства, – огромный плюс Омску, который, наверное, мы пока по достоинству оценить не можем» (Вечерний Омск. 1992. № 209).

Большинство изданий призывает горожан активно участвовать в завершении строительства и даже поддерживает организованный движением «Демократическая Россия» сбор средств на это; некоторые журналисты, известные публицисты переводят в этот фонд свои гонорары. Но находится издание, осуждающее это движение. «Народно-патриотическая» газета «Омское время», где наряду с творческим коллективом учредителем является коммерческая организация – АО «Аграрно-промышленная торговая компания ОмскТеСС» – жестко критикует инициативу политических оппонентов: «Сначала вместе со своим ставленником господином Ельциным уработали советскую экономику, как бог черепаху <...>. Теперь разоренный народ должен собирать деньги», – возмущается автор М. Машкарин (Омское Время. 1993. № 5). Предлагает автор и «выход» из ситуации: «Давайте, ребята, попросим борца с привилегиями, то бишь нашего президента, поделиться с омичами», имея в виду средства, выделенные на реконструкцию государственной резиденции президента (Там же). Однако пафос этого материала вовсе не в том, чтобы решить проблему. Главная задача автора – заклеить политических противников, поэтому и используется сарказм.

И все же стоит отметить, что публикаций, где бы тема строительства библиотеки стала поводом для политической борьбы, больше не встречается. В целом омские СМИ занимают конструктивную позицию. Так, в июле 1993 г. омским изданиям вновь приходится обратиться к теме затянувшегося строительства в связи с печальным поводом: старое здание библиотеки затопило ливневыми водами. Газета «Позиция» обрушивается с критикой на власти: «Лишь спустя неделю после потопа комитет по культуре и искусству администрации области отреагировал на случившееся» (Позиция. 1993. № 30). Был издан приказ о создании чрезвычайной комиссии по оказанию помощи библиотеке. «Приказ вроде есть, а вот особого рвения по его выполнению что-то не наблюдается», – констатирует автор О. Серебренникова (Там же). И снова актуализируется тема долгостроя: «И говорят, и пишут об этой “вставной челюсти” одной из центральных магистралей города регулярно, стараясь не дать забыть тем, от кого зависит окончание строительной эпопеи, что промедление в сдаче нового здания грозит потерей всего обширного книжного фонда» (Там же).

Хотя и гораздо позже намеченного, строительство приближается к завершению, о чем вновь спешат сообщить журналисты. Так, «Вечерний Омск» информирует, что «Совет ректоров вузов Омска принял решение об участии преподавателей и студентов в работах по благоустройству и очистке от мусора нового здания областной научной библиотеки» (Вечерний Омск. 1994. № 130). Здесь же публикуется график участия вузов в благоустроительных работах.

Для периода перестройки и первых постперестроечных лет – времени резкого экономического спада – завершение строительства областной библиотеки стало событием, которое СМИ оценивали как выдающееся: «...то, что <...> в наше нелегкое российское время, несмотря ни на что, невзирая на трудности, вопреки многочисленным препятствиям объективного характера все-таки было построено новое роскошное здание библиотеки, по сути – Дво-

рец Знания, – свидетельствует о могучем созидательном характере сибиряков» (Вечерний Омск. 1995. № 97).

В рассмотренных публикациях, посвященных теме строительства нового здания Омской областной библиотеки, наблюдаются следующие черты журналистики периода перестройки и первых постперестроечных лет:

- стремление СМИ стать институтом, решающим общественно значимые проблемы;
- начало формирования региональной «деловой» журналистики, основанной на анализе экономических процессов;
- разрушение иерархии в соподчинении СМИ и органов власти;
- появление публичной дискуссии между СМИ, использование СМИ как инструмента политической борьбы;
- появление негосударственных СМИ.

Все это свидетельствует о том, что развитие омской периодической печати в этот период шло в русле процессов, характерных для журналистики всей страны, в соответствии с общеполитическими тенденциями и изменениями в законодательстве.

Список литературы

Евдокимова Е. В. История сибирской журналистики (конец XVIII – начало XXI в.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 136 с.

Лизунова И. В. Средства массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиaprостранстве (90-е гг. XX – первое десятилетие XXI в.). Новосибирск, 2012. 310 с.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М: Изд-во МГУ, 1999. 304 с.

Стровский Д. Л. История отечественной журналистики новейшего периода. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 271 с.

Список источников

Ахрамович А., Шляхтин Н. Ждет новоселья библиотека // Омская правда. 1989. № 216.

Басаргина Т., Евсеева З., Запрудский В., Коновалова В. Пушкинка – на грани гибели // Омская правда. 1992. № 51.

И с утра закипела работа // Омская правда. 1991. № 81.

Колина О. Библиотека, которую ждем // Вечерний Омск. 1985. № 297.

Лугоvская В. Словесная эквилибристика // Вечерний Омск. 1987. № 165.

Машкарин М. Авторитет на подаянии // Омское время. 1993. № 5.

Нарицина Г., Захаров Ю., Мороз Т., Любич И., Трохимчук В., Царева Р. Спасем ли библиотеку? // Омская правда. 1992. № 47.

Поможем «Пушкинке»? // Вечерний Омск. 1994. № 130.

Сальников В. Митинг у мертвого дома // Омская правда. 1990. № 162.

Сальников В. Дом без хозяина // Омская правда. 1990. № 218.

Серебrenникова О. Издержки долгостроя // Позиция. 1993. № 30.

Сибина С. Похудевший миллион // Позиция. 1992. № 29.

Трубицина Л. Словом поможем делу // Вечерний Омск. 1990. № 163.

Трубицина Л. Плюс «Интерквадро» // Вечерний Омск. 1990. № 187.

Трубицина Л. Библиотека на Красном Пути // Вечерний Омск. 1992. № 209.

Трубицина Л. Дворец знания открыт // Вечерний Омск. 1995. № 97.

Фелькер И. Без надежды – надеюсь // Молодой сибиряк. 1990. № 29.

E. I. Petrova

*Omsk State University
55 Prospekt Mira, Omsk, 644077, Russian Federation*

pelena11@yandex.ru

**THE SUBJECT OF THE REGIONAL LIBRARY CONSTRUCTION
PICTURED IN OMSK NEWSPAPERS IN PERESTROIKA TIME
END FIRST POST-PERESTROIKA YEARS**

The article deals with characteristic features of Omsk newspapers of one decade – from 1985 to 1995, and reveals the specificity of regional journalism of the period of perestroika so as the first post-perestroika years, when the Soviet system of printing has undergone a serious transformation. Features of Omsk journalism of this period is revealed by the example of a topic – construction of new building of the regional library named after A. S. Pushkin in Omsk city. So, in 1985 the episode that triggered the media interest in this topic was the award of the Diploma of VDNKh to the Omsk architects who have designed the new building. Newspapers supported the intention of the architects to resist the attempts of the builders to simplify a unique project and began to outwatch the construction of the building. Due to the difficult economic situation in those years the construction was delayed, and then the journalists of the leading Omsk media actually put under the control the progress of the building. Since 1990, the process of formation of market economy reflects in publications on this subject: analyzing the causes of protracted, journalists offer to implement the new market mechanisms more actively, for example, take a building on lease contract. After the enactment of the Mass Media Act new editions are starting to be issued in Omsk, the old ones change their founders. So, labor collectives of the editors become the co-founders of newspapers, which were bodies of the regional Committee and city Committee of the CPSU in the recent past. Nearly all the newspapers continue to refer to the construction of the regional library. However, even such socially significant theme at times is exploited to obtain political dividends. The article revealed the following publications of this period: the desire of the media to become an institution, deciding important public issues; breaking the hierarchy of the Soviet media, expressed, for example, that youth publication dared to criticize the regional party leadership; the emergence of the interest of journalists to the economic dimension; the emergence of the debate between the media and their use as a tool of political struggle; the emergence of new types of publications.

Keywords: regional press, periodical press, perestroika, Omsk regional library.

References

Evdokimova E. V. *Istoriya sibirskoi zhurnalistiki (konets XVIII – nachalo XXI vv.)* [History of Siberian journalism (late XVII – early XXI century)]. Novosibirsk, NSPU Press, 2003, 136 p. (in Russ.)

Lizunova I. V. *Sredstva massovoi informatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v rossiiskom media-prostranstve (90-e gg. XX – pervoe desyatiletie XXI v.)* [Mass media of Siberia and Far East in the Russian media scene (90th years XX century – first decade of XXI century)]. Novosibirsk publishing department of State Public Scientific & Technological Library of Siberian Division of Russian Science Academy, 2002, 310 p. (in Russ.)

Ovsepyan R. P. *Istoriya noveishei otechestvennoi zhurnalistiki* [History of modern national journalism (study guide)]. Moscow, MSU Press, 1999, 304 p. (in Russ.)

Strovskiy D. L. *Istoriya otechestvennoi zhurnalistiki noveishego perioda* [History of national journalism of Contemporary history]. Yekaterinburg, Ural State Uni. Press, 1998, 271 p. (in Russ.)

Sources

Akhramovich A., Shlyakhtin N. *Zhdet novosel'ya biblioteka* [Library is waiting for the house-warm]. *Omskaya Pravda* [Omsk Truth], 1989, № 216. (in Russ.)

Basargina T., Evseeva Z., Zaprudsky V., Konovalova V. Pushkinka – na grani gibeli [Pushkinka is on the brink of death]. *Omskaya Pravda* [*Omsk Truth*], 1992, № 51. (in Russ.)

I s utra zakipela rabota [And in the morning the work began to boil]. *Omskaya Pravda* [*Omsk Truth*], 1991, № 81. (in Russ.)

Kolina O. Biblioteka, kotoruyu zhdem [The library we are waiting for]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1985, № 297. (in Russ.)

Lugovskaya V. Slovesnaya ekvilibristika [Verbal Equilibrium]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1987, № 165. (in Russ.)

Mashkarin M. Avtoritet na podayani [Authority on alms]. *Omskoye vremya* [*Omsk's Times*], 1993, № 5. (in Russ.)

Naricina G., Zakharov Yu., Moroz T., Lyubchich I., Trokhimchuk V., Tsareva R. Spasem li biblioteku? [Will we save the library?]. *Omskaya Pravda* [*Omsk Truth*], 1992, № 47. (in Russ.)

Pomozhem li «Pushkinke»? [Let's help «Pushkinka»?]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1994, № 130. (in Russ.)

Salnikov V. Miting u mertvogo doma [Meeting at the dead house]. *Omskaya Pravda* [*Omsk Truth*], 1990, № 162. (in Russ.)

Salnikov V. Dom bez hozyaina [The house without a host]. *Omskaya Pravda* [*Omsk Truth*], 1990, № 218. (in Russ.)

Serebrennikova O. Izderzhki dolgostroya [Costs of long-term construction]. *Positsia* [*Point*], 1993, № 30. (in Russ.)

Sibina S. Pohudevshii million [Slim Million]. *Positsia* [*Point*], 1992, № 29. (in Russ.)

Trubitsina L. Slovom pomozhem delu [The word will help the business]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1990, № 163. (in Russ.)

Trubitsina L. Plus «Interkvadro» [Plus «Interquadro»]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1990, № 187. (in Russ.)

Trubitsina L. Biblioteka na Krasnom Puti [The Library on the Krasniy Put street]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1992, № 209. (in Russ.)

Trubitsina L. Dvorets znaniy otkryt [The palace of knowledge is open]. *Vecherniy Omsk* [*Evening Omsk*], 1995, № 97. (in Russ.)

Felker I. Bez nadezhdy nadeyus' [Without hope – I am still hoping]. *Molodoy Sibiriyak* [*Young Siberian*], 1990, № 29. (in Russ.)

For citation:

Petrova E. I. The Subject of the Regional Library Construction Pictured in Omsk Newspapers in Perestroika Time and First Post-Perestroika Years. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 40–46. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-40-46

УДК 316.77; 070

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-47-53

И. В. Астафуров

*Воронежский государственный университет
ул. Хользунова, 40а, Воронеж, 394068, Россия*

vanyaastafurov@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются особенности реализации государственной региональной информационной политики в условиях современного коммуникационного пространства. В частности, изучается место информации в жизнедеятельности общества и проблемы, возникающие при потреблении массовой информации.

Цифровые медиа в сравнении с традиционными имеют больше демократических возможностей, но при этом информация является экономическим и политическим ресурсом. Такое сочетание несет в себе риск превалирования интересов одного или нескольких субъектов информационного пространства, которые могут быть противоположны общественным и мешать его развитию, что обуславливает необходимость управления информационным пространством.

Информационная политика рассматривается как один из инструментов политического управления с технологическим и содержательным аспектами в контексте взаимовлияния и необходимостью развития системы новых информационно-психологических отношений, обеспечивающих очередной этап развития общества. При этом информационная политика выражает интересы ее субъектов, к которым относятся государство, крупный бизнес, транснациональные медиакорпорации, гражданские институты, некоммерческие и неправительственные организации, транснациональные социальные сети, индивидуумы. Однако государство играет ведущую роль. Важность границ распространения деятельности обуславливает выделение региональной информационной политики, которая должна формировать единое информационное пространство региона с интеграцией в общемировое. А образовательную и медиаобразовательную деятельность в частности предлагается рассматривать как одно из основных стратегических направлений государственной региональной информационной политики.

Важным вопросом при реализации информационной политики является политизация СМИ (в узком значении), которая проявляется в прямом владении СМИ государством или через присутствие политических деятелей в руководстве редакций, в управлении попечительских или другого рода советов при СМИ, а также через различные государственные субсидии и государственные программы, направленные на поддержку СМИ. В результате региональное информационное пространство сильно зависит от размеров и характера прямого и косвенного присутствия государства и власть имущих. В свою очередь, в основных документах, прямо регулирующих государственную информационную политику в регионах, характер и объем присутствия государственных СМИ в информационном пространстве являются ключевыми показателями эффективности работы по обеспечению населения информацией с точки зрения содержательного аспекта, что было рассмотрено на примере Воронежской области. Современное медиапотребление меняется стремительно, а в таких условиях СМИ, чтобы выжить, необходимо успевать за этими изменениями. Мессенджеры высокими темпами набирают аудиторию и позволяют распространять информацию массово. Для достижения максимальной кросс-канальности распространения информации СМИ должны активно использовать это. А задача государственной информационной политики – быть в центре всех изменений, изучать и прогнозировать и на основании полученных результатов выстраивать стратегию управления информационным пространством.

Ключевые слова: информационная политика, информационное пространство, коммуникация, мессенджеры, медиаобразование, цифровой контент, система коммуникаций, кросс-канальность.

Актуальность изучения такой деятельности, как информационная политика, уже давно не ставится под сомнение, а практическое использование не является чем-то новым. Еще в 2011 г.

Астафуров И. В. Региональная информационная политика в современном коммуникативном пространстве // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 47–53.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 6: Журналистика

© И. В. Астафуров, 2018

на территории РФ начала применяться государственная программа «Информационное общество», которая по сути является документом, отражающим государственную информационную политику до 2020 г. При этом современные цифровые технологии позволяют неограниченному кругу людей, независимо от их профессиональной принадлежности создавать и распространять новые формы общественного дискурса. В процесс массовой коммуникации включено огромное количество участников, само информационное поле расширено, а вот возможности потребления остались прежними, в связи с чем, на наш взгляд, становится актуальным изучение не просто информационной политики, а того, как на нее влияют изменения современного коммуникационного пространства и какова роль государства.

Для того чтобы разобраться в вопросе, приведем ряд мнений исследователей, которые отражают понимание: аспектов информационной политики, связанных с изменением современного коммуникативного пространства; обоснования необходимости управления информационным обществом; почему государство как субъект информационного общества должно играть ведущую роль в нём. На наш взгляд, эти аспекты важны для понимания условий современной действительности и позволяют отразить наше понимание информационной политики, которое несколько дополняет уже сложившееся. Далее охарактеризуем основные изменения коммуникационного пространства на примере каналов, через которые распространяют информацию СМИ, и их изменение в связи с появлением новых технологических платформ. Кратко проанализируем основной документ, который, на наш взгляд, непосредственно регулирует государственную информационную политику в Воронежской области.

Цифровые технологии позволяют дешево и быстро производить и распространять информацию, что несет в себе большой демократический потенциал и позволяет неограниченному кругу лиц участвовать в этом процессе. Одновременно с этим они приобрели растущее финансовое значение в современной экономике, а сам контент может быть полноценным экономическим ресурсом. Н. Ф. Пономарев считает, что обладание важной и нужной информацией приравнивается к обладанию власти [2010. С. 113]. Сочетание свободного доступа к созданию и распространению контента, политическая и экономическая ценность обуславливают необходимость управления информационным пространством, в противном случае велика вероятность превалирование стороны, которая будет преследовать свою собственную цель, а она может быть очень далека от цели развития общества. На наш взгляд, информационная политика призвана заниматься именно управлением информацией, которое направлено на развитие общества. Информационная политика состоит из технологического (информационная инфраструктура) и содержательного (приоритеты информационной деятельности) аспектов [Там же]. Оба аспекта находятся в отношениях взаимовлияния и таким же образом должны рассматриваться, задача информационной политики – развитие системы новых информационно-психологических отношений, которые неизбежно появляются благодаря технологическому прогрессу. Результатом выполнения такой задачи является очередной этап развития общества.

Так как при распространении информации большое значение имеет территориальная распределенность, выделяется понятие региональной информационной политики, которую мы и будем рассматривать. Стратегическими направлениями региональной информационной политики исследователи называют: создание информационной экономики региона; научное сопровождение формирования информационного общества региона; участие в межрегиональном и международном сотрудничестве, разделение труда в формировании информационного общества регионов, стран и мира [Юсупов и др., 2007. С. 44]. На наш взгляд, к перечисленному также необходимо добавить образовательную деятельность (медиаобразовательную в частности).

В. Д. Попов считает информационную политику наукой, и в его понимании ее объектом, в узком смысле, являются массовое сознание, система СМИ и МК, информационные процессы, отражающие, выражающие и защищающие права личности и политику государства [2002. С. 22]. А. В. Гуменский выделяет 6 основных групп участников (субъектов) современного глобального информационного общества: государства, крупный бизнес, транснациональные медиакорпорации, гражданские институты, некоммерческие и неправительственные организации, транснациональные социальные сети, индивидуумы [2010. С. 33]. При этом государства, по его мнению, занимают первостепенное место, так как в их распоряжении на-

ходятся неограниченные материальные и человеческие ресурсы, административный и репрессивный аппарат, а главное государство обладает инициативой и законодательным правом, благодаря которому может устанавливать рамочные условия деятельности медиа, социальных институтов и других участников информационного общества. А. А. Малькевич соглашается с этим, добавляя, что каждый участник имеет свои информационные интересы как в глобальном, так и в региональном информационном пространстве, реализуя собственную информационную политику [2015. С. 100]. Очевидно, что государство не исключение. Государственная информационная политика находится под влиянием интересов власть имущих, но должна поддерживать свою легитимность через граждан, так как они являются гарантом и причиной её существования, отвечая тем самым их интересам или по крайней мере заявляя об этом. А. В. Манойло считает, что государственная информационная политика в той степени должна удовлетворять и защищать интересы государства, власти, в какой степени государство реализует и защищает интересы гражданского общества, каждой личности [2003. С. 124]. Именно это, по мнению исследователя, – фундаментальный принцип информационной политики. Такое понимание информационной политики можно считать идеалистическим, поскольку для того, чтобы это было реальным, субъекты информационного пространства должны находиться в социально-партнерских отношениях, которые выше собственных интересов. В данном случае речь идет о понимании информационной политики, которая базируется на том, что за властными структурами стоит государство, а им противопоставлены массмедиа, которые представляют общество, что также является идеалом. Очевидно, что к этому идеалу нужно стремиться и модернизировать таким образом общественно-государственные отношения.

В действительности же государство является одним из собственников массмедийных средств. Владеть массмедиа могут и политические деятели. К тому же государство поддерживает массмедиа через субсидии и специальные программы. Если мы говорим о том, что современная публичная деятельность характеризуется через медиатизацию и виртуализацию, т. е. через восприятие целенаправленно формируемых образов, следует говорить и о политизации медиа, в узком значении этого понятия, как влиянии и контроле политических сил над медиа. Речь о том, что, даже не транслируя политическую информацию, медиа могут быть под прямым контролем политических деятелей. В СМИ или в их попечительских и прочих советах могут присутствовать управленцы-политики, а в числе депутатов разных уровней и членов общественных палат – журналисты. Таким образом, региональное информационное пространство сильно зависит от размеров и характера прямого и косвенного присутствия государства и власть имущих. На данный момент документами, которые, на наш взгляд, призваны прямо регулировать государственную информационную политику в регионах, являются постановления региональных правительств об утверждении государственной программы «Информационное общество». Такие документы приняты всеми субъектами России и являются исполнением постановления федерального правительства, которое было принято с целью отражения государственной информационной политики. В данных документах характер и объем присутствия государственных СМИ в информационном пространстве является ключевым показателем эффективности работы по обеспечению населения информацией с точки зрения содержательного аспекта. Это отражает прежде всего стремление к расширению влияния СМИ, которые находятся под прямым контролем, а не задачи по созданию условий для развития общества в ответ на технологические изменения. Подробнее это будет рассмотрено далее на примере Воронежской области.

Цифровой контент в целом и его распространение в Интернете тяжело поддается прямому регулированию государством. Потребители цифрового контента могут копировать, изменять, аннотировать, объединять и смешивать его с другими продуктами, ссылаясь или не ссылаясь на первоисточник. И, несмотря на наличие большого количества разнообразных ресурсов у государства и возможности контролировать наиболее значимые источники массовой информации, полная подконтрольность Интернета государству иллюзорна. Если государство использует манипулятивные технологии, ограничивает доступ к информации и не развивает медиаобразование, то силы с противоположными интересами могут использовать это в свою пользу. Например, вербовка образованных жителей Европы и России в террористические организации или появление (в отсутствие достоверной информации с возможностью ее ве-

рификации) множества слухов, которые могут быть выгодны разным сторонам. К тому же сами граждане имеют много возможностей для высказывания и отстаивания своей точки зрения, независимо от ее верности. На наш взгляд, для государства в долгосрочной перспективе стратегически выгодным является развитие медиаобразования, так как изменения коммуникационного пространства сокращают возможности единоличного контроля и расширяют демократические возможности медиа. Медиаобразование позволит избежать влияния, которое противоречит общественным интересам, сформировать массмедиа, которые будут отражать позицию общества, что приведет к модернизации общественно-политических отношений.

Изменение коммуникационного пространства уже сейчас можно увидеть на примере того, как современные СМИ распространяют информацию. Распространение происходит через официальный сайт, страницу и/или сообщество в социальных сетях, печатную версию, ТВ-или РВ-трансляцию. Каждый канал занимает свою нишу и имеет свою аудиторию, при этом простого присутствия недостаточно. К тому же описанное уже не полная кросс-канальность коммуникации. Существует мнение, что на смену социальным сетям идут мессенджеры, и они займут ключевое место в коммуникационном пространстве ближайшего будущего. Ежедневная аудитория мессенджера *WhatsApp* составляет 1 млрд пользователей¹. В России находятся 8 млн активных пользователей *Telegram*, 1,5 млн из них – активные подписчики *Telegram*-каналов². Российский *Telegram*-канал «Бывшая» сначала был продан за 1,2 млн рублей, а спустя 2 недели перепродан за 5,5 млн рублей³. Каждый день аудитория *Telegram* увеличивается на 600 тысяч человек⁴. Многие традиционные СМИ (в основном федерального масштаба) активно развивают собственные *Telegram*-каналы и даже создают *Telegram*-ботов, которые выдают новости по запросу человека и могут иметь другой функционал, требующий дополнительных действий от пользователя и повышающий тем самым его вовлечение. По данным интернет-издания «Планерка», на 25 сентября 2017 г. самый массовый канал был у проекта *Meduza* и насчитывал более 50 тыс. подписчиков⁵. В 2017 г. появилось первое медиа, которое решило сделать ставку исключительно на *Telegram* – *Mash*. Материал в *Telegram*-канале публикует редакция из полутора десятков человек с опытом работы над таблоидом «Лайф», а инвестором канала считается крупный российский издатель – Арам Габрелянов⁶. Современное медиапотребление меняется стремительно, а в таких условиях СМИ, чтобы выжить, нужно поспевать за этими изменениями. Наблюдается переизбыток источников информации, но недостаток качественной информации. Задача государственной информационной политики – быть в центре всех изменений, изучать и прогнозировать их, чтобы на основе полученных результатов выстраивать стратегию управления информационным пространством.

Основным документом, обеспечивающим прямое регулирование информационной политики Воронежской области, является постановление местного правительства от 20 декабря 2013 г. №1131 об утверждении государственной программы Воронежской области «Информационное общество»⁷, претерпевшее три редакции. В программу включены две подпро-

¹ Объединяя миллиард пользователей каждый день // Блог WhatsApp, 2017. URL: <http://blog.whatsapp.com/10000631/Объединяя-миллиард-пользователей-каждый-день?> (дата обращения 22.01.2018).

² Telegram вышел на третье место по упоминаниям в России // Елизавета Серьгина, Павел Кантышев. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/11/733271-telegram-trete-mesto-upominaniyam> (дата обращения 22.01.2018).

³ Самый читаемый Telegram-канал «Бывшая» продан за 5,5 млн руб. // Ильмира Гайсина, РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59bbb6ac9a79470f5822e3a5> (дата обращения 22.01.2018).

⁴ Имаев В. Павел Дуров: Каждый день аудитория Telegram увеличивается на 600 тысяч человек. Inc. 2017. URL: <https://incruussia.ru/news/pavel-durov-kazhdyj-den-auditoriya-telegram-uvlichivaetsya-na-600-tysyach-chelovek/> (дата обращения 22.01.2018).

⁵ Telegram-каналы федеральных СМИ: У кого больше, лучше и эффективнее? // Планёрка. 2017. URL: <http://old.planerka.org/articles/analitika/analitika/telegram-kanaly-federalnyh-smi-u-kogo-bolshe-luchshe-i-effektivnee> (дата обращения 22.01.2018).

⁶ Канал Life сократит новостное вещание и штат // Наталья Галимова, Владимир Дергачев, Ирина Ли, Филипп Алексенко. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/08/2017/5993384e9a79472501186759 (дата обращения 22.01.2018).

⁷ Постановление от 20 декабря 2013 г. № 1131 об утверждении государственной программы Воронежской области «Информационное общество». URL: <http://www.govvn.ru> (дата обращения 22.01.2018).

граммы, которые регулируют деятельность государственных СМИ: 1) «развитие областного государственного телерадиовещания»; 2) «развитие журналистики и поддержка СМИ Воронежской области, полномочия учредителя которых осуществляет департамент связи и массовых коммуникаций Воронежской области». В документе обозначены следующие цели подпрограмм: обеспечение доступа граждан Воронежской области к получению социально значимой информации через периодические печатные издания и информационные сайты государственных СМИ Воронежской области, передачи государственного областного радио и телевидения; содействие профессиональной творческой деятельности работников СМИ Воронежской области; организация мероприятий по повышению интереса основных целевых аудиторий населения Воронежской области к общественно-политическим, социально-экономическим и культурным событиям Воронежской области.

Реализация первой подпрограммы рассчитана в срок с 2014 по 2020 г. Ключевой решаемой проблемой в документе названо сокращение выпуска аналитических программ на телевидении области о политической, социально-экономической жизни области в пользу информационного формата. Общий выделяемый бюджет составляет 310 млн 400 тыс. рублей, а бюджет 2018 г. – 38 млн 500 тыс. рублей. Ожидаемый результат – 24-часовое вещание программ ОАО «Студия “Губерния”» на территории области через спутниковые, кабельные и интернет-каналы, увеличение аудитории областного государственного радио и телевидения. Вторая подпрограмма реализуется в тот же срок, с общим бюджетом в 1 млрд 220 млн 639 тыс. рублей, в том числе 175 млн 614 тыс. рублей на 2018 г. Она должна повысить эффективность областных и районных газет, обеспечить их присутствие в Интернете в качестве информационно-аналитических ресурсов, а также повысить интерес основных целевых аудиторий населения к общественно-политическим и социально-экономическим событиям области. Ожидаемые результаты: сохранение аудитории и тиража печатных государственных СМИ Воронежской области, популяризация их информационных сайтов и повышение профессионально-творческого уровня работников.

Как видим, программа направлена на управление информационным полем региона через присутствие в нём государственных источников и повышения степени их влияния. В программе не отражена направленность на изучение изменений информационного пространства и современных коммуникативных средств. Обозначена только необходимость распространения государственных СМИ региона через Интернет, что можно назвать работой над технологическим аспектом информационной политики. Документ отражает деятельность по созданию информационной инфраструктуры региона, что также относится к технологическому аспекту. Содержательный аспект заявлен как обоснование проводимой работы – «сокращение выпуска аналитических программ на телевидении области о политической, социально-экономической жизни области в пользу информационного формата». При этом эффективность работы в рамках программы измеряется только количественными показателями государственного присутствия в информационном пространстве и количестве «аналитических» материалов, что, конечно, отражает больше технологический аспект, а смысловое наполнение оставлено на усмотрение самих государственных СМИ.

Образовательный аспект отражен только через потребность развития кадрового состава государственных СМИ, а о необходимости медиаобразования населения речи не идет.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Воронежской области проведение государственной региональной политики пока не связано с аспектами влияния изменений коммуникативного пространства на информационное общество региона и в большей степени направлено на расширение влияния государственных СМИ, чем на решение задач, которые приведут к развитию общества.

Список литературы

Гуменский А. В. Управление международной информацией // Международные процессы. 2010. Т. 1, № 8. С. 31–43.

Малькевич А. А. Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестн. Ом. гос. ун-та. Серия: Исторические науки. 2015. № 3, вып. 7. С. 97–102.

Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.

Пономарев Н. Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти: Монография. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. 192 с.

Попов В. Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / Отв. ред. А. В. Шевченко. М., 2002. 295 с.

Юсупов Р. М., Заболоцкий В. П., Наумов В. Б., Демидов А. А. О концептуальных основах региональной информационной политики // Интернет и современное общество: Тр. X Всерос. объединенной конф. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 42–50.

Материал поступил в редколлегию 23.02.2018

I. V. Astafurov

*Voronezh State University
40a Kholzunov Str., Voronezh, 394068, Russian Federation*

vanyaastafurov@gmail.com

REGIONAL INFORMATION POLICY IN THE CONTEMPORARY COMMUNICATIVE SPACE

This paper presents the peculiarities of the regional information policy implementation in the circumstances of the contemporary communicative space. In particular, the place of the information in the society's activity is studied, as well as the problems arising from the mass information consumption. Digital media in comparison with the traditional ones have more democratic opportunities, but in this case the information appears as an economic and political resource. This combination causes the risk of the prevalence of the interests of one or more subjects of the information space, which can be opposed to the public interests and keep down the development, which necessitates the management of the information space. Information policy is regarded as one of the tools for political administration, with technological and content-related aspects in the context of mutual interaction and the necessity of the new system of information and psychological relations development which will insure the next stage of community development. Moreover, the information policy expresses the interests of its units, among which are the state, large businesses, transnational media corporations, civil institutes, non-commercial and non-governmental organizations, transnational social networks, individuals. However, the state plays the leading role. The importance of the activity distribution limits determines the allocation of the regional information policy which is to form the united information space of the region with its integration into the global one. Educational activity in general and media literacy in particular are proposed to be considered as one of the most important strategic directions of the state regional information policy. The important issue of information policy implementation is the politicization of the media which appears in the fact that the media has the state in direct command; or by the presence of the political leaders in the editorial staff administration or media guardianship boards or other types of boards; and also by issuing different state subsidies, government grants and other government programmes for the media. As a result, the regional information space depends immensely on the size and type of the direct or indirect presence of the state and those in power. In its turn, in the basic documents which directly control the state information policy in the regions, the nature and the extent of the presence of the state media in the regional information space are said to be the key performance indicators for the effectiveness of work done to provide the citizens with the information from the substantive aspects point of view, which was examined in the example of Voronezh region. The contemporary media consumption is changing rapidly, and in these circumstances the media need to keep up with these changes to survive. Messengers are growing more popular, gaining huge audience and letting the information to be spread on a massive scale. The media should use this to achieve the maximum of the cross-channel information distribution. The task of the state information policy is to be in the

centre of all the changes, study and forecast them, thus developing the strategy of the information space management.

Keywords: information policy, information space, communicative space, communication, messengers, media literacy, digital content, communications system, cross-media.

References

Gumenskii A. V. Upravlenie mezhdunarodnoi informatsiei [International information management]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Process], 2010, vol. 1, no. 8, p. 31–43. (in Russ.)

Mal'kevich A. A. Informatsionnaya politika Rossii i problemy politicheskoi sotsializatsii molodezhi [Information policy of Russia and problems of political socialization of youth]. *Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk State University. Series: Historical Sciences], 2015, vol. 3, issue 7, p. 97–102. (in Russ.)

Manoilov A. V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobnykh usloviyakh [State information policy in special conditions]. Monograph. Moscow, MEPhI, 2003, 388 p. (in Russ.)

Ponomarev N. F. Strategii i tekhnologii medialegitimatsii vlasti [Strategies and technologies of media legitimization of power]. Monograph. Perm, Perm State University Press, 2010, 192 p. (in Russ.)

Popov V. D. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika: sostoyanie i problemy formirovaniya. Massovye informatsionnye protsessy v sovremennoi Rossii [State information policy: the state and problems of formation. Mass information processes in modern Russia]. Essays. Executive editor A. V. Shevchenko. Moscow, 2002, 295 p. (in Russ.)

Yusupov R. M., Zabolotskij V. P., Naumov V. B., Demidov A. A. O kontseptual'nykh osnovakh regional'noi informatsionnoi politiki. *Internet i sovremennoe obshchestvo* [The Internet and Contemporary Society]. Proceedings of the 10th All-Russian Joint Conference. St. Petersburg, Faculty of Arts, and the Faculty of Philology St. Petersburg State University, 2007, p. 42–50. (in Russ.)

For citation:

Astafurov I. V. Regional Information Policy in the Contemporary Communicative Space. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 47–53. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-47-53

Г. В. Бестолкова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 31, корп. 1, Москва, 119192, Россия*

ilfactotumdelluniversita@mail.ru

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ И ТИРАЖИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ И СТЕРЕОТИПОВ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ

Подавляющее большинство англоязычных американских медиа, как правило, изображают латиноамериканцев сквозь призму стереотипов, но общественные латиноамериканские группы мобилизуются, чтобы бросить вызов ограниченности данных СМИ. Предвзятость англоязычных средств массовой информации не выходит за рамки негативных стереотипов из-за отсутствия сотрудников-латиноамериканцев в данных средствах массовой информации, и хотя численность латиноамериканцев в США составляет более 50 миллионов человек и они являются крупнейшим этническим меньшинством в стране, их занятость в ведущих англоязычных СМИ США сведена к нулю. Необходимость борьбы с негативными образами латиноамериканцев и стремление добиться от сферы телекоммуникаций той политики, которая была бы благоприятна для латиноамериканского населения США и другого цветного населения страны, легли в основу создания в 1986 г. в Лос-Анджелесе «Национальной коалиции испаноязычных медиа» США (The National Hispanic Media Coalition (NHMC)). Образы латиноамериканцев в СМИ очень важны, поскольку от того, как латиноамериканцев воспринимают, зависит то, как к ним относятся. В данной статье предпринята попытка осветить процесс формирования, а также тиражирования образов и стереотипов латиноамериканцев средствами массовой информации США.

Ключевые слова: латиноамериканцы, социальный стереотип, межкультурная коммуникация, англоязычные медиа США, Национальная коалиция испаноязычных медиа США.

Латиноамериканское население США

По данным переписи населения США за 2010 г., латиноамериканское население страны составило 50 млн человек, что более чем в два раза превысило показатель 1990 г. и увеличилось на 46,3 % по сравнению с 2000 г. Следует отметить также, что это самый молодой этнос в стране. Средний возраст латиноамериканцев составляет 27 лет, в то время как для англоязычных американцев европейского происхождения средний возраст равен 42 годам, для англоязычных афроамериканцев данный показатель равен 32¹. На рис. 1 показана динамика роста численности латиноамериканцев в Соединенных Штатах с 2010 до 2050 г. Согласно расчетам, в 2050 г. в США будет проживать более 143,5 млн человек латиноамериканского происхождения.

Наибольшее число латиноамериканцев, живущих в настоящее время в США, можно найти в 10 американских штатах (в процентах): Флорида (23), Техас (38), Калифорния (38), Илли-

¹ States from 2010 to 2050 (in millions). URL: <http://www.statista.com/statistics/251238/hispanic-population-of-the-us/> (accessed 01.11. 2015).

нойс (16), Нью-Джерси (18), Нью-Йорк (18), Нью-Мексико (47), Колорадо (21), Невада (27) и Аризона (30) ². В совокупности данные штаты насчитывают около 74 % населения страны латиноамериканского происхождения.

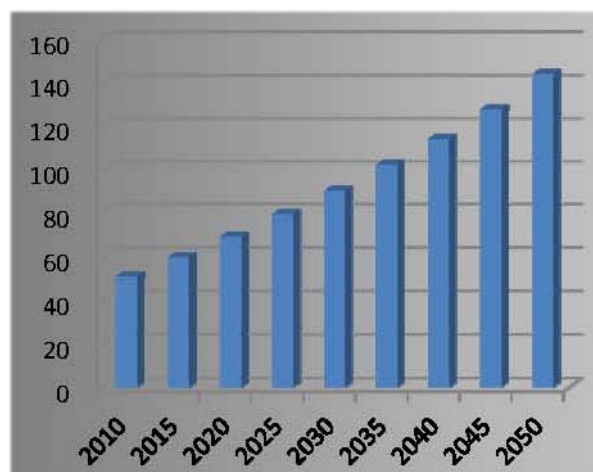

Рис. 1. Численность латиноамериканского населения США в период с 2010 по 2050 г. (в млн чел.)

Источник: States from 2010 to 2050 (in millions), 2015

Латиноамериканцы являются не только самой крупной и самой молодой этнической группой в Соединенных Штатах, они также представляют собой наиболее динамичную силу, формирующую будущее США. Каждый аспект американской культуры, каждая грань американского общества в настоящее время изменяется под влиянием латиноамериканцев. Испаноязычная культура превратилась в неотъемлемую часть культуры США. В процессе слияния двух культур (англоязычной и испаноязычной), формируется новая богатая традициями американская культура, которая определяется ценностями, созданными на протяжении нескольких поколений, а также в большей степени ожиданиями будущего, чем воспоминаниями о прошлом.

Оказывая все большее влияние на американские медиа, музыку, моду, кухню, латиноамериканцы и сохраняют большую часть своего культурного наследия и принимают американские привычки и нравы. Ключевым фактором сильного латиноамериканского влияния является не постоянный поток иммиграции в страну, а второе и третье поколение латиноамериканцев, которые пополняют ряды американских граждан в ближайшие десятилетия.

Проблема идентификации латиноамериканцев в США

Почти два десятилетия назад правительство Соединенных Штатов ввело в употребление термин *латиноамериканец* (Hispanic / Latino) для обозначения национальной принадлежности американцев, имеющих корни в испаноговорящих странах ³. Однако общенациональный опрос испаноговорящих граждан США показал, что данный термин до сих пор не получил должного одобрения со стороны американских граждан латиноамериканского происхождения, и, как следствие, он малоупотребим в данной этнической группе.

Большинство опрошенных (51 %) говорят, что они чаще всего идентифицируют себя по стране происхождения, и только 24 % предпочитают данный общетнический термин. Кроме того, респонденты, при соотношении более чем два к одному (69 против 29 %), утверждали, что более 50 млн латиноамериканцев в США являются представителями раз-

² US States with the Largest Relative Hispanic and Latino Populations. URL: <http://www.worldatlas.com/articles/us-states-with-the-largest-relative-hispanic-and-latino-populations.html> (accessed 04.08.2016).

³ Standards. URL: https://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_1997standards (accessed 04.08. 2016).

личных культур, а не одной общей для всех культуры, но при этом они стремятся продемонстрировать свою принадлежность к испаноязычному миру. Так, восемь из десяти (82 %) латиноамериканцев ответили, что они говорят на испанском языке, и почти все (95 %) подчеркнули необходимость сохранения коммуникации на испанском языке для будущих поколений⁴. Это говорит о крепких позициях испанского языка в среде латиноамериканцев, несмотря на то, что для преуспевания в США, – а это одна из главных целей представителей данной этнической группы, – нужно изучать английский язык.

Таким образом, данные опроса наглядно показывают, что проблема идентификации выходцев из Латинской Америки, проживающих на территории США, до сих пор не решена и является одной из наиболее актуальных для современного американского общества. В данной работе мы будем руководствоваться официальной терминологией, утвержденной Конгрессом США⁵, т. е. использовать термин «латиноамериканец» для обозначения американцев, имеющих корни в испаноговорящих странах.

Межкультурная коммуникация и СМИ

Если первоначально СМИ представляли собой единство производства и доставки содержания, то сегодня происходит расширение данного понятия. Современные СМИ уже больше, чем просто структура, производящая содержание (новости, развлечения), и больше, чем система его распространения. Медиа превращаются в общественных коммуникаторов, в структуру, обеспечивающую не только однонаправленный коммуникационный процесс: от производителей содержания к аудитории, но и двусторонний коммуникационный процесс (от журналистов к аудитории и обратно), т. е. современные СМИ являются не только коммуникационной средой, но и коммуникационным процессом, что представляет собой одно из самых новых и актуальных расширений как самих медиа, так и общества в целом.

Широкое распространение и использование новых средств электронной коммуникации привело к интенсификации и массовости коммуникационных процессов. Коммуникации и медиа стали важным социальным институтом современного информационного общества, и в то же время они стали неотъемлемым компонентом практически всех других социальных институтов: экономики, политики, культуры. Более того, средства массовой информации играют важную роль в процессе стабилизации социальной жизни. Сегодня медиа являются мощным фактором формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества.

Тем не менее глобализация на информационном уровне трансформировала передачу культурных моделей в культурную экспансию, в результате чего происходит нивелирование социокультурных процессов во всем мире и образование культурных стереотипов. Данный факт говорит о возникновении проблемы культурной совместимости, проблемы созвучия ментальных структур взаимодействующих культур, которая становится одной из наиболее актуальных в современном мире.

Следует отметить, что в данной работе термином СМИ обозначаются газеты и журналы, радио и телевидение, кино и Интернет, – словом, те каналы, посредством которых в основном и происходит распространение образов и стереотипов в самые широкие слои общества.

Объектом настоящего исследования являются социальные стереотипы латиноамериканцев.

Предметом исследования выступает воздействие средств массовой информации на формирование данных стереотипов.

Цель работы – исследовать роль СМИ в формировании стереотипов латиноамериканцев в современном американском обществе.

Эмпирическую основу исследования составили:

⁴ When Labels Don't Fit: Hispanics and Their Views of Identity. URL: <http://www.pewhispanic.org/2012/04/04/when-labels-don't-fit-hispanics-and-their-views-of-identity/> (accessed 11.04.2016).

⁵ Standards. URL: https://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_1997standards/ (accessed 04.08.2016).

- 1) фильмы и телевизионные сериалы, созданные в период с 1914 по 2013 г.;
- 2) материалы американской прессы и телевидения 1855–2015 гг.;
- 3) результаты социологического исследования, проведенного компанией «Латино Десиженс» (Latino Decisions) по заказу Национальной коалиции испаноязычных медиа США (The National Hispanic Media Coalition (NHMC)) в 2012 г.

Образ или стереотип?

Образы и стереотипы постоянно сосуществуют в культуре, дополняя друг друга, но выполняют несколько отличающиеся функции. В течение последних полутора веков наблюдается массовая тенденция к превращению традиционных образов в стереотипы и преобладанию стереотипов в общественном и индивидуальном сознании.

В работах О. Шпенглера, Ю. Лотмана, М. Бахтина, А. Лосева и многих других исследователей в основе дефиниции понятия «образ» всегда лежит представление об отражении действительности либо об определенном взаимодействии с ней, тогда как под «социальным стереотипом» понимают устойчивое упрощенное представление относительно всех людей, принадлежащих к какой-либо категории или социальной группе. Как правило, он несет в себе негативные характеристики, но в отдельных случаях может быть и позитивным [Свенцицкий, 2011].

Как следует из определения, понятию «стереотип» свойственны такие черты, как упрощенность и поверхностность, указывающие на то, что он не является результатом процесса серьезных наблюдений или анализа и, как следствие, несет в себе заведомо ложную информацию. Поэтому тот, кто основывает свое суждение о том или ином народе на стереотипах, рискует ошибиться, попасть впросак, поскольку в любом народе или нации есть люди с самыми разнообразными особенностями психики и мышления. К примеру, французов считают высокомерными, испанцев – вспыльчивыми, немцев – педантичными, но это далеко не всегда соответствует действительности.

Хорошей иллюстрацией к определению понятия «стереотип» являются слова выдающегося испанского историка и этнолога Х. Каро Бароха: «Половина всех глупостей, которые сказаны об Испании и испанской душе, принадлежит испанцам. Другая половина – иностранцам» [Быть испанцем..., 2006. С. 11].

Таким образом, если образ выступает как целостное, глубокое, содержательное отражение действительности, то стереотип является упрощенной и стандартизированной схемой, облегчающей восприятие и интерпретацию новой информации.

К сожалению, большинство людей подвержены влиянию стереотипных представлений о народах (нациях), и эти социальные стереотипы настолько прочно закреплены в их сознании, что изменить представление людей о том или ином народе зачастую практически невозможно, недаром составной частью этого слова является лат. *stereos* – твердый, прочный [Подосинов, 2002. С. 320].

Большинство исследователей полагает, что стереотипы можно «навязывать» через СМИ. Этот процесс протекает в три этапа: 1) сложный дифференцированный объект сводится к нескольким готовым, хорошо известным формам; 2) выделенным характеристикам объекта придается особая значимость в сравнении с той, которую они имели, будучи составными элементами целого; 3) выбираются «выравненные» и «усиленные» черты объекта для построения образа, близкого и значимого для данного индивида, в результате чего сложный объект сводится к схеме и хорошо известным признакам. При наличии стереотипа в дальнейшем любой образ аналогичного объекта будет выстраиваться субъектом исходя не из него самого, а из схемы, каковой и является стереотип. Так и возникает стереотипный образ.

В рамках настоящего исследования мы постараемся охарактеризовать образы и стереотипы латиноамериканцев в англоязычных СМИ и определить степень их влияния на отношение к латиноамериканцам и процесс межкультурной коммуникации внутри Соединенных Штатов Америки.

Образы и стереотипы латиноамериканцев в англоязычных СМИ США

Исторически сложилось так, что англоязычные медиа США изображали латиноамериканцев в основном для англоязычной аудитории сквозь призму развлечений с помощью карикатур, сатирических историй, которые привлекали эту аудиторию.

Наиболее устойчивые стереотипы о латиноамериканцах, созданные средствами англоязычных СМИ, – ленивый мексиканец, любовница латиноамериканка, подневольный рабочий и прислуга, но наиболее распространенный и разрушительный – образ жестокого преступника. История создания данных стереотипов уходит корнями в историю литературы США и развлекательных медиа.

Данные стереотипы были созданы и популяризованы во время промышленной революции благодаря большим тиражам дешевых бульварных романов, в которых латиноамериканцы в основном играли роли злодеев и негодяев. Далее эстафету подхватил Голливуд, где в течение длительного времени тиражировался негативный образ латиноамериканцев. Фильмы раннего Голливуда изобиловали расистскими образами.

Латиноамериканцы появились в кино 100 лет назад, в эпоху немого кинематографа, т. е. в начале XX в. Во многих голливудских фильмах мексиканцы были бандитами. Достаточно вспомнить такие голливудские фильмы, как «Брончо Билли и Гризер» (Broncho Billy and Greaser, 1914), «Пилигрим» (the Pilgrim, 1923), «Зачем беспокоиться» (Why worry?, 1923), «Да здравствует Вилья!» (Viva Villa!, 1934) и др.

Так, в фильме «Брончо Билли и Гризер» английским словом *greaser*, что означает *чумазы* (от англ. greasy – ‘сальный, скользкий’ [АРРАС, 1989]), уничижительно называют мексиканцев и американцев мексиканского происхождения. В некоторых словарях до сих пор в определении слова *greaser* присутствует упоминание о его использовании в качестве клички для мексиканцев: *greaser* – смазчик, амер. прозвище мексиканца [АРС, 1996].

Другим примером, наглядно демонстрирующим данную тенденцию, служит фильм «Да здравствует Вилья!», в котором образ революционного генерала и лидера крестьянских повстанцев во время Мексиканской революции 1910–1917 гг. Панчо Вилья (Хосе Доротео Аранго Арамбула (José Doroteo Arango Arámula (05.06.1878 – 23.07.1923)), более известного как Франсиско Вилья (Francisco Villa) или Панчо Вилья (Pancho Villa)), искажен до неузнаваемости. По сохранившимся воспоминаниям современников, это был умнейший человек, благородный бесстрашный герой [Лаврецкий, 1962], однако в фильме он изображен жестоким и беспринципным главарем банды, на которого без отвращения нельзя смотреть. Для того чтобы закрепить этот образ в сознании людей, в 1964 г. был создан мультфильм «Убежище Панчо» (Pancho's Hideaway, 1964), в котором роль главного злодея досталась Панчо Вилья.

Рассмотрим причины создания стереотипов и функции, которые они выполняли. Главной функцией стереотипов является оправдание исторических событий, возможность пересказать историю и сделать ее более приятной. Например, с помощью стереотипов можно оправдать захват земель, принадлежавших индейцам и мексиканцам, что стало причиной масштабного вытеснения и разрушения мексиканских семей и культур. При этом из образа мексиканских революционеров, которые защищали свои земли, вычеркнули величие и благородство, сделав из них «бандито» (el bandito). Всех их приравнивали к бандитам лишь за то, что они защищали свою землю от новых поселенцев, которые ее у них отбирали.

Повествовательная функция такого стереотипного образа, как «бандито» заключается в том, чтобы создать для героя-англоамериканца конфликт, который раскрывал бы его мощь и превосходство. К примеру, такой принцип положен в основу фильмов: «Сокровища Сьерра-Мадре» (The Treasure of the Sierra Madre, 1948); «Красная река» (Red River, 1948), «Дикая банда» (The Wild Bunch, 1969), «Профессионалы» (The Professionals, 1966), «Хороший, плохой, злой» (The Good, the Bad and the Ugly, 1966), «Золотая пуля» или «Пуля для генерала» (A Bullet for the General, 1966) и многих других.

В дополнение к стереотипам в литературе и кино англоязычные медиа долгое время представляли латиноамериканцев в качестве угрозы англоязычному обществу, но в отличие от кино эти репортажи были представлены в виде фактов, дабы придать большую реали-

стичность. Суть данных репортажей сводилась к тому, что англоязычные американцы являются освободителями, призванными самой судьбой объединить североамериканские земли и принести на эти земли западную цивилизацию и просвещение, а люди, населяющие земли, оккупированные США в захватнических войнах, рассматривались в качестве препятствия на пути англоязычных американцев к лучшей жизни.

Истоки данной позиции находятся в идее американской исключительности (англ. American exceptionalism), основывающейся на утверждении, что США занимают особое место среди других стран. Автором данной идеи считают американского государственного деятеля Джона Уинтропа (John Winthrop), изложившего свою концепцию в книге «Город на холме» (City upon a Hill, 1630).

Сторонником данной идеи был знаменитый американский поэт и публицист Уолт Уитмен (Walt Whitman), который накануне войны с Мексикой в 1846 г. в статье газеты «Бруклин Дэйли Игл» (The Brooklyn Daily Eagle) писал: «Что есть у этой убогой Мексики, кроме ее суеверий, ее пародии на свободу, ее тирании немногих над многими, что имеет она общего с великой миссией заселения Нового Света благородной расой? Быть ей нашей для достижения этой миссии!»⁶. Данное высказывание до сих пор можно встретить на сайтах, посвященных истории США⁷, в качестве девиза для будущих поколений.

Данную концепцию поддержал и американский юрист, политический деятель и писатель Ричард Генри Дана младший (Richard Henry Dana, Jr.), который в книге «Два года возле мачты: личные впечатления»⁸, описывая морское путешествие, совершенное им в качестве простого матроса на паруснике, из Атлантического океана в Тихий вдоль берегов Северной и Южной Америки, писал, что мексиканцы в Калифорнии были слишком ленивы, чтобы развивать свои собственные земли, и заметил, что ничто не мешает Монтерей стать великим городом, кроме характера народа.

Очень часто для оправдания американского экспансионизма используют термин «предопределение Судьбы» (от англ. Manifest Destiny). Впервые этот термин был использован Джоном О'Салливаном (John O'Sullivan) в 1845 г. в статье «Аннексия»⁹, в которой он утверждал, что Соединенные Штаты Америки должны простирались от Атлантического до Тихого океана и противостоять всеми возможными способами разрастанию испаноязычных территорий в США: «Нет расширению испаноязычной Америки!».

Впоследствии этот термин использовался для обоснования аннексии территорий Техаса и Калифорнии во время Американо-мексиканской войны (25.04.1846 – 02.02.1848), а накануне Испано-американской войны (25.04.1898 – 12.08.1898) данный термин был возрожден республиканцами, чтобы придать теоретическое обоснование зарубежной экспансии США.

В начале XX в. термин вышел из широкого употребления в политике, но в публицистической литературе он и сейчас активно используется для обозначения так называемой американской «миссии» по продвижению демократии во всем мире.

Журналистам и создателям англоязычных СМИ той эпохи приходилось оправдывать захват мексиканских земель и превращать мексиканцев в людей недостаточно цивилизованных и неспособных распоряжаться столь богатой и изобильной землей. Этим, в частности, и объясняется долговечность данных образов. Но в материалах первых испаноязычных газет юго-восточных Штатов США споры и дискуссии, связанные с захватом земель, на которых раньше жили мексиканцы и индейцы, разгорались с новой силой. Для примера возьмем одну из первых газет Калифорнии «Эль Кламор Публико» (El Clamor Publico).

Напомню, что до включения в состав США Калифорниями называли северо-западные земли испанской империи, которые после провозглашения независимости испанских американских колоний вошли в состав Мексиканской империи, а затем, в 1847 г., после Америка-

⁶ Brooklyn Public Library (1841–1955). URL: <http://bklyn.newspapers.com/> (accessed 20.07.2015).

⁷ Smithsonian Source. Resources for Teaching American History. URL: <http://www.smithsoniansource.org/display/primarysource/viewdetails.aspx?PrimarySourceId=1045/> (accessed 20.07.2015).

⁸ Two years before the mast: a personal narrative (1840). Boston: Houghton Mifflin, p. 614. URL: <https://archive.org/details/twoyearsbeforema00dana2/> (accessed 20.07.2015).

⁹ Annexation // United States Magazine and Democratic Review 17, № 1 (July-August 1845), p. 5–10. URL: <http://web.grinnell.edu/courses/HIS/f01/HIS20201/Documents/Osullivan.html/> (accessed 20.07.2015).

но-мексиканской войны были поделены между Мексикой и Соединенными Штатами, образовав в 1850 г. 31-й штат США.

«Эль Кламор Публико» была первой испаноязычной газетой в Калифорнии после американской оккупации этих земель. Газета выходила еженедельно с июля 1855 по август 1859 г. Изначально публикации в газете носили умеренный характер, но затем в ней стали преобладать материалы с сильными политическими взглядами, как правило, в поддержку мексиканцев (см., например: «Заметки о расколе государства»¹⁰; «Оскорбление испанской расы»¹¹ и др.).

На протяжении долгого времени американские англоязычные медиа не предоставляли латиноамериканцам права голоса, но их общественные группы объединились с испаноязычными медиа, чтобы бросить вызов ограниченности англоязычных СМИ. Однако, хотя протесты и привлекли внимание к этой проблеме, медийные корпорации не перестали относиться к латиноамериканцам пренебрежительно.

Так, в 1911 г. газета «Ла Кроника де Лоредо» (La Crónica de Laredo (штат Техас)) призвала к борьбе против стереотипов, изображающих латиноамериканцев как негодяев и трусов в популярных ковбойских фильмах, отмечая, что «мексиканцы и другие латиноамериканцы опорочены в этих напугавших американских фильмах» [Limón, 1973]. Газета призвала и другие испаноязычные медиа присоединиться к бойкоту театров и режиссеров, говоря, что латиноамериканские семьи часто уходят из театров, когда видят такое отношение.

В конце 1960-х гг. англоязычные СМИ США стали мишенью для латиноамериканцев недовольных тем, как их изображают в развлекательных медиа. Эти протесты были поддержаны многими правительствами стран Латинской Америки [Lewels, Jr., 1974; Rendón, Reyes, 1970; Martínez, 1969; Zeidenberg, 1971].

К примеру, критике подвергся стереотипный рекламный образ мексиканца Фрито Бандито (Frito Bandito) – мультипликационный герой-талисман кукурузных чипсов с 1967 по 1971 г., созданный Агентством «Фут, Кон & Белдинг» (Foote, Cone & Belding Agency), воплотивший в себе образ глупого мексиканца, говорящего с преувеличенным акцентом. Благодаря давлению со стороны Национального американско-мексиканского антидиффамационного комитета (The National Mexican-American Anti-Defamation Committee) и латиноамериканской общественности персонаж был «отправлен в отставку» в 1971 г.

Следует отметить, что в американском обществе акцент стал ключевым способом обозначения других людей, не таких как большинство американцев. Иными словами, акцент в США – это маркер с расистским оттенком, признак неполноценности, который показывает, что человек, говорящий с акцентом, неровня человеку, говорящему без акцента.

Сегодня образы бандитов-латиноамериканцев, разъезжающих на лошади, превратились в латиноамериканских диктаторов и наркобаронов, но наиболее часто на американском экране встречаются жестокие городские преступники, торговцы наркотиками и участники уличных банд: «Роман с камнем» (Romancing The Stone, 1984), «Форт Апач, Бронкс» (Fort Apache, The Bronx 1981), «С меня хватит» (Falling Down, 1993), «Прямая и явная угроза» (Clear and Present Danger, 1994), «Кокаин» (Blow, 2001), «Король улиц» (Street Kings, 2002), «Клан» (Clan, 2003), «Латинский дракон» (Latin Dragon, 2004), «Крейзи» (Havoc, 2005), «Отважная» (The Brave One, 2007), «Во все тяжкие» (Breaking Bad, 2008), «Отель “Калифорния”» (Hotel California, 2008), «Медиум» (Medium, 2009), «Черная метка» или «Срочное уведомление» (Burn Notice, 2010), «Коломбиана» (Kolombiana, 2011) и др.

Мужчин латиноамериканского происхождения очень часто изображают варварами, которые творят насилие, а латиноамериканки в голливудских фильмах неизменно гиперсексуальны и подвержены резким перепадам настроения: «Кубинская любовная песня» (The Cuban Love Song, 1931), «Девушка из Мексики» (The Girl from Mexico, 1939), «Ночь и город» (Night And The City, 1992), «А мне так нравится» (I Like It Like That, 1994), «От рассвета до заката»

¹⁰ El Clamor Publico, vol. I, no. 3, Julio 3 de 1855. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/compoundobject/collection/p15799coll70/id/729/> (accessed 25.07.2015).

¹¹ El Clamor Publico, vol. II, no. 19, Noviembre 1 de 1856. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/compoundobject/collection/p15799coll70/id/777/ec/2/> (accessed 26.07.2015).

(From Dusk Till Dawn, 1996, 2014), «Блудливая Калифорния» (Californication, 2007), «Форсаж 4» (Fast & Furious, 2009) и др.

Другой образ латиноамериканок – это домохозяйки, не обладающие чувством собственного достоинства: «Балбесы» (The Goonies, 1985), «Лучше не бывает» (As Good as It Gets, 1997), «Сказочник» (Storytelling, 2001), «Столкновение» (Crash, 2004) и др. Проблема подобного изображения женщин заключается в недостатке уважения, которого они заслуживают.

Во всех этих фильмах образы латиноамериканцев и латиноамериканок объединяет то, что их показывают чужаками, людьми «второго сорта».

Волну негодования латиноамериканской общественности США в 1981 г., вылившегося в многочисленные акции протеста, вызвало изображение латиноамериканцев в фильме «Форт Апач, Бронкс» (Fort Apache, The Bronx, 1981). Создатели фильма, рассказывая о работе полицейских, изобразили латиноамериканцев в самом неприглядном виде, используя традиционный набор стереотипных образов, что только укрепило в американском обществе негативное отношение к выходцам из Латинской Америки.

В 1998 г. в юмористическом сериале «Сайнфелд» (Seinfeld, 1998) была показана сцена поджога пуэрториканского флага, что является прямым оскорблением пуэрториканцев, поскольку флаг – это символ национальной идентичности. Реакция лидеров латиноамериканского сообщества была незамедлительной и резкой. В газете «Дэйли Ньюз» (Daily News) по этому поводу появилась статья Дэвида Бодера под названием «“Сайнфелд”, сжигая флаг, подливает масло в огонь» («“Seinfeld” gets heat for burning flag» by David Bauder), суть которой сводилась к тому, что протесты латиноамериканских лидеров вызваны тем, что данный сериал сломал грань между юмором и расизмом: «“Seinfeld” crossed the line between humor and bigotry, several Hispanic leaders protested the episode in which Kramer set the Puerto Rican flag on fire and stomped it out» [Bauder, 1998. P. 13].

Причиной протестов латиноамериканского сообщества в 2012 г. стали шутки в юмористическом сериале «Достичь цели» (Work it, 2012). В одном из диалогов между персонажами данного сериала пуэрториканцев приравнивали к наркоторговцам: «– Я сомневаюсь, что ты подходишь для данной работы (I am not sure you'd be whatever this job requires). – Я пуэрториканец, и с торговлей наркотиками я справлюсь прекрасно. (I am Puerto-Rican, I will be great at selling drags)».

Многочисленные выступления латиноамериканцев, оскорбленных таким изображением, заставили телекомпанию «Эй Би Си» (ABC), выпускающую сериал, извиниться и прекратить показ для пересмотра содержания серий.

Благодаря сильному давлению со стороны латиноамериканской общественности ситуация начала меняться, и на экран стали выходить фильмы, в которых латиноамериканцы являются главными героями и положительными персонажами: «Дурнушка Бетти» (Ugly Betty, 2006–2010), «Дети шпионов» (Spykids, 2001–2003, 2011), «Волшебники из Вэйверли Плейс» (Wizards of Waverly Place, 2007–2012), «Анатомия страсти» (Grey's Anatomy, 2005), «Американская семья» (American Family, 2002–2004), «Бульвар Воскресенья» (Resurrection Blvd, 2000–2002) и др.

Но заметим, что самые успешные латиноамериканцы – это обладатели более светлой кожи, больше похожие на представителей белой расы, например, Дженифер Лопес (Jennifer Lopez), Эва Мендес (Eva Mendes), Джессика Альба (Jessica Alba), Камерон Диас (Cameron Diaz). Кроме того, их манера говорить на английском языке не вызывает негативную реакцию. Эти образы созданы для массового зрителя, т. е. и для латиноамериканцев, и для белых американцев, но дискриминация по отношению к афро-латиноамериканцам и темнокожим латиноамериканцам все еще сохраняется из-за того, что у них нет таких возможностей и такой популярности, как у светлокожих латиноамериканцев, которые с легкостью могут сойти за белых. Подсознательный расизм существует еще и потому, что такие образы и такое отношение к латиноамериканцам существуют настолько давно, что стали нормой. В этом, безусловно, виновны американские англоязычные медиа, распространяющие такой образ мыслей. Тем самым идет тиражирование стереотипных образов и представлений о латиноамериканцах, в которых нелепые вещи берутся за аксиому.

Следует отметить, что создание фильмов и сериалов, в которых латиноамериканским актерам достаются роли положительных героев, имеет, безусловно, и коммерческий подтекст.

Дело в том, что к 2000 г. латиноамериканцы стали крупнейшим этническим меньшинством США, и ведущие американские англоязычные медиа компании стремятся заполнить этот растущий рынок.

При этом фильмы и сериалы, которые создают известные кинематографисты латиноамериканского происхождения, к примеру «Американская семья» (American Family, 2002–2004), «Настоящие женщины всегда в теле» (Real Women Have Curves, 2002) и др., более точно показывают латиноамериканцев и латиноамериканское сообщество на экране, благодаря этому у латиноамериканцев появилось больше перспектив и на экране и в жизни, но, несмотря на признаки прогресса, негативный образ латиноамериканцев продолжает доминировать в американском медийном пространстве.

Так, реакция на предложение Барака Обамы назначить федерального судью Сонью Сотомайор (Sonia Sotomayor) первым кандидатом в Верховный Суд Соединенных Штатов была крайне негативной, и в американских англоязычных медиа буквально началась травля данного кандидата.

Проанализировав новостные выпуски крупных американских телеканалов (ABC News, CBS News, CNN, FOX News) в период с 2005 по 2014 г., мы вынуждены констатировать тот факт, что в новостных американских англоязычных медиа упоминание о латиноамериканцах практически всегда сводится к рассказам о наркоторговле и преступлениях, связанных с пересечением границ США, и совсем нет материалов о законопослушных латиноамериканцах – гражданах США. Следует отметить, что только часть латиноамериканцев, живущих в США, являются иммигрантами и только малая часть из этих латиноамериканцев не имеет документов для нахождения на территории страны, но при освещении новостей англоязычными СМИ всех латиноамериканцев без исключения называют иммигрантами, нелегально проживающими в США, а следовательно, именно они виновны в криминальной ситуации, экономических трудностях и т. д. В связи с этим неудивительно, что в 2015 г. кандидат в президенты США Дональд Трамп (Donald Trump) сказал, что «из Мексики в США едут только бандиты и наркоманы» (Lifenews, 24.07.2015).

В конце XX в. ситуация стала меняться, и в результате появилось много возможностей для продюсеров, сценаристов, режиссеров снимать фильмы и предоставлять латиноамериканцам широкое разнообразие ролей. Однако многие старые стереотипы еще не изжиты, и это является плодом многолетнего труда англоязычных медиа США. На экран по-прежнему выходят фильмы, где отрицательными персонажами являются латиноамериканцы: «Гадкий я 2» (Despicable Me 2, 2013), «Мачете» (Machete, 2010), «Мачете убивает» (Machete Kills, 2013) и т. д. Данные фильмы формируют негативный образ латиноамериканцев, а следовательно, и негативное отношение к представителям данной этнической группы в современном американском обществе.

Национальная коалиция испаноязычных медиа США (НКИМ)

Национальная коалиция испаноязычных медиа США (НКИМ) (The National Hispanic Media Coalition (NHMC)) была создана в Лос-Анджелесе в 1986 г. и в настоящее время имеет два офиса: в Пасадене, штат Калифорния, и в Вашингтоне, округ Колумбия. НКИМ США представляет собой организацию, имеющую свои представительства в Калифорнии, Нью-Йорке, Аризоне, Мичигане и Вашингтоне¹².

Данная коалиция стремится изменить сложившееся на протяжении долгого времени положение дел и добиться всеобщего, открытого доступа к коммуникациям для всех граждан США латиноамериканского происхождения. Неслучайно девиз НКИМ США звучит так: Открываем двери для латиноамериканцев в СМИ (Opening doors for latinos in the media)¹³.

Появление такой организации было вызвано необходимостью борьбы с негативными образами латиноамериканцев в СМИ. Достаточно часто предвзятость англоязычных средств массовой информации не выходит за рамки негативных стереотипов из-за отсутствия сотрудников-латиноамериканцев в данных медиа и, несмотря на то, что численность латино-

¹² The National Hispanic Media Coalition (NHMC). URL: <http://www.nhmc.org/about-us/> (accessed 01.08.2015).

¹³ Ibid.

американцев в США на сегодняшний день составляет более 50 млн человек и они являются крупнейшим этническим меньшинством в стране, их занятость в ведущих англоязычных СМИ США практически сведена к нулю, а для создания правдивого изображения латиноамериканского сообщества в СМИ латиноамериканцы должны быть задействованы на всех уровнях медиа-индустрии.

За довольно короткий период времени НКИМ приобрела статус самых востребованных и авторитетных национальных латиноамериканских СМИ США. Одним из главных достижений НКИМ США стало подписание Меморандума о взаимопонимании (Memorandum of Understanding). Десять лет назад НКИМ вместе с представителями африканских и азиатских американских общин, а также представителями четырех основных телевизионных сетей подписали Меморандум о взаимопонимании, благодаря которому объединили свои усилия по диверсификации рабочей силы телесетей¹⁴. Теперь каждая телевизионная сеть обязана ежегодно раскрывать свои статистические данные, на основе которых Совет НКИМ отслеживает динамику занятости латиноамериканцев и цветного населения США в данных телесетях.

Президент и генеральный директор НКИМ США Алекс Ногалес (Alex Nogales) часто принимает участие в заседаниях Конгресса США, посвященных различным медиа и телекоммуникационной политики. НКИМ подала более пятидесяти ходатайств в Федеральную комиссию по коммуникациям (The Federal Communications Commission (FCC)) для отзыва лицензии у радио- и телестанций по всей стране на основании того, что латиноамериканские граждане США были в недостаточной мере представлены в трудовом коллективе данных медиа, а также из-за случаев использования ненормативной лексики в эфире испаноязычного вещания или из-за отсутствия детских программ. Многие из этих ходатайств привели к выплатам штрафов и объявлению выговоров.

Следует отметить, что НКИМ США стремится подготовить квалифицированные кадры для индустрии развлечений. Например, коалиция создала программу подготовки телевизионных сценаристов (NLMC's Television Writers Program), которая готовит десять талантливых латиноамериканских сценаристов в год и знакомит их с руководителями медиа корпораций, которые заинтересованы в диверсификации рабочей силы телесетей. Выпускниками программы, сделавшими успешную карьеру в кино и на телевидении, являются: Норберто Барба (Norberto Barba), Дава Фелис Авена (Davah Feliz Avena), Рафаэль Гарсиа (Rafael Garcia) и многие другие¹⁵.

НКИМ США активно выступает за соблюдение закона о сетевом нейтралитете, демонстрируя свою решимость в борьбе за обеспечение всеобщего, открытого доступа к коммуникациям для всех без исключения: «Нам нужен настоящий сетевой нейтралитет, чтобы наше общество имело право на расовую, экономическую и медийную справедливость»¹⁶.

Коалиция не ограничивает свою деятельность только медийной сферой и старается не оставлять без внимания ни одного аспекта жизни латиноамериканского сообщества в США. Так, при поддержке фонда «Четырех Свобод» (The Four Freedoms Fund) НКИМ США способствует развитию сотрудничества между латиноамериканскими средствами массовой информации и движением в защиту прав иммигрантов.

Итак, главными задачами НКИМ США являются:

1) создание положительного образа латиноамериканского сообщества в СМИ, чтобы представители данной этнической группы имели больше возможностей и перспектив в жизни;

2) реализация телекоммуникационной политики, которая была бы благоприятна для латиноамериканского населения США и другого цветного населения страны.

В 2012 г. компания «Латино Десиженс» (Latino Decisions) по заказу НКИМ США проводила опрос респондентов нелатиноамериканского происхождения, целью которого была оценка влияния негативного образа латиноамериканцев, созданного англоязычными медиа США, на отношение к ним в современном американском обществе.

Проведенный опрос позволил выявить три очень важные тенденции:

¹⁴ The National Hispanic Media Coalition (NHMC). URL: <http://www.nhmc.org/about-us/> (accessed 01.08.2015).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

1) новости и развлекательные СМИ оказывают сильное влияние на представление о латиноамериканцах в среде американских граждан нелатиноамериканского происхождения;

2) образ латиноамериканцев для большинства респондентов является сочетанием позитивных и негативных стереотипов, созданных СМИ;

3) образы, создаваемые в СМИ, способны уменьшить или усилить негативное мнение о латиноамериканцах в обществе.

Далее представлены данные проведенного опроса о самых распространенных образах латиноамериканцев в кино и на телевидении (рис. 2).

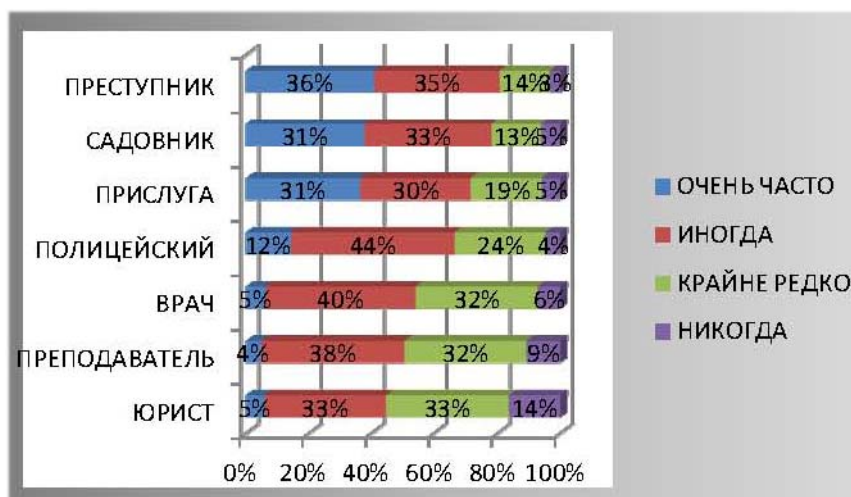

Рис. 2. Образы латиноамериканцев в кино и на телевидении

Источник: Latino Decisions national poll for the National Hispanic Media Coalition (NHMC, 2015)

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что очень часто латиноамериканцы в СМИ предстают в образе бандитов (36 %), что способствует формированию негативного отношения к ним со стороны других представителей современного американского общества.

Следует отметить, что данный опрос подтвердил утверждение, что влияние СМИ на мнение людей о латиноамериканцах и отношение к ним в обществе варьируется в зависимости от индивидуальных факторов, особенно от возраста и знакомства с латиноамериканцами, но несомненным остается тот факт, что даже те, кто имеет положительное мнение о латиноамериканцах, например представители младшей возрастной группы или те, у кого есть друзья латиноамериканцы, под воздействием негативных медиастереотипов имеют менее благоприятное мнение о них.

Итак, проведенный опрос показал, что большая часть респондентов имеет негативное представление о латиноамериканцах, базирующееся на образах, которые они часто видят в кино или на телевидении. Большинство опрошенных верят, что стереотипы служат надежными источниками информации о латиноамериканцах.

Заключение

Итак, проведенное исследование показало следующее.

- СМИ выступают в качестве главного средства формирования и тиражирования образов и стереотипов латиноамериканцев в современном американском обществе. На характер и содержание стереотипов самое активное влияние оказывает телевидение, которое в силу своей общедоступности в наибольшей степени воздействует на развитие общества.

- Наиболее распространенными стереотипами латиноамериканцев, которые формируются англоязычными средствами массовой информации США, являются ленивый мексиканец, любовница-латиноамериканка, подневольный рабочий и прислуга, но наиболее распространенный и разрушительный образ – это образ жестокого преступника-латиноамериканца.

- Стереотип – схематичный, стандартизованный образ, в котором концентрируются ценностные предпочтения человека или группы людей. Оценочный элемент стереотипа, выступающий в виде установки, всегда сознательно детерминирован. В современном информационном обществе стереотипы формируются средствами массовой информации, что способствует автоматизации мышления, упрощению и стандартизации суждений о различных явлениях.

- Стереотипы выступают инструментами, с помощью которых СМИ манипулируют и управляют массовым сознанием. Этнические стереотипы отражают эмоциональное и оценочное отношение к представителям этнических групп, а также распространяют знание об этих группах. В связи с тем, что стереотип тесно связан как с жизнью всего общества, так и с отдельными группами людей, манипулировать массовым сознанием легче. Иными словами, СМИ представляют собой инструмент манипулирования и навязывания определенного отношения к различным этническим группам, и часто это навязанное отношение является трансляцией стереотипов.

Таким образом, в контексте современного медиапространства средства массовой информации способствуют созданию стереотипического вида культуры, основанной на образах и стереотипах массовой культуры. Механизм влияния СМИ на формирование социальных стереотипов является достаточно сложным, так как любая функция средств массовой информации несет в себе и позитивную, и деструктивную составляющую, соответственно, может способствовать как интеграции, так и дезинтеграции общества.

Список литературы

- АРАС – Англо-русский и русско-английский словарь / Под ред. О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон. М.: Рус. яз., 1989.
- АРС – Англо-русский словарь / В. К. Мюллер, С. К. Боянус. Киев: Каннон, 1996. 512 с.
- Быть испанцем...: Традиция. Историческая память. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006.
- Лаврецкий И. Панчо Вилья. М.: Молодая гвардия, 1962. 256 с. (ЖЗЛ)
- Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А. Латинско-русский словарь. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002.
- Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М., 2011. 413 с.
- Bauder D. «Seinfeld» gets heat for burning flag // Daily News. 10.05.1998.
- Lewels F. J., Jr. The Uses of the Media by the Chicano Movement: A Study in Minority Access. N. Y.: Praeger Publishers, 1974.
- Limón J. Stereotyping and Chicano Resistance: An Historical Dimension // Aztlán 4. 1973. № 2. P. 257–270.
- Martínez T. How Advertisers Promote Racism // Civil Rights Digest. Washington, DC: US Commission on Civil Rights, 1969. P. 5–11.
- Rendón A., Reyes D. N. A Brown Position Paper: Chicanos and the Mass Media. Washington, DC: National Mexican American Anti-Defamation Committee, 1970. June 19.
- Zeidenberg L. The Struggle Over Broadcast Access // Broadcasting. 1971. September 20. Pt 1. P. 32–43; 1971. September 27. Pt 2. P. 24–29.

G. V. Bestolkova

*Lomonosov Moscow State University
31/1 Lomonosov Prospect, Moscow, 119192, Russian Federation*

ilfactotumdelluniversita@mail.ru

US MEDIA AS A WAY OF FORMING AND REPLICATING HISPANIC IMAGES AND STEREOTYPES

According to the US census (2010), Latin American population in the country is more 50 million people. It should be mentioned that Latin Americans are not only the largest and the youngest ethnic group within USA, they also represent the most dynamic force shaping country's future. In fact, nowadays every aspect of American culture and society is being changed under Hispanic influence. Thus, new American culture is being formed in the process of mixing the two cultures (English-speaking and Spanish-speaking). This new culture is unique because it is rich in traditions and is determined by values created only over several generations. However, the US English-language media portrayed Latin Americans mainly through lens of entertainment, through caricatures and satirical stories that attracted their audience. The most popular stereotypes about Latin Americans created by means of English-language media are lazy Mexican, Latino mistress, servant, but the most widespread and destructive Hispanic image is a brutal Latin American criminal. History of these stereotypes' creation is deeply rooted in US literature and entertainment media. At the beginning, these stereotypes were created and popularized during the industrial revolution due to cheap tabloid novels' circulation in which Latin Americans played roles of scoundrels. Then Hollywood started to spread negative images of Hispanics by means of films and TV shows. It should be noted that Hispanic images in films and on television are very important as they shape this ethnic group perception within the country and influence on how Latin Americans are treated in the modern American society. Today, Hispanic social groups mobilize to challenge the limitations of US English-language media that tend to portray Latinos only through the prism of stereotypes. US English-speaking media bias goes very often beyond negative stereotypes due to lack of Latino staff in these media, i.e. despite the growing number of Hispanics within the United States, their employment in leading US media is reduced to zero. So, necessity to resist negative image of Latinos and to get favorable telecommunication policy for them inspired the creation of The National Hispanic Media Coalition (NHMC) in 1986 in Los Angeles. In a relatively short period of time, NHMC got the status of the most popular and authoritative national Latin American media in the United States. One of the main achievements of NHMC was the Memorandum of Understanding. The thing is NHMC together with representatives of African and Asian American communities, representatives of four major television networks signed the Memorandum of Understanding, through which they combined their efforts to diversify US television network staff. All in all, the main purpose of this article is to outline the process of Latino images' formation by US English-speaking media, because these images are very important as they influence on attitude towards Latin Americans within the country.

Keywords: Latinos, social stereotype, intercultural communication, US English-speaking media, the National Hispanic Media Coalition (NHMC)).

References

- Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' [English-Russian and Russian-English Dictionary]. Moscow, Russian Language, 1989.
- Muller V. K., Boyanus S. K. Anglo-russkii slovar' [English-Russian Dictionary]. Kitv, Kannon, 1996.
- Byt ispantsem...: Traditsiya. Istoricheskaya pamyat [Being a Spaniard...: Tradition. Historical memory]. Moscow, AST: East-West, 2006. (in Russ.)
- Lavretskiy I. Pancho Vilia (Zhizn zamechatelnykh lyudey) [Pancho Villa (The Life of Remarkable People)]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1962, 256 p. (in Russ.)

Podosinov A. V., Kozlov G. G., Glukhov A. A. *Latinsko-Russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. 5th ed. Moscow, Flint: Science, 2002, 320 p. (in Russ.)

Sventsitsii A. L. *Psichologicheskii slovar'* [Psychological Dictionary]. Moscow, 2011, 413 p. (in Russ.)

Bauder D. «Seinfeld» gets heat for burning flag. *Daily News*, 10.05.1998.

Lewels F. J., Jr. *The Uses of the Media by the Chicano Movement: A Study in Minority Access*. N. Y., Praeger Publishers, 1974.

Limón J. Stereotyping and Chicano Resistance: An Historical Dimension. *Aztlán* 4, 1973, № 2, p. 257–270.

Martínez T. How Advertisers Promote Racism. *Civil Rights Digest*. Washington, DC, US Commission on Civil Rights, 1969, p. 5–11.

Rendón A., Reyes D. N. *A Brown Position Paper: Chicanos and the Mass Media*. Washington, DC, National Mexican American Anti-Defamation Committee, 1970, June 19.

Zeidenberg L. The Struggle Over Broadcast Access. *Broadcasting*, 1971, September 20, pt 1, p. 32–43; 1971, September 27, pt 2, p. 24–29.

For citation:

Bestolkova G. V. US Media as a Way of Forming and Replicating Hispanic Images and Stereotypes. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 54–67. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-54-67

УДК 070 + 81'22 + 80
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-68-77

М. Ю. Маркасов

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, корп. 3, Новосибирск, 630126, Россия*

markasova85@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Статья посвящена рассмотрению стратегий и способов создания медиаобраза исторической личности в популярных исторических журналах. Делается вывод о том, что исторические фигуры не только представляют для массового сознания интерес как знаки современных и прошлых политических событий, но также обусловлены потребностью аудитории в поглощении «смыслов». Эти образы наполняют медийное пространство дискурсами и часто становятся богатым материалом для создания разного рода рекреативных текстов. Отмечается, что принцип узнаваемости исторической личности играет ключевую роль в коммуникации с читателем, стимулируя его интерес к публикациям и журналам в целом. В статье говорится о двух типах изданий: рассчитанных на средний уровень компетенции реципиента и тех, которые репрезентируют самые массовые, часто агрессивные, социальные стереотипы. Отдельно рассматриваются материалы журнала «Дилетант» как наиболее удачный в заявленном аспекте проект. Утверждается, что качественность издания заключается в содержательности материалов, медийной статусности авторов и в композиционной выстроенности по принципам художественного текста всего номера.

Ключевые слова: медиаобраз, персонификация, медийный дискурс, постфольклор, криптоистория, массовое сознание, миф, историческая личность, семиотика.

Усиление интереса к историческим личностям за последние несколько лет в современном медиапространстве России обусловлено не только известными политическими событиями, нуждающимися в поддержке историческими аналогиями, но и потребностью аудитории в поглощении «смыслов». Нам видится, что в условиях расцвета массовой культуры это взаимонаправленный процесс, так как персонифицированные образы, выполняя роль защитных психологических механизмов, становятся для адресата своеобразными ориентирами в непредсказуемом социальном мире. Иными словами, историческая личность – современный тренд, на основе которого выстраиваются популярные медийные дискурсы, выполняющие, на наш взгляд, несколько функций. Во-первых, решают задачу политической пропаганды, во-вторых, являются способами идеологических манипуляций, в-третьих, наполняют медийное пространство «смыслами». И часто становятся богатым материалом для создания разного рода рекреативных текстов.

Понятие «медиаобраз» [Галинская, 2013; Зелянская и др., 2009] в научный обиход было введено сравнительно недавно и сконструировано по аналогии с социологическим термином «социообраз»: «В узком значении “медиаобраз” – это фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества; в широком значении “медиаобраз” – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных

Маркасов М. Ю. Историческая личность в современных массмедиа. К постановке вопроса // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 68–77.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 6: Журналистика
© М. Ю. Маркасов, 2018

в медиапространстве. <...> медиаобраз представляет собой одну из форм существования массового сознания в медиакommunikации» [Галинская, 2013. С. 91]. В какой-то степени медиаобраз является частью национальной концептосферы, в которую Ю. С. Степанов включает такой «персонаж», как Буратино [Степанов, 2001]. Г. Хазагеров оперирует понятием персоносфера, определяя его так: «Это сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей <...> [2002]. Принципиальное свойство персоносферы Г. Хазагеров видит прежде всего в том, «что [ее] объекты <...> – это лица, личности» [Там же]. Л. П. Гекман указывает на характерную особенность функционирования «постфольклорных» героев в современном массовом сознании: «Автономизированные от создателя персонажи обретают новое существование в бесчисленном множестве вариантов» [2006]. Вообще, вопрос реальности / виртуальности литературных героев стал достаточно модным с началом тотальной экспансии медиа в современную жизнь. Тезис В. П. Руднева о реальности как наррации [2016] находит свое подтверждение в повседневной практике массмедиа. Другими словами, и исторических личностей, и литературных героев можно трактовать с точки зрения концепции симулякров и нарратива. Если отталкиваться от распространенного в литературоведении положения, что в художественной литературе историческая личность (в общих чертах) – реализация концепции автора, то, по всей видимости, «персонаж» истории, появляющийся на страницах журналов, газет и на телеэкране, функционирует схожим образом, но выражает не художественно-эстетические, а скорее, какие-то современные политические и социальные ментальные конструкции.

Историческая личность как таковая стала объектом практически всех универсальных российских изданий, но большая часть материалов, посвященных узнаваемым фигурам, содержится в специализированных журналах. Все эти публикации тематически вполне предсказуемы и отвечают принципам построения рекреативного текста. В корпусе современных материалов можно выделить несколько тематических блоков: изложение биографии правителей, героев, писателей, артистов и др., их деятельность, любовные истории. На этих темах часто строятся целые повествования в духе авантурных сюжетов. Такие повествования на основании ориентации на адресата можно разделить на два вида: рассчитанные на средний уровень компетенции реципиента и репрезентирующие самые массовые социальные стереотипы. К первой группе можно отнести такие издания, как «Дилетант» и альманах «История», ориентированные на имитацию научности: во-первых, стилистически, а во-вторых, по признаку демонстрации разных точек зрения ученых-историков (впрочем, без ссылок, которые приняты в научной литературе). Например, в статье «Откуда пришел Рюрик» даются разные версии национальной принадлежности основателя русской царской династии: датчанин, швед, славянин и даже чеченец (История от «Русской семерки». Альманах № 3. Осень 2017). Необходимо отметить, что альманах «История» – часть общего весьма удачного «бумажно»-электронно-телевизионного проекта «История от “Русской Семерки”». За счет насыщения интернет-ресурса огромным количеством публикаций последний, тем не менее, теряет многие преимущества печатного текста (в электронном варианте минимум иллюстраций) и служит, скорее, информационным источником, нежели неким комбинированным медийным продуктом, обязанным, согласно маркетинговым правилам, не только включать в себя текстовые массивы, но прежде всего быть привлекательно оформленным.

Исторические издания «Тайны XX века», «Архив XX века», «Запретные истории» и др., ориентированные на менее притязательную аудиторию, построены по несколько иному принципу, раскрывают реципиенту некое сакральное знание (тайну, загадку) и являются на самом деле не экспликацией тайны, а эксплуатацией мифов и архетипов. Так, в августовском номере журнала «Архивы XX века» (Архивы XX века. 2017. № 3) рассказывается о чуде спасшемся царевиче Алексее Романове, излагается полная событий и приключений история его (естественно, под другим именем) последующей жизни. Мотив чудесного спасения лежит в основе многих известных сюжетов – от сказок и мифов до библейских историй. Повествование об Алексее начинается ретроспективно: «Зимой 1949 в одну из психиатрических больниц...» – и развивается согласно логике сказочной фабулы, представляя собой масскультурную модификацию фольклора. Связь фольклора и жанров массовой культуры стала устойчивой и беспроегрешной стратегией построения журналистских текстов, некоторые материалы демонстративно подчеркивают свою ориентацию на использование сказочной

схемы. «Царевич Алексей» меняет облики, документы, социальный статус, но на витке начала нового сюжета ему приходится повторять эти действия снова.

Сам сюжет рассказа строится по принципам авантюрного повествования, «перегруженного» остросюжетными ситуациями. И в данном случае непринципиально, чистейший ли это вымысел, или рассказанная история все же опирается на реальные факты. Как утверждает Умберто Эко, «традиционный религиозно-мифологический персонаж <...> имел неизменные, вечные черты и неизменную же, необратимую “биографию”. Такой персонаж мог выступать героем некой “истории” <...>, но эта “история” развивалась по определенной схеме и дорисовывала образ данного персонажа согласно заранее заданной матрице» [2016. С. 232]. В популярной художественной литературе именно «непредсказуемость является важнейшей составной частью и обретает эстетическую ценность. Непредсказуемость тем важнее, чем более популярным задумывается роман; и искусство романа-фельетона для масс <...> заключается не в чем ином, как в изобретательном придумывании неожиданных событий» [Там же. С. 234]. Таким образом, практика «исторической» журналистики порождает гибридную форму мифа и современного массового романа: сюжет конструируется по законам массового искусства, а персонаж закрепляется в картине мира в качестве мифологического.

В плане использования архетипов подобные публикации по своим стратегиям воздействия близки к имиджеобразующим текстам. Такого характера материалы об исторических личностях порождают в массовой культуре дискуссии и споры, формируя таким образом псевдоинтеллектуальное медийное поле, охватывающее все сферы жизни современного читателя.

Общая сема скрытой истины лежит в основе всех названий этих еженедельников: «тайны» (дважды), «секретные», «архивы» (то, что недоступно широкому читателю), «запрет». Журнал «История» сопровождает слоган «Просто узнай правду об этом мире» и ссылка на [gussian7.ru](http://gus-sian7.ru). Оппозиция *истина* / *ложь* – удачный манипулятивный прием, который позволяет продуцировать массу криптоисторических текстов, тем более, если учитывать, что материалы репрезентированы как журналистские, а следовательно, у рядового реципиента они порождают в сознании ассоциативную цепочку «автор – жизненный факт – журнально-газетный текст». И здесь, прежде всего, важна фигура автора как авторитетного носителя некой истины, обладающего правом эту истину сообщить. Это не только журналист, но и – шире – некий собирательный «эксперт», «историк», «специалист». Цель данных текстов (в основном неосознанная) – создать единообразно считываемый семиотический код в понимании исторических событий и исторических фигур. Этот семиотический код, вопреки популярному мнению, на наш взгляд, не столько преследует цель дать оценку (психологическую, историческую и т. д.) той или иной исторической личности, сколько определить ее место в иерархии узнаваемости. В журналах, ориентированных на поддержание массовых стереотипов, активно используются самые агрессивные приемы привлечения читательского внимания. Таков журнал «Запретная история» (Запретная история. 2017. № 17 (34)), название которого эксплицирует основной механизм порождения культуры – запрет. В данном контексте можно рассматривать «запрет» не только как снятие статуса тайны с исторического события, но и как снятие запрета на употребление просторечной лексики с целью деконструкции «великих имен». Установка «Запретной истории» на профанацию «великих» – основная стратегия издания. Вынесенные на первую страницу характерные заголовки: «Гениальный алкоголик композитор Мусоргский допился до чертиков», «Оседлать гения. Великий философ в сексуальном рабстве», «Иностранцы-засранцы» – и заголовки внутри журнала («Алконавт Мусоргский» на 14 странице), иллюстрации, намеренно не соответствующие историческому времени, современные коллажи в стиле аниме – журнал использует самые примитивные способы репрезентации исторической личности, ориентированные даже не на минимальный культурный уровень читателя, а на демонстративную экспликацию антиинтеллектуализма (не случайно, как можно заметить по заголовкам, интерес читателя фокусируется «конструкторами дискурсов» вокруг тем секса и алкоголя). Если учитывать, что историческая личность есть одна из форм проявления национальной идентичности и репрезентации национального мифа, то в масскультурных изданиях представлен анекдотический образ исторической фигуры, ее карнавалыный двойник. Такое положение дел естественно и обоснованно, так как и в случае с реальными личностями современности (писателями, актерами, политиками),

и в случае с историческими деятелями прошлого для успешного функционирования системы необходимо их «разностороннее присутствие в медийном пространстве» [Капцев, 2014. С. 89]. Многоликость и масочность как нельзя лучше реализуется посредством историй о разного рода авантюристах (аферистах) и мошенниках, действующих в исключительных обстоятельствах. Характерной иллюстрацией «многоликости» в этом смысле являются фигуры Фрэнка Абигнейла и Уильяма Миллигана (Архивы XX века. 2017. № 3. Август). Первый – американский мошенник, виртуозно перевоплощавшийся в представителей разных профессий, используя поддельные документы и не имея при этом никакого образования; второй – более известный человек, прославившийся благодаря уникальному психическому заболеванию, которое называют «синдромом множественной личности»: «В нем одном уживаются сразу 24 абсолютно разных человека: мужчины, женщины, дети разных возрастов...» (Архивы XX века. 2017. № 3. Август). В этом же ряду – более глобальные фигуры, ценные, прежде всего, для русского национального мифа: Троцкий, Махно, Ленин, Сталин. Как утверждает Г. Хазагеров, «национальное поле царей – это набор лекал, которым располагает нация, вычерчивая для себя образ царя, оценивая того или иного правителя как царя» [2002]. Журналистика «подбрасывает» читателю именно эти фигуры как наиболее дискуссионные, дающие возможность реализации множественности кодов. А конфликт смыслов стимулирует генерацию новых и новых медиатекстов. Поэтому семиотически продуктивным для порождения новых текстов и форм взаимодействия с читателем медийным полем продолжает оставаться так называемый советский контент. Такого характера тексты ориентированы на два типа читателя: «первичный» и «вторичный». Под «первичным» мы имеем в виду человека, родившегося в эпоху СССР, являющегося «участником» событий, семиозис которого сформирован идеологией и материальной культурой прошлой эпохи. «Вторичный» тип адресата – это тот, кто черпает представления о советском только из письменных и визуальных источников. Поэтому весьма популярны и информативны, на наш взгляд, для обоих типов читателей «музеификационные» рубрики, представляющие реципиенту фотографию предмета, сопровождаемую небольшой информацией исторического характера: видеокассеты, первый отечественный гаджет, «Ну, погоди!», блюда советской кухни и др. Таковы материалы в журнале с названием «Тайны СССР», аккумулирующим все советское. Со временем подобный контент трансформируется, развивая новые возможности собственной репрезентации, но для «первичного» читателя он ориентируется на дискурс ностальгического узнавания. В принципе, советский дискурс предоставляет нам бесконечное количество тем и их вариантов, задача журналиста – изобрести успешную «маркетинговую упаковку».

Отдельную информационную нишу занимает журнал «Дилетант», изначально рассчитанный на образованного читателя. Надо отдать должное изобретателям названия журнала, обозначившим в нем и отказ от претензий на научность, и самоироническую дистанцированность как от элитарности, так и от масскульта. Главный редактор журнала и сотрудник радиостанции «Эхо Москвы» Виталий Дымарский в одном из интервью так позиционирует издание и его название: «Здесь, по-моему, тот идеальный случай, когда творчески перерабатывается дословное значение перевода с итальянского *dilatare* (“развлечение”), и в новом качестве воплощается формула “развлекая, поучай”. История – это <...> не точная наука. Это <...> род человеческой деятельности, в основе которой лежит интерпретация фактов. Потому что одни и те же исторические факты анализируются по-разному, порой со взаимоисключающими выводами. И поэтому в нашей стране один и тот же царь становится то плохим, то хорошим, – тому добавляет дискуссионности еще и конкретная политическая конъюнктура “текущего момента” <...>. Мы хотим сделать популярным журнал, специализирующийся на истории. Можно в миллионный раз подтвердить, что $2 + 2 = 4$, а можно показать то же самое каким-то необычным, запоминающимся способом <...>. Мы не хотим истории наукообразной» (Радио «Эхо Москвы»). Но качественность издания заключается не столько в содержательности материалов, ориентированных на интеллектуального читателя, и медийной статусности авторов – писателей и художников (Дмитрий Быков, Андрей Бильжо и др.), блогеров и радиоведущих (Илья Кабанов, Евгений Бунтман и др.), сколько (и прежде всего) в композиционной выстроенности во многом по принципам художественного текста всего номера. В этом смысле структурированность «Дилетанта» отсылает к традициям русской журналистики XVIII–XIX вв. И в данном случае нельзя не вспомнить «Трутенъ» Н. Новикова

или «Современник» А. С. Пушкина, в свою очередь, производных от западноевропейской журналистики, представляющих собой специфический художественный текст, а не информационно-журналистский: «Можно утверждать, что, по сути дела, все тексты “Современника” так или иначе находятся во взаимном освещении. И это освещение вызвано не только действием закона “тесноты ряда”, ограниченного рамками журнала (в любом журнале независимо от авторского или редакторского намерений тексты будут взаимодействовать, поскольку они размещены под одной обложкой), *но явно намеренным характером их подбора и расположения*. В наиболее очевидных случаях такого подбора и расположения текстов мы имеем дело с прямым конструированием смысла по принципу передачи его от одного текста к другому» [Дарвин, 2001. С. 280]. Стратегия «конструирования смысла по принципу передачи его от одного текста к другому» так или иначе использована в создании композиции «Дилетанта».

Предваряет композиционное целое традиционно колонка редактора, в которой Виталий Дымарский говорит об опасности увлечения «эффективными менеджерами»: «С некоторых пор в пантеон вышеозначенных менеджеров активно внедряется Иван Грозный, которому упорно пытаются поменять “профессию”: мол, никакой не кровавый упырь, а истовый борец с внешними и внутренними угрозами. Короче, спаситель Отечества, достойный не просто памятника, а подражания» (Дилетант. Исторический журнал для всех. 2017. № 021. Сентябрь)¹. Если расположение публикаций альманаха «История» демонстративно упрощенное: тексты следуют друг за другом в хронологической последовательности от Рюрика до перестройки, то композиция «Дилетанта» представляет собой более сложный вариант. Во-первых, каждый номер строится вокруг фигуры какого-либо исторического деятеля, рассматриваемый нами выпуск (см. выше) посвящен Уинстону Черчиллю – представлены разнообразные по содержанию материалы и способы оформления. Во-вторых, исторические персоны, появляющиеся на страницах журнала, делятся на две четко противопоставленные группы: «либералы» – «тираны». Лагерь «либералов» представляют Сократ и Уинстон Черчилль, «тиранов» – Иван Грозный и Иосиф Сталин. Причем исторические личности внутри своей пары подобраны из разных эпох, отделенных друг от друга веками или даже тысячелетиями. Соположение различных периодов истории для демонстрации идентичности политических и социальных реалий с поправкой на особенности менталитета и материальной культуры эпохи – прием довольно распространенный в литературе. И если соотношение «Сократ – Черчилль» имплицитно и строится только, пожалуй, по принципу антитезы «жертва общества» (речь в статье идет о причинах казни философа) – «кумир общества» (удачливый триумфатор), то связь элементов пары «Грозный – Сталин» автором статьи конкретно вербализована: *его [Ивана Грозного. – М. М.] любил Сталин*. Одной из особенностей современной персониферы, в отличие от традиционного архаического мифа, является постоянная изменчивость, смещение акцентов, диффузия, мимикрия, приспособляемость к различным идеологиям и т. д. Безусловно, для русского национального мифа актуальны, особенно в последние годы, не только сами фигуры Грозного и Сталина, но и их тесная ассоциативная взаимосвязь.

Семиотическое «пересечение» персонажей происходит и на другом метатекстовом уровне: Черчилль и Сталин (со)противопоставлены в статье «В союзе с Сатаной», в которой проводится мысль о вынужденном сотрудничестве британского премьер-министра с генералиссимусом в годы войны и во многом развенчивается миф об уважительном отношении Черчилля к Сталину: «В послевоенных речах Уинстон Черчилль отзывался о Сталине преимущественно негативно. Откуда же появилось популярное заблуждение о восторженных словах про вождя, который “принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой”? На самом деле нечто подобное после смерти Сталина сказал <...> публицист Исаак Дойчер <...>. Но этого человека в Москве цитировать лишний раз не хотели. Во-первых, до войны он был ярким троцкистом, а во-вторых, в своих статьях он упорно твердил, что Сталин извратил теорию Карла Маркса. И со временем, стараниями сталинистов, популярную фразу стали вкладывать в уста Черчилля». Впрочем, вопрос о том, насколько последнее исторически истинно, малопродуктивен в семиотическом аспекте и поэтому может быть снят как несущественный:

¹ Здесь и далее цитируется указанное издание.

исследователя больше интересует нарративная ситуация, так как высказывания, как известно, можно вычленивать из контекста и скомпоновать из них необходимый «коллаж». Оригинально, на наш взгляд, решен вопрос с «презентацией» Ивана Грозного, который предстает в статье «Штурм Грозного» опосредованно, через метафоры, киноверсию и современную персонификацию. Название статьи провокационно, так как вызывает как минимум две ассоциации, причем одна из них, возникающая при первом восприятии (на это и рассчитывал автор публикации), вообще не соотносится ни с конкретной исторической фигурой, ни с эпохой, в которую жил и правил царь-тиран: Грозный – это город, штурм которого происходил уже в наше время, в конце XX столетия (возможна еще и отсылка к «кавказской» теме). Второе значение базируется на метафоре «штурм», в данном случае ее следует понимать, как «осмысление», «интерпретация» или «реинтерпретация» исторической личности режиссером фильма «Царь Иван Грозный» (1991), снятом на стыке двух эпох – советской и постсоветской, что тоже весьма символично, так как смена социально-культурной парадигмы неизбежно трансформирует персонификацию.

Тема царя и его деяний представлена в следующих друг за другом статьях «Гамлет и неврастеник» и «Государь-сыноубийца». Точнее, первая – это запись беседы Сталина, Жданова и Молотова с Сергеем Эйзенштейном и Николаем Черкасовым, как заявлено в материале (рубрика «Документ»), по поводу съемок культового фильма «Иван Грозный», а вторая опубликована под рубрикой «Версии». В первом материале обнаруживаем такие же пары, соотносимые по принципу «либералы» – «тираны», только в роли «либералов» выступают деятели искусства, а к Сталину присоединяются его одиозные наркомы и... Иван Грозный, становящийся своеобразным виртуальным двойником генералиссимуса: в «стенограмме» (записана со слов режиссера и киноактера) четко прослеживается связь советского диктатора и русского царя. Приведем несколько цитат, иллюстрирующих вербализацию фобий Сталина в восприятии им своего имперского двойника: «Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета <...>. Иван Грозный был жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким». И про «иностранное влияние» дважды: «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам <...> допустив онемечивание России». И далее: «Иван Грозный был более национальным царем <...> он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр – открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев».

Во второй статье именно нарратив, об особой роли которого говорилось выше, становится в данном случае структурообразующим принципом и механизмом объективации. В материале заявлено пять различных мнений «об одном преступлении» (сыноубийстве): с точки зрения беллетризованной истории (Н. М. Карамзин), с точки зрения авторитетных историков XIX в. С. Соловьева и В. Ключевского, с позиции стороннего наблюдателя – иностранца Антонио Поссевино (впрочем, читателю дана только констатация фактов, без интерпретации, свидетелем которых был итальянец), представлен взгляд современника событий, дьяка Ивана Тимофеева, и официальная точка зрения президента РФ Владимира Путина. Адресату такая расстановка мнений предлагает альтернативу для формирования суждения об этом историческом эпизоде, тем более что убийство царем своего сына – ситуация, во-первых, не проясненная, во-вторых, получившая широкое распространение и ставшая не столько исторической реальностью, сколько современным медиафактом. Кстати, редуцированный вариант, закрепленный в сознании массовой аудитории, в журнале эксплицирован в виде известных, узнаваемых репродукций картин Ильи Репина, Аполлинария и Виктора Васнецовых, Михаила Авилова и кадров советских экранизаций. Так на языке привычных знаков журнал коммуницирует с читателем.

Современной исторической фигурой, как это ни парадоксально, становится Сократ – самая отдаленная от нашего времени персона из всего ряда известных людей, встречающихся на страницах журнала: свержение Тридцати тиранов не решило главных проблем – «бедности и высокого уровня социальной напряженности <...>. В подобных случаях обычной реакцией общества является поиск “пятой колонны”, развращающей умы».

Главная фигура номера, как говорилось выше, – Уинстон Черчилль. Образ Черчилля представлен читателю в многочисленных ракурсах, в том числе анекдотическом. Традиционный литературный прием снижения статусности героя используется и современной журналистикой. Карнавальный вариант великого человека эксплицирован в виде карикатур, которые как политический дискурс за последние десятилетия практически исчезли со страниц изданий. Пожалуй, лучшее качество журнала «Дилетант» – его постоянное балансирование на грани серьезности и иронии. Растиражированная фотография трех лидеров антигитлеровской коалиции дана в смеховом ракурсе. Впрочем, вызывают недоумение неточности в датировках: год рождения Сталина обозначен неверно – 1878, кроме того, почему-то заявлено, что он «лидер СССР с начала 1930-х годов», а не с 1920-х.

Постоянной рубрикой «Дилетанта» является «Портретная галерея Дмитрия Быкова». В сентябрьском номере помещена статья «Писатель Черчилль», завершающая композиционное целое номера. Особое направление в литературоведении, появившееся сравнительно недавно, – не анализ текстов профессиональных создателей художественной литературы, а рассмотрение какой-либо фигуры (чаще всего политического деятеля), не имеющей непосредственного отношения именно к художественному творчеству. Начало направлению дал своей монографией «Писатель Сталин» Михаил Вайскопф [2001]. В 1990-х – 2000-х гг. появились публикации одного из авторитетных исследователей литературы соцреализма Евгения Добренко [2000], Бориса Гройса [1993]. Парадокс заключается в том, что, создавая политические тексты, Сталин, Ленин (см. Д. Быков. «Дилетант». 2017. № 3), Черчилль (Д. Быков. «Дилетант». 2017. № 9), по мнению литературоведов и журналистов, конструируют, возможно, сами того не подозревая, «уникальные» художественные тексты, специфическим образом взаимодействующие с реальностью: «Сталин писал не теоретические книги, не политические манифесты, не политэкономические исследования, не мемуары. Он писал Историю. Это писание истории было для него частью... самого *делания* Истории» [Добренко, 2000. С. 640]. И далее: «Собственно, вся сталинская культура и занималась симуляцией искусства, политики и, конечно, истории» [Там же. С. 659]. Дискурс «писатель Сталин» слишком обширен и требует отдельного рассмотрения, укажем только, что Дмитрий Быков находит достаточно продуктивную тему, дающую возможность генерировать в этом направлении сколь угодно большое количество материалов: можно создать, например, «писателя Керенского», «писателя Брежнева», «писателя Горбачева» и т. д.

Отметим, что «Дилетанту» не чужды и сугубо «глянцевые» приемы привлечения читательского внимания. В каждом номере предлагается пройти тест на сайте: «Насколько ты Уинстон Черчилль?» или «Хорошо ли ты знаешь Ленина?». Впрочем, это неизбежно и необходимо в информационной нише такого рода СМИ. Виталий Дымарский справедливо отмечает в приводимом нами выше интервью: «Мы смотрим правде в глаза – народ все более и более отказывается читать. И совсем нет ничего плохого в том, чтобы приобщать его к тексту через красочно, со вкусом выстроенный зрительный ряд» (Радио «Эхо Москвы») ².

Эксплуатация интереса адресата (пользователя) к истории воплощается в совершенно современных и модных мультимедийных формах – создании телепроектов (например, «Запретные темы истории» Андрея Склярова) или в различной компьютерной игровой или информационно-образовательной продукции, ориентированной на широкую аудиторию и принимающей вид устоявшейся системы. Впрочем, это тема отдельной статьи.

² Когда готовился этот материал, стало известно об инциденте, связанном с грубым нарушением авторских прав и журналистской этики: в сетевом ресурсе «Diletant-media» опубликована лекция публициста и юриста Александра Мареев, авторство которой присвоил себе молодой журналист. Что самое примечательное, суть этого скандала заключается не только в открытом плагиате, но и в той реакции, которая последовала от генерального директора «Дилетанта» и «Diletant-media» Елены Годлиной и редактора одноименного «бумажного» журнала Виталия Дымарского, не видящих ничего принципиально из ряда вон выходящего в нарушении авторских прав. «Масштабный скандал, уже вышедший за пределы социальных сетей», получил большую огласку и стал обсуждаться «в больших медиа» ([http:// gefter.ru/archive/24553](http://gefter.ru/archive/24553)): была высказана мысль о вольной интерпретации исторических фактов в «Дилетанте», об ориентации их не на популяризацию научного знания, а на «заигрывание» с аудиторией. При всей этической и моральной проблематичности данной ситуации, тем не менее, считаем, что утверждения, высказанные в настоящей статье, касаются общих стратегий и приемов подобного типа изданий.

Список литературы

- Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 384 с.
- Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестн. ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 91–94.
- Гекман Л. П. Персоносфера традиционной культуры: теоретико-методологический аспект. 2006. URL: lib.altstu.ru/elib/books/Files/va2006_1/pdf/074_Gekman.pdf.
- Гройс Б. Утопия и обмен (Стиль Сталин – О новом – Статьи). М.: Знак, 1993. 374 с.
- Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.
- Добренко Е. Между историей и прошлым: писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнте-ра, Е. Добренко. СПб.: Академпроект, 2000. С. 673–712.
- Зелянская Н. Л., Гавенко А. С., Белоусов К. И. Медиаобраз Иосифа Сталина как гипертекст // Вестн. ОГУ. 2009. № 11 (105). С. 73–79.
- Капцев В. А. Трансформация образа современного писателя: от общественного статуса к медийному имиджу. Минск: Изд-во БГУ, 2014. 120 с.
- Руднев В. П. Новая модель реальности / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. 224 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
- Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый Мир. 2002. № 1.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. С. Серебряного. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.

Список источников

- Архивы XX века. 2017. № 3. Август.
- Дилетант. Исторический журнал для всех. 2017. № 021. Сентябрь.
- Запретная история. 2017. № 17 (34).
- История от «Русской семерки». Альманах. 2017. № 3. Осень.
- История. 2017. № 9. Сентябрь.
- Радио «Эхо Москвы». Виталий Дымарский, главный редактор журнала «Дилетант»: «История – не точная наука». 2012. 20 апр. URL: https://echo.msk.ru/blog/prensa_echo/880739-echo/.
- Секретные архивы. 2017. № 3.
- Тайны СССР. Загадки советской истории. 2017. № 6. Сентябрь.

Материал поступил в редколлегию 05.02.2018

M. Yu. Markasov

*Novosibirsk State Pedagogical University
28/3 Vilyuyanskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

markasova85@gmail.com

HISTORICAL PERSON IN THE MODERN MASS-MEDIA. STATEMENT OF A QUESTION

The article is devoted to the consideration of strategies and ways of creating a media image of a historical personality in popular historical journals. The conclusion is drawn that historical figures not only represent interest for mass consciousness as signs of modern and past political events, but also are conditioned by the audience's need for absorption of «meanings». These images fill the media space with discourses and often become a rich material for the creation of various kinds of recreational texts. It is noted that the principle of recognizability of a historical personality plays a key

role in communication with the reader, stimulating his interest in publications and journals in general. The article refers to two types of publications: those designed for the average level of competence of the recipient and those that represent the most massive, often aggressive, social stereotypes. The author of the article builds on the concepts of «media image» and «personosphere» and treats the question of reality / virtuality and historical personalities and literary heroes from the point of view of the concept of simulacra and reality as narration. It is noted that the historical figure as such has become the object of almost all universal Russian publications, but most of the materials devoted to recognizable personalities are contained in specialized journals, and that the general sense of hidden truth underlies all the names of these weekly newspapers: «secrets», «secret», «archives», «prohibition». Opposition truth / lie is a successful manipulative technique that allows you to produce a lot of crypto-historical texts. The article concludes that, in terms of using archetypes, such publications are similar in their impact strategies to image-forming texts. This kind of material about historical personalities engender in mass culture debates and disputes, thus forming a pseudo-intellectual media field, covering all spheres of life of the modern reader. If we take into account that the historical personality is one of the forms of manifestation of national identity and the representation of the national myth, then in the mass cultural publications an anecdotal image of the historical figure, its carnival twin, is represented. Multifacetedness and masochism, as best as possible, is realized through stories about various kinds of adventurers (scams) and scammers acting in exceptional circumstances. On these themes, entire narratives are often built in the spirit of adventurous subjects. All these publications are thematically quite predictable and meet the principles of constructing a recreational text. In the body of modern materials, the author of the article identifies several thematic blocks, regularly reproduced by this kind of publications. Separately, the materials of the magazine «Amateur» are considered as the most successful project in the declared aspect. It is asserted that the quality of the publication lies in the content of the materials, the media status of the authors and in the compositional alignment according to the principles of the artistic text of the whole issue.

Keywords: media image, personosphere, media discourse, post-folklore, crypto-history, mass consciousness, myth, historical personality, semiotics.

References

Darvin M. N., Tyupa V. I. Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya [Cyclization in Pushkin's work: Experience of studying the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 293 p. (in Russ.)

Dobrenko E. Mezhdue istoriei i proshlym: pisatel' Stalin i literaturnye istoki sovetskogo istoricheskogo diskursa [Between history and the past: the writer Stalin and the literary sources of Soviet historical discourse]. *Sotsrealisticheskii kanon [Socialist Realistic Canon]*. Eds. Kh. Gunter, E. Dobrenko. St. Petersburg, Akademprom, 2000, p. 653–712. (in Russ.)

Eko Umberto. Rol' chitatel'ya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text]. Transl. by S. Serebryanny. Moscow, AST: CORPUS, 2016, 640 p. (in Russ.)

Galinskaya T. N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoi lingvistike [The concept of the media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics]. *Vestnik OGU [Bulletin of Omsk State University]*, 2013, № 11(160), p. 91–94. (in Russ.)

Gekman L. P. Personosfera traditsionnoi kul'tury: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Personosphere traditional culture: the theoretical and methodological aspect]. URL: lib.altstu.ru/elib/books/Files/va2006_1/pdf/074_Gekman.pdf. (in Russ.)

Grois Boris. Utopiya i obmen (Stil' Stalin – O novom – Stat'i) [Utopia and exchange (Style Stalin – On the new – Articles)]. Moscow, Znack, 1993, 344 p. (in Russ.)

Kaptsev V. A. Transformatsiya obraza sovremennogo pisatelya: ot obshchestvennogo statusa k mediinomu imidzhu [Transformation of the image of the modern writer: from the public status to the media image]. Minsk, BGU Press, 2014, 120 p. (in Russ.)

Khazagerov Georgii. Personosfera russkoi kul'tury [Personosphere of Russian culture]. *Novyi Mir*, 2002, № 1. (in Russ.)

- Rudnev V. P. Novaya model' real'nosti [A new model of reality]. Moscow, 2016, 224 p. (in Russ.)
- Stepanov Ya. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2001, 990 p. (in Russ.)
- Vaiskopf M. Pisatel' Stalin [Writer Stalin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 384 p. (in Russ.)
- Zelyanskaya N. L., Gavenko A. S., Belousov K. I. Mediaobraz Iosifa Stalina kak gipertekst [Media image of Joseph Stalin as a hypertext]. *Vestnik OGU* [*Bulletin of Omsk State University*], 2009, № 11 (105), p. 73–79. (in Russ.)

Sources

- Arkhivy XX veka [Archives of the XX century], 2017, № 3, August.
- Diletant. Istoricheskii zhurnal dlya vseh [Amateur. Historical Journal for All], 2017, № 021, September.
- Zapretnaya istoriya [Forbidden History], 2017, № 17 (34).
- Istoriya ot «Russkoi semerki». Almanach [History of the «Russian Seven». Almanac], 2017, № 3, Autumn.
- Istoriya [History], 2017, № 9, September.
- Radio «Ekho Moskvyy». Vitalii Dyarskii, glavnyi redactor zhurnala «Diletant»: «Istoriya – ne tochnaya nauka» [Radio «Echo of Moscow». Vitaly Dymarsky, editor-in-chief of the magazine «The Dilettante»: «History is not an exact science»], 2012, 20 April. URL: https://echo.msk.ru/blog/pressa_echo/880739-echo/.
- Sekretnye arkhivy [Secret archives], 2017, № 3.
- Tainy SSSR. Zagadki sovetskoi istorii [Secrets of the USSR. Mysteries of Soviet history]. 2017, № 6 September.

For citation:

Markasov M. Yu. Historical Person in the Modern Mass-Media. Statement of a Question. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 68–77. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-68-77

Е. А. Осиповская

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, 117198, Россия*

e.osipovskaya@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Рассматриваются некоторые аспекты современного англоязычного медиапространства в контексте виртуальной реальности. Появление такой медиаплатформы, как VR-очки, определило новый формат подачи контента, а также привело к рождению иного вида журналистики – иммерсивной. На примере материалов «The New York Times», авторы которых являются первооткрывателями данного направления, показаны преимущества виртуальных технологий и как они способствуют усилению вовлеченности пользователя в нарратив. Рассмотрены, какие новостные сюжеты являются наиболее релевантными и перспективными для данной новой среды. В то же время автор статьи обращает внимание на то, что у новой технологии существует и обратная сторона: виртуальный мир воспринимается реципиентом как аутентичная коммуникативная деятельность, в результате которой происходит подмена реальностей, формирование ложных впечатлений и воспоминаний. Кроме того, медиаспециалисты поднимают вопрос о профессионально-этических нормах журналистского поведения в данной области. Отмечается, что проекты виртуальной реальности – это не одиночный проект, а часть составного информационного продукта, трансмедийного повествования.

Ключевые слова: виртуальная реальность, виртуальные очки, иммерсивная журналистика, эффект присутствия.

Последние два года стали периодом господства виртуальных технологий. На Всемирном мобильном конгрессе основатель социальной сети Facebook Марк Цукерберг заявил, что виртуальная реальность станет новой социальной платформой, которая изменит мир [Сергина, 2016]. Сегодня все больше международных компаний направляют вектор своего развития в сторону трехмерного пространства. Facebook выпустил приложение для просмотра контента в режиме 360°, представители Apple заявили о планах добавить в iPhone 8 поддержку дополнительной реальности, а компания Google выпустила на рынок более 10 млн VR-шлемов Cardboard.

Научное сообщество также внимательно следит за развитием данного явления. Профессор факультета медиакоммуникаций в творческих индустриях Квинслендского технологического университета (Австралия) Терри Флю объясняет, что понятие «виртуальный» используется в контексте симуляционной среды или цифрового пространства и противопоставляется термину «реальный». По его мнению, данное слово применяется в рамках компьютерных игр, направленных на полное погружение игрока в иммерсивную (англ. *immersive* – создающий эффект присутствия) среду [Flew, 2014].

Виртуальную реальность (англ. *virtual reality*) часто ставят в один ряд с понятием «дополненная реальность» (англ. *augmented reality*). Однако между терминами есть существенная

разница: первый трактуется исследователями как созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через различные органы чувств, а второй является результатом введения в поле восприятия человека визуальных данных с целью расширения сведений об окружающем мире. Иными словами, VR – это полностью искусственное пространство, а AR – комбинация бутафорских и подлинных объектов действительности.

Примером использования технологий дополнительной реальности в СМИ является майская обложка журнала «The New Yorker», вышедшего в 2016 г. [Mouly, Kaneko, 2016]. Для погружения в трехмерный мир создатели разработали специальное приложение Unscovr, которое устанавливается на планшет или айфон. Достаточно поднести устройство к обложке бумажной версии издания и Манхэттен оживает. Между небоскребами мелькают поезда и проносятся машины, горожане бегут по делам, в спешке впрыгивая в вагон метро. При этом одну и ту же сцену можно наблюдать с различных ракурсов в зависимости от того, какую часть обложки – лицевую или заднюю – рассматривает читатель. Для издания это был первый опыт применения подобных технологий. Редакция мотивировала свой подход тем, что номер журнала посвящен инновациям, а трехмерные интерактивные иллюстрации, символизирующие новый уровень сторителлинга, являются лучшим способом визуализации прогресса.

Что касается сферы применения виртуальной реальности, то она не ограничивается лишь видеоиграми. Одной из перспективных областей в этом отношении является журналистика. В сентябре 2014 г. американская газета «Des Moines Register» выпустила первый репортаж с использованием трехмерной графики, посвященный современным технологиям ведения фермерского хозяйства. Далее этот новый формат подачи контента стала применять газета «The New York Times» (NYT). На главной странице ее сайта был размещен виджет (англ. widget – графический модуль, небольшая программа для быстрого доступа к часто используемой информации), посвященный новостям, созданным с использованием виртуальных технологий. Более того, издание разработало приложение NYT VR (New York Times Virtual Reality), которое позволяет смотреть новостной материал в формате панорамного видео с полным круговым обзором, вызывая тем самым у пользователя ощущение присутствия в кадре. Также стало известно о коллаборации газеты «The Guardian» и компании «Google», которые договорились выпустить шесть проектов виртуальной реальности. Пробой пера стал материал «Подземный мир» («Underworld») [2016], в котором зрителям предоставляется возможность исследовать потаенные уголки лабиринтов лондонских коллекторов викторианской эпохи. В российском же медиапространстве первенство в разработке мобильного приложения с видео в формате 360 градусов принадлежит телеканалу «Russia Today».

Кроме того, известно, что американский фонд «Knight Foundation», занимающийся поддержкой инноваций в медиа, совместно с Google News Lab и Online News Association основали проект «Журналистика 360», главной целью которого является развитие международной сети специалистов, занятых в сфере производства контента для иммерсивной среды.

Вследствие стремительного развития данных проектов специалисты в области коммуникативистики выделили новый тип журналистики – иммерсивный, или журналистики с эффектом присутствия. Научное сообщество осознало, что эта сфера коммуникаций требует от работников медиаиндустрии принципиально иного типа мышления и набора компетенций. В результате в 2016 г. в Университете Стэнфорда был впервые открыт специализированный курс по этому направлению [Parker, 2016], где сейчас будущие медиаспециалисты изучают базовые принципы работы с виртуальной реальностью, ее историю, перспективы дальнейшего развития. Их учат пошагово проходить весь цикл разработки проекта, анимировать 3D-объекты, создавать VR-интерфейсы и 360-фотосферы, разбираться в тонкостях VR-шлемов и в их устройстве.

Появление таких информационных продуктов, позволяющих принимать информацию сразу через несколько сенсорных каналов, вывело интеракцию пользователя с контентом на качественно новый уровень. В своем исследовании мы попытались определить, какие сюжеты чаще всего применяются для производства мультимедийного контента на платформе виртуальной реальности. В качестве эмпирического материала были использованы мультимедийные проекты «The New York Times» и «The Guardian». В рамках сплошной выборки мы

проанализировали все проекты (52) двух источников, вышедшие в период с августа 2016 по март 2017 г.

Один из материалов NYT, созданный с применением технологий виртуальной реальности, посвящен антитеррористической операции в городе Эль-Фаллуджа [Denton, 2017]. Он усиливает вовлеченность реципиента, поскольку сенсорная информация дополняет повествование, у пользователя создается иллюзия реального участия в перестрелке иракской армии с боевиками ИГИЛ, и зритель может в подробностях рассмотреть условия жизни беженцев в пригороде Багдада. Все эти детали окружающей среды: звуки, сковывающий тело страх невозможно передать через газетный текст. Только виртуальное пространство создает высокую степень социального присутствия, когда автор материала может задействовать всевозможные типы сигналов.

Исследователи из Стэнфордского университета проверили потенциал виртуальной реальности на предмет ее «насыщенности» как медиа и способности вызывать настоящие, естественные ощущения. В исследовании принимали участие ученики младших классов, которые плавали с китами в виртуальном океане. Результаты показали, что через пять дней после эксперимента дети все чаще вспоминали свой опыт общения с морскими млекопитающими как реальность. Таким образом, формирование ложных воспоминаний является мощнейшим ресурсом виртуальной среды, которая воспринимается пользователем как аутентичный осязаемый мир.

В это же время в 2016 г. ученые Стэнфордского университета выпустили руководство по использованию виртуальной среды в журналистской деятельности «Journalism Program's guide to using virtual reality for storytelling – dos & don'ts» [Migielicz, Zacharia, 2016], в котором утверждали, что вопрос о применении традиционной журналистской видеотехники в этом пространстве является крайне спорным как с точки зрения этики, так и с позиции нарратива.

Виртуальное пространство, обладающее суггестивным характером, в руках журналиста может стать средством манипуляции информацией. Он сам конструирует траекторию «потребления» истории, ставит сцены и акценты, пишет музыкальные темы. В связи с этим встает важный для журналистики вопрос: насколько аутентичной должна быть виртуальная история? Этично ли наводить фокус только на самые впечатляющие моменты?

Авторы материала также анализировали, что на самом деле дает виртуальный мир человеку – вызывает эмпатию по отношению к героям событий или лишь удовлетворяет его склонность к развлечениям. Но в одном они были уверены точно: эта среда предлагает аудитории такие переживания, которые для нее недоступны с точки зрения пространственно-временного нахождения. К такому опыту можно отнести жизнь в японской префектуре Фукусима после аварии на АЭС [Shastri et al., 2017], в лагере беженцев в Южном Судане [Silverstein, 2016] или прогулку по улицам Парижа сразу после террористического акта, произошедшего 13 ноября 2015 года [Solomon, Davis, 2015].

Однако подавляющее большинство новостных сюжетов не подходит для новой среды, как утверждает Джереми Байленсон, основатель Лаборатории виртуальных межличностных коммуникаций Стэнфорда (Virtual Human Interaction Lab). Если это политические дебаты и все действие разворачивается в центре и во фронтальной зоне, то здесь нет необходимости в сферической съемке. Ее следует использовать для историй, глубинное понимание которых действительно требует помещения зрителя в эпицентр событий с возможностью панорамного обзора, или когда требуется показать места, которые недоступны с точки зрения их географического расположения [Migielicz, Zacharia, 2016].

В этой связи специалисты Стэнфордского университета предлагают ряд рекомендаций по грамотному производству контента для виртуальной среды. Во-первых, они считают, что хронометраж подобных проектов не должен превышать четырех-пяти минут, так как зритель быстро теряет фокус внимания. Во-вторых, эти материалы не следует создавать как изолированный, самостоятельный продукт, так как они скорее являются надстройкой и привносят дополнительную ценность в другие форматы подачи контента. Преимущество съемки событий по технологии виртуальной реальности заключается в том, что при повторном просмотре зрители заново открывают малейшие штрихи и детали происходящего, упущенные ранее.

Одним из перспективных направлений в этой области могла бы стать реконструкция исторических событий, которая позволила бы провести более качественный анализ.

Еще одна область применения технологий с эффектом присутствия – экранизация литературного произведения. Первооткрывателем этого жанра является газета NYT, которая перенесла часть романа Берни Сондерса «Линкольн в Бардо» [Sack, 2017] («Lincoln in the Bardo») в мир виртуальной реальности. Чтобы не нарушать авторские права на книгу, создатели проекта классифицировали его не как адаптацию, а как вспомогательный элемент истории. Данный подход к производству информационного продукта можно аттестовать как трансмедийный сторителлинг (англ. transmedia storytelling) – процесс, при котором отдельные фрагменты истории подаются пользователям через различные платформы с целью создания единого монолитного произведения.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что наиболее часто используемым VR-контентом являются сюжеты, связанные с реконструкцией исторических событий, экранизацией литературных произведений, или новостные материалы, требующие социального присутствия. Описанные сюжеты действительно требуют максимального погружения аудитории в контекст и содержание истории и дают зрителю возможность переживать по-настоящему сильный эмоциональный опыт. Применение же звуковых, визуальных сигналов и 3D-эффектов в рядовых новостных событиях является нецелесообразным.

К сожалению, следует констатировать, что производство подобных проектов не является потоковым процессом, а предполагает существенные кадровые, финансовые и временные затраты. Например, только стоимость очков, варьируется от 115 до 800 евро. Иммерсивная журналистика расширяет возможности чувственного восприятия действительности. Однако мы полагаем, что в обозримом будущем большинство таких работ будет лишь дополнять другие форматы подачи контента, а не заменять их. Хотя потенциальная возможность воздействия на аудиторию такими способами, которые невозможны другими средствами, весьма заманчива.

Список литературы

Серьгина Е. Наступивший 2016 год может пройти под знаком виртуальной реальности // Ведомости. 2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/02/29/631752-nastupivshii-2016-god-mozhet-proiti-pod-znakom-virtualnoi-realnosti#/galleries/140737488863624/normal/1> (дата обращения 05.04.2017).

Parker Clifton B. Virtual reality's future in journalism // Stanford News. 2016. URL: <http://news.stanford.edu/thedish/2016/08/29/virtual-realitys-future-in-journalism/> (дата обращения 04.02.2017).

Denton B. The Fight For Falluja // The New York Times. 2017. URL: http://www.nytimes.com/interactive/2016/08/14/magazine/fight-for-falluja-vr.html?_r=0 (дата обращения 06.04.2017).

Flew T. New Media: An Introduction. 4th ed. Oxford: University Press, 2014.

Migielicz G., Zacharia J. Stanford Journalism Program's guide to using virtual reality for storytelling – dos & don'ts // Stanford Journalism. 2016. URL: <http://journalism.stanford.edu/news-stanford-vr-journalism-guide-virtual-reality/> (дата обращения 03.04.2017).

Mouly F., Kaneko M. Cover Story: Christoph Niemann's «On the Go» // The New Yorker. 2016. URL: <http://www.newyorker.com/culture/culture-desk/cover-story-2016-05-16> (дата обращения 24.05.2017).

Sack G. Lincoln in the Bardo // The New York Times. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/video/magazine/100000004919906/lincoln-in-the-bardo.html> (дата обращения 12.04.2017).

Shastri V., Rich M., Thomas J. Fukushima, 6 Years On: Empty and Eerie // The New York Times. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/video/world/asia/100000004966193/fukushima-6-years-on-empty-and-eerie.html> (дата обращения 08.04.2017).

Silverstein J. Displaced: introduction // The New York Times. 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2015/11/08/magazine/the-displaced-introduction.html> (дата обращения 06.02.2017).

Solomon B., Davis L. Finding Hope in the Vigils of Paris: A Virtual Reality Film // The New York Times. 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/11/21/world/europe/finding-hope-in-the>

vigils-of-paris.html?action=click&contentCollection=Europe&module=RelatedCoverage& region=End OfArticle& pgtype=article (дата обращения 20.04.2017).

Underworld // The Guardian. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/technology/ng-inter-active/2016/nov/10/virtual-reality-by-the-guardian> (дата обращения 06.04.2017).

Материал поступил в редколлегию 10.05.2017

E. A. Osipovskaya

*RUDN University
10/2 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation*

e.osipovskaya@gmail.com

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES AS A NEW TOOLKIT OF JOURNALISM

The article examines some aspects of contemporary English-speaking media space in the context of virtual reality (VR). The emergence of such media platform as VR headsets has led to new forms of delivering news and formation of immersive journalism. The purpose of the article is to examine the benefits of virtual technologies and their contribution to user involvement in narrative. Also to study the most relevant and prospective news stories for such new media space. And to scrutinize the potential problems journalists encounter during their work in virtual reality. The New York Times and The Guardian are one of the first major media brands to put in practice VR and 360 videos as a new storytelling platform. The vast majority of news stories are not suited for VR. It should be used to amplify stories that are suited to its strong point – putting a viewer in the scene. Places that are hard to get to or where people are scarcely likely to travel or where turning head side-to-side is indispensable. There is no point in using spherical video if all the action is front and centre as it occurs in political debate. The benefit of shooting events in virtual reality is that it allows audience to rediscover new elements each time they watch it that they may have put out of account before. One potential future area could be to capture historical events so that we can do comprehensive analysis in the future tense. VR presents opportunities, but also brings up serious ethical dilemmas about representation, privacy, intellectual property and media effects. VR journalists may manipulate the viewer by designing virtual worlds for specific deliberate outcome. The second issue is cost and complexity of producing VR media. The post-production step for stitching is incredibly time-consuming and laborious. The slowest step in the spherical-video workflow is stitching together the files from multiple cameras. Virtual reality has the potential to reinforce storytelling by offering the audience experience and environment that are out of reach in terms of location: life in a refugee camp or in Fukushima after a devastating earthquake and tsunami caused a meltdown at a nuclear power plant, or travelling to Paris after the terrorist attacks that occurred on Friday 13 November 2015. But we have to draw attention to the other side of new digital technologies when users perceive virtual objects as authentic physical space, which leads to false impressions and memories. It is also worth mentioning that virtual reality project is not a separate single story, but a part of complex narratives that are conveyed across multiple platforms which can be classified as transmedia storytelling.

Keywords: virtual reality, VR headsets, immersive journalism, presence effect.

References

Sergina E. Nastupivshiy 2016 god mozhet proyti pod znakom virtual'noy real'nosti [The predominate feature of the 2016 year could be virtual reality]. *Vedomosti*. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/02/29/631752-nastupivshii-2016-god-mozhet-proiti-pod-znakom-virtualnoi-realnosti#/galleries/140737488863624/normal/1> (Date of access: 05.04.2017). (in Russ.)

Clifton B. Parker. Virtual reality's future in journalism. *Stanford News*. URL: <http://news.stanford.edu/thedish/2016/08/29/virtual-realitys-future-in-journalism/> (Date of access: 04.02.2017).

Daft R. L., Lengel R. H. (1986). Organizational information requirements, media richness and structural design. *Management Science*, 32(5), p. 554–571.

Denton B. The Fight For Falluja. *The New York Times*. Available at: http://www.nytimes.com/interactive/2016/08/14/magazine/fight-for-falluja-vr.html?_r=0 (Date of access: 06.04.2017).

Flew T. New Media: an introduction. 4th ed. Oxford, University Press, 2014.

Migielicz G., Zacharia J. Stanford Journalism Program's guide to using virtual reality for storytelling – dos & don'ts. *Stanford Journalism*. Available at: <http://journalism.stanford.edu/news-stanford-vr-journalism-guide-virtual-reality/> (Date of access: 03.04.2017).

Sack G. Lincoln in the Bardo. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/video/magazine/100000004919906/lincoln-in-the-bardo.html> (Date of access: 12.04.2017).

Shastri V., Rich M., Thomas J. Fukushima, 6 Years On: Empty and Eerie. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/video/world/asia/100000004966193/fukushima-6-years-on-empty-and-eerie.html> (Date of access: 08.04.2017).

Silverstein J. Displaced: introduction. *The New York Times*. Available at: <http://www.nytimes.com/2015/11/08/magazine/the-displaced-introduction.html> (Date of access: 06.02.2017).

Solomon B., Davis L. Finding Hope in the Vigils of Paris: A Virtual Reality Film. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/11/21/world/europe/finding-hope-in-the-vigils-of-paris.html?action=click&contentCollection=Europe&module=RelatedCoverage®ion=EndOfArticle&pgtype=article> (Date of access: 20.04.2017).

Underworld. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/ng-interactive/2016/nov/10/virtual-reality-by-the-guardian> (Date of access: 06.04.2017).

For citation:

Osipovskaya E. A. Virtual Reality Technologies as a New Toolkit of Journalism. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 78–83. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-78-83

Ю. С. Позднякова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

mostovichka@gmail.com

СИБИРСКИЕ УЧЕНЫЕ В ТЕКСТАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ, ПЕЧАТНЫХ СМИ И ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ В 2017 ГОДУ

Рассматривается, как средствами массовой информации презентуются «сибирские ученые» – исследователи институтов СО РАН, подведомственных ФАНО. В рамках работы проанализировано 120 текстов, опубликованных в 2017 г. и релевантных запросу «Сибирское отделение Российской академии наук», выявлены наиболее часто встречающиеся темы публикаций, употребляемые в них слова, а также упоминания отдельных личностей. Данные показали: публикации соответствуют темам – безопасность (включая экологию), медицина и научная политика. Наиболее часто встречаемые в текстах слова: «РАН», «ученый», «институт», «Россия», «российский», «наука», «мир», «научный», «сибирский» и «новосибирский». Из понятий, относящихся непосредственно к предметам исследования, в семантическом облаке преобладают «материал», «картофель», «препарат», «растение», «выборы», «нерпы», «болезнь», «рак», «Байкал». Среди персон необходимо выделить М. А. Лаврентьева, Д. К. Беляева, В. Н. Пармона и С. В. Алексеенко. При этом влияние на все три параметра оказали выборы руководства РАН, перенесенные с марта на сентябрь 2017 г.

Ключевые слова: сибирские ученые, научная коммуникация, научная журналистика.

Сибирское отделение Российской академии наук до реформы 2013 г. было самым крупным региональным отделением РАН, включавшим в себя институты, расположенные на территории Сибирского федерального округа и прилегающих территориях. Научные публикации этого сообщества составляют весомый вклад в общую совокупность научных статей российских ученых, именно поэтому нам стало интересно посмотреть, какой представлена эта региональная группа исследователей в текстовых средствах массовой информации. «Систематические исследования, базирующиеся на количественном и качественном анализе материалов различных СМИ, представляют собой один из эффективных инструментов определения проблемных зон и перспективных точек роста научных коммуникаций в России» [Емельянова, Омелаенко, 2015. С. 142]. Здесь, однако, следует заметить, что не все научные исследования и публикации находят отражение в средствах массовой информации, поэтому нужно учитывать, что образ, формируемый в СМИ, а также процентное соотношение представленных тематик работ не соответствует объему научных исследований, проводимых по тем же темам [Suleski, Ibaraki, 2010].

Количество публикаций о сибирских ученых постоянно растет: 2015 г. – 22 882, 2016 г. – 26 663, 2017 г. – 35 613 (данные мониторинговой системы «Медиалогия» и аналитических отчетов Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН). Это объясняется двумя тенденциями – ростом запроса на научную информацию со стороны общества

Позднякова Ю. С. Сибирские ученые в текстах информационных агентств, печатных СМИ и интернет-изданий в 2017 году // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 84–88.

и ростом количества СМИ, специализирующихся на научно-популярных материалах¹. При этом с 2013 по 2017 г. общее количество публикаций, посвященных темам образования и науки, увеличилось на 24 %². В 2015 г. ВЦИОМ провел опрос о роли науки в жизни общества: 62 % россиян считают, что научные знания помогают совершать полезные открытия, а 42 % опрошенных думают, что работа ученых – напряженный труд. Проведенный годом ранее опрос о том, как нужно реформировать российскую науку, показал, что 78 % жителей РФ считают развитую науку необходимым условием благополучия страны в современном мире. При этом при упоминании Российской академии наук 17 % вспоминают в первую очередь об ученых, затем идут нематериальные активы: исследования, разработки, открытия, новые технологии.

Понятие «образ» в повседневной речи трактуется как отражение явлений, понятий или людей в сознании человека, однако в то же время это понятие применяется и к отражениям, полученным в результате создания тем или иным индивидом или совокупностью индивидов продукта для широкой аудитории. Например, мы можем говорить об образе ученого в кино [Зудина, 2011] или определенном издании [Медведева, 2013]. Образ позволяет «переводить непознанное в узнаваемое через символы и ассоциации, которые воплощают уже сложившееся знание или создают знание нового качества на основе сочетания известных форм» [Семененко, 2007]. Поскольку в своем исследовании мы рассмотрели информационные сообщения, то палитра составляющих образа сибирского ученого была достаточно скудна. В первую очередь нас интересовала тематическая компонента, региональная принадлежность (внутри Сибирского региона), общий список наиболее употребительных слов, акцентирование отдельных проектов и пр. Исследование носило исключительно практический характер – планируется использовать его результаты для формирования целей и задач Управления по пропаганде и популяризации научных достижений СО РАН в 2018 г. и далее. Семантическое облако выбранных текстов формировалось на основе анализа часто встречаемых слов.

В рамках исследования мы проанализировали 120 текстов, релевантных запросу «Сибирское отделение Российской академии наук» (включая сокращенные варианты «Сибирское отделение РАН», «СО РАН» и падежные формы), которые имеют максимальную цитируемость в СМИ, тексты были выбраны по данным системы мониторинга «Медиалогия» и аналитических отчетов ГПНТБ СО РАН. «Медиалогия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа. Система состоит из двух основных частей: базы данных (около 40 000 источников) и аналитического модуля. Система позволяет формировать подборки публикаций в СМИ по определенному объекту (в нашем случае СО РАН), задавать временной период поиска, а также осуществлять ряд аналитических процедур. Более 90 % публикаций представляют собой материалы информационных агентств РИА «Новости» (20 %) и ТАСС (70 %). Целью данного исследования было выявить семантические составляющие образа «сибирского ученого» в средствах массовой информации: определить, какие тематики используются наиболее часто, можно ли выделить отдельные научные проекты и личности.

Нами были получены следующие результаты. Наибольшее количество текстов посвящено темам: безопасность (включая экологическую) – 29, медицина – 27, научная политика – 23. При этом из 23 сообщений пять посвящено выборам в СО РАН и РАН. В то же время среди наиболее заметных информационных поводов, связанных с РАН, можно выделить: «выборы руководства, признание гомеопатии лженаукой, новостную повестку, связанную с Роснано, новости, связанные с администрированием науки» (данные за май 2015 – май 2017 г.)³. Несмотря на то что среди новостей о сибирских ученых сообщения, относящиеся к темам выборов и администрирования наукой имеют весомую долю, наибольшее количество текстов относится к темам медицинских исследований (в частности неоднократно упоминаются раз-

¹ Динамика развития отрасли научных коммуникаций в России. Результаты исследования РБК и коммуникационной компании SPN Communications. URL: <http://comlabrussia.ru/library/aktualnoe-sostoyanie-nauchnykh-kommunikatsiy-v-rossii/> (дата обращения 15.10.2017).

² Динамика развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг. Результаты исследования Коммуникационной лаборатории и Университета ИТМО. URL: <http://comlabrussia.ru/library/aktualnoe-sostoyanie-nauchnykh-kommunikatsiy-v-rossii/> (дата обращения 15.01.2018).

³ Там же. С. 130.

личные разработки для диагностики и лечения разных типов рака) и безопасности (например, разработки более усовершенствованного авиадвигателя или экологическая ситуация с озером Байкал: риски, обозначение проблемы, исследования). Особняком стоят три информационных повода, связанных с криминальными новостями: взлом хакером сайтов институтов СО РАН, подведомственных ФАНО (январь), похищенный и найденный в Казахстане инженер-физик (март), отправка экс-директора Геофизической службы СО РАН в колонию (май).

Три темы с максимальным количеством перепечаток выглядят следующим образом: 1) на Байкале выясняют причину гибели нерпы (345); 2) Евразия через 20 миллионов лет может расколоться по Байкалу (271); 3) академик Пармон возглавит Сибирское отделение РАН (108). В то же время самые заметные новости по запросу «научно-исследовательский институт / НИИ» или «Российская академия наук / РАН» включают в себя темы выборов и гомеопатии: «Гомеопатия – лженаука» (752); «Чисто академический перенос» (703); «В числе избранных в октябре членов РАН 14 представителей власти» (567)⁴. Таким образом, несмотря на то что тема выборов также выделяется среди других тем о СО РАН, наибольшее количество перепечаток все же имеют сообщения, относящиеся непосредственно к научной деятельности, т. е. к проведению исследований. В первом случае это исследование планируется, во втором – излагаются выводы проведенной работы.

Наиболее часто встречаемые в текстах, попавших в выборку, понятия: «РАН», «ученый», «институт», «Россия», «российский», «наука», «мир», «научный», «сибирский» и «новосибирский». Весьма заметна географическая компонента – определение принадлежности ученых к стране («Россия», «российский») и к регионам («сибирский», «новосибирский»). Кстати, существительное «Сибирь» встречается в два раза реже, чем прилагательное «сибирский». В меньшей степени встречаются еще три региона: «омский», «красноярский», «томский». Упоминаемость отдельных регионов прямо коррелирует с количеством научных институтов, расположенных в них: чем больше институтов, тем чаще встречается этот регион в текстах сообщений СМИ. Интересно также и то, что в текстах указываются обе географические привязки: к стране и к отдельной области, краю. В ходе практической работы по подготовке и распространению текстов у нас возникла гипотеза: в процессе тиражирования новости характеристика географической привязки исследования может меняться от региональной (сибирский, новосибирский) к федеральной (российский). Вероятно, это связано с тем, что федеральные СМИ стремятся сохранить при публикации баланс сообщений о зарубежных и российских ученых, в то время как Сибирское отделение является одним из крупных производителей самостоятельно созданного контента (тексты пресс-релизов СО РАН и отдельных НИИ, корпоративное издание «Наука в Сибири»). Таким образом, при перепечатке материалов сибирские ученые превращаются в российских. Необходимо отметить, что в отчете РВК за 2016–2017 гг. был проведен анализ в новостных сообщениях с упоминанием НИИ биграмм (словосочетаний из двух слов) и триграмм (словосочетаний из трех слов). По данным отчета, словосочетания «СО РАН», «новосибирские физики», «томские ученые» и «сибирские физики» входят в первые 15 наиболее частотных биграмм, а словосочетания «сибирские ученые создали», «новосибирские ученые разработали», «сибирские ученые нашли», «в СО РАН» – в 15 наиболее частотных триграмм. По мнению исследователей, это позволяет «судить об устойчивой идентичности в СМИ ученых, представляющих это отделение»⁵.

Что касается присутствия деятеля в контексте науки, то превалирует слово «ученый», другие обозначения («сотрудник», «научный сотрудник») встречаются реже. Также редко дается оценка месту деятеля в научном сообществе: «молодой ученый», «академик». Среди персон, попавших в наиболее часто цитируемые публикации, необходимо выделить М. А. Лаврентьева, Д. К. Беляева, В. Н. Пармона и С. В. Алексеенко. Несмотря на максимальную популярность новости с упоминанием президента страны, его имя не представлено в семантическом облаке из наиболее часто упоминаемых слов. Пик упоминаний академика Лаврентьева связан с празднованием 60-летия СО РАН в мае 2017 г. Материалы, посвященные академику Беляеву, также выходили в рамках празднования его юбилея и были приуро-

⁴ Динамика развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг. С. 132.

⁵ Там же. С. 104.

чены к ряду мероприятий, проведенных ФИЦ ИЦИГ СО РАН: установка памятника, пресс-тур в экспериментальное хозяйство, где проходит эксперимент по доместикации и др. Академики Пармон и Алексеенко упоминаются в связи с выборами председателя СО РАН, при этом пик материалов с участием С. В. Алексеенко приходится на несостоявшиеся в марте 2017 г. выборы, тогда как публикации с упоминанием В. Н. Пармона характерны для сентября-ноября 2017 г.

Из слов, относящихся непосредственно к предметам исследования, в семантическом облаке встречаются «материал», «картофель», «препарат», «растение», «выборы», «нерпы», «болезнь», «рак», «Байкал». Как можно заметить, этот список коррелирует с наиболее часто встречаемыми темами, а представленные понятия связаны с научной деятельностью и научными разработками.

Таким образом, следует отметить, что публикации о Сибирском отделении РАН в СМИ в основном связаны с научными исследованиями, хотя доля сообщений, относящихся к темам администрирования науки, также высока. Это, вероятнее всего, связано с тем, что в 2017 г. проходили выборы руководства Академии и ее отделений, которые переносились с первого полугодия на второе. Однако в сообщениях не выделяются отдельные крупные научные проекты, как, например, Спектр-РГ⁶, если обратиться к публикациям о совокупности текстов о российских ученых. Отдельные персоны, упоминаемые в контексте таких сообщений, относятся либо к историческим фигурам (как основатель СО РАН М. А. Лаврентьев), либо к ученым, занимающимся административной работой и известным в этом качестве.

Список литературы

Емельянова Н. Н., Омелаенко В. В. Социально-политическое измерение науки и техники // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, № 2. С. 142–163.

Зудина А. Н. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 167–176.

Медведева С. В. Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН» // Вестн. МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 171–179.

Семененко И. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. С. 51–57.

Suleski J., Ibaraki M. Scientists are talking, but mostly to each other: a quantitative analysis of research represented in mass media // Public Understanding of Science. 2010. Vol. 19, iss. 1. P. 115–125.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2018

Yu. S. Pozdnyakova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

mostovichka@gmail.com

SIBERIAN SCIENTISTS IN TEXTS OF NEWS AGENCIES, PRINT MEDIA AND ONLINE MEDIA IN 2017

The article investigates the figure of Siberian scientist. Siberian scientist is a researcher of one of the institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), subordinate to the Federal agency of scientific organizations. Before the reform of Russian Academy of sciences SB RAS was the largest regional branch of the Academy. It included researching institutes located on the territory of the Siberian Federal District and adjacent territories. Scientific publications of this community make a significant contribution to the overall set of scientific articles of Russian

⁶ Динамика развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг. С. 135.

scientists. Because of it we were interested in studying the figure of Siberian scientist. However, it should be noted that not all scientific research and publications are reflected in the mass media. So the part of the topics in mass media does not correspond to the volume of scientific research of the same topics. We analyzed 120 texts published in 2017 and relevant to the request «The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences» (in different cases and form). The purpose of this study was to identify the semantic components of the image of «Siberian scientist» in the mass media texts (topics, science fields, and scientists). The data showed that the most often topics were safety (including ecology), medicine and management in science. This is due to the fact that in 2017 was the election of the Academy's leadership and its branches, which were also transferred from the first half of the year to the second. The most common words are: «RAS (Russian Academy of sciences)», «scientist», «institute», «Russia», «Russian», «science», «world», «scientific», «Siberian» and «Novosibirsk». The number of texts about regions directly correlates with the number of scientific institutions in this location. It is also interesting that in texts it is often indicated both geographic references: to the country and to a region. Words related to the fields of the research were «material», «potato», «preparation», «plant», «elections», «seals», «disease», «cancer», «Baikal». The most popular persons were Mikhail Lavrent'ev, Dmitry Belyaev, Valentin Parmon and Sergey Alekseenko. Two of them are historical figures and two of them are better known for their achievements in administrative work, although their scientific results are also great.

Keywords: siberian scientists, scientific communication, scientific journalism.

References

Emelyanova N. N., Omeelaenko V. V. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie nauki i tehniki [Socio-political dimension of science and technology]. *Filosofiya nauki i tehniki [Philosophy of Science and Technology]*, 2015, vol. 20. no. 2, p. 142–163. (in Russ.)

Medvedeva S. V. Uchenie ob uchenykh: popytka rekonstruktsii obraza rossiiskogo uchenogo po materialam «Vestnika RAN» [Scientists about scientists: an attempt to reconstruct the image of a Russian scientist on the basis of the materials of the «Bulletin of the RAS»]. *Vestnik MGIMO [Bulletin of the University of Moscow State Institute of International Relations]*, 2013, no. 1 (28), p. 171–179. (in Russ.)

Semenenko I. Kultura, obshchestvo i obraz Rossii [Culture, society and the image of Russia]. *Neprikosnovennii zapas [Inviolable stock]*, 2007, no. 1, p. 51–57. (in Russ.)

Suleski J., Ibaraki M. Scientists are talking, but mostly to each other: a quantitative analysis of research represented in mass media. *Public Understanding of Science*, 2010, vol. 19, issue 1, p. 115–125.

Zudina A. N. Nauka i obraz uchenogo v sovetskom kino (1928–1986 gody) [Science and the image of a scientist in Soviet cinema (1928–1986)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, 2011, no. 5, p. 167–176. (in Russ.)

For citation:

Pozdnyakova Yu. S. Siberian Scientists in Texts of News Agencies, Print Media and Online Media in 2017. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 84–88. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-84-88

УДК 004.738.5:655.41 + 070.431 + 81'37
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96

И. В. Высоцкая¹, П. Н. Кочетков²

¹ *Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Арзамасский филиал Нижегородского национального исследовательского
государственного университета
ул. К. Маркса, 36, Арзамас, 607220*

vysotskya@mail.ru, pkochetkov@yandex.ru

ЗАГОЛОВОК ИНТЕРНЕТ-НОВОСТИ КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ

Изменения, происходящие в современном медиапространстве, сохраняют актуальность проблемы изучения заголовков новостей в интернет-СМИ. Тенденция последних лет к «роботизации» журналистики проявляется в технологизации процесса агрегации новостей и создания простейших текстов. Анализ подборки новостей «Яндекс» позволяет сопоставить сходные заголовки новостных материалов и выявить языковые средства их создания, по-разному интерпретирующие новостной повод и обладающие разным манипулятивным потенциалом. В заголовке интернет-новости воплощается исходная когнитивная модель ситуации. Событие может быть репрезентировано через упоминание его участников, производимых ими действий, объекта действия, отдельных его обстоятельств. Эти признаки (эксплицированные или конвенциональные), обладающие конкретными значениями, образуют фрейм. Акценты в содержании фрейма позволяют актуализировать разные аспекты события.

Ключевые слова: заголовок, когнитивная модель ситуации, фрейм, предметоцентричный заголовок, акционный заголовок.

Структура, семантика и прагматика заголовков новостей в СМИ так часто привлекали исследователей, что степень изученности можно было бы охарактеризовать как *pes plus ultra*. Однако изменения, происходящие в современном медиапространстве, сохраняют актуальность этой проблемы. Ранее мы отмечали перспективность описания языковых средств формирования «предполагаемого значения» [Кочетков, 2015] и интерпретации новостного повода [Высоцкая, 2017] в заголовках интернет-новостей. Обратимся к этим вопросам в рамках настоящей статьи.

Мысль о том, что современная журналистика служит средством специфической репрезентации действительности [Лозовский, 2006], средством манипуляции общественным сознанием и, шире, средством моделирования и перемоделирования картины мира, разделяется многими исследователями.

В профессиональном журналистском сообществе отмечена тенденция последних лет к «роботизации» журналистики, в частности это проявляется в технологизации процесса агрегации новостей и создания простейших текстов. Интернет-пространство позволяет интегрировать новости разных СМИ в единое информационное поле.

Известно, что важнейшим компонентом картины мира является когнитивная модель ситуации. Именно она воплощается в заголовке интернет-новости, который, собственно,

Высоцкая И. В., Кочетков П. Н. Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 89–96.

представляет собой не только ее анонс, но и квинтэссенцию. Заголовки новостей стали новой (если не самостоятельной, то достаточно «эмансипированной») медийной формой, совмещающей информативную и рекламную функции. Известно, что до конца текст новостного сообщения дочитывают далеко не все. Новостной текст строится по принципу «перевернутой пирамиды», когда первоначально сообщается самое главное, а потом только добавляются подробности. Важно, однако, что, знакомясь только с заголовками новостей, читатель получает представление об информационной «повестке дня», поэтому значение заголовка новости (особенно в сети Интернет с его гипертекстовой организацией) только возрастает. Известно, что заголовки новостных сообщений преимущественно конспективные, иначе – информативные.

При анализе заголовков следует также учитывать, что новости являются товаром, и составление текста во многом осуществляется с учетом законов спроса и предложения. Редакторы новостей на «периферийных» интернет-ресурсах сталкиваются с необходимостью использовать в заголовках ключевые для поисковой выдачи слова, но при этом добиваться максимально возможной уникальности текста. Важно, что все большее распространение в интернет-ресурсах приобретает такая подача новостей, при которой на главной странице виден только заголовок, к самому тексту новости нужно сознательно перейти по гиперссылке (в то время как в печатных СМИ основной текст неизбежно попадает в поле зрения читателя).

Тем интересней анализ заголовков с когнитивной точки зрения.

С конца 70-х гг. XX в. в научных работах для описания когнитивных моделей активно стал использоваться введенный М. Мински [1979] термин «фрейм». Несмотря на имеющиеся различия в его дефинициях в разных отраслях науки, общим является понимание фрейма как структуры, используемой для представления определенных знаний. Эта структура организует когнитивный контекст, который призван актуализировать те или иные компоненты ситуации – как типические, так и потенциально возможные.

Фрейм создается вокруг концепта (фокуса), с которым он ассоциирован в сознании носителей языка. Единство фокуса и фрейма отражает точку зрения человека на мир («карту» в терминологии НЛП).

Как ни парадоксально, новостью для адресата является ожидаемая информация, или «предполагаемое значение» («preferred meaning» [Hall, 1982]). В ее структуре должны находиться компоненты, значимые для картины мира воспринимающего. Однако ментальные «карты» создателя текста и адресата могут не совпадать. Именно по этой причине редакторы новостных интернет-ресурсов стремятся в качестве ключевых слов (хештегов) выделить все единицы, включенные в заголовок. При этом можно ориентироваться на частотность поисковых запросов или на определенную целевую читательскую аудиторию.

Возможное несовпадение точек зрения отражает термин «фокусировка» – способность адресата переносить внимание на любую часть фрейма. Но при этом, по сути, возникает новый фрейм, поскольку появляется новый фокус.

Заголовок новости представляет собой исходную когнитивную модель определенной ситуации. Схему предоставляет синтаксическая структура языка: в фокусе находится объект или явление (грамматический субъект), способный обладать определенными признаками (то, что в системном анализе называется атрибутами). Эти признаки (эксплицированные или конвенциональные), приобретая конкретные значения, образуют фрейм. Так, например, в числе наиболее общих прагматических категорий фрейма, образующих его структуру, Т. А. ван Дейк [1989] называл место, функции, свойства, отношения и позиции. В журналистике традиционно выделяют текстовые позиции, соответствующие вопросам *кто? что? где? когда? зачем? почему? и как?*

Грамматическая структура предложения, сформулированного в качестве заголовка, предоставляет возможности для замещения всех названных позиций лексико-грамматическими объектами (по Ч. Филлмору [1988]). При этом каждый из них «по законам жанра» в самом тексте новости способен образовать фрейм более низкого уровня. Таким образом, заголовок, построенный в соответствии с принципами структурирования фрейма, является когнитивной моделью описываемой ситуации – в отличие от заголовков-«загадок», построенных по схеме неполного предложения и ориентированных на эмоциональную сферу адресата.

Поскольку текст новости представляет собой сообщение о событии (о том, что должно изменить существующую картину мира), заголовок строится как повествовательный фрейм. В зависимости от того, что образует фокус – участник события, предмет, на который направлено внимание, или же действие, – фреймы можно в соответствии с классификацией С. А. Жаботинской [2003] подразделить на предметоцентричные и акциональные.

Заголовок при этом строится по классической трехчастной схеме: субъект – предикат – объект (обстоятельство), реализующейся на уровне поверхностной структуры в схемах простого предложения («Путин выступит на Генассамблее ООН»). Крайне важен для новости локатив (место события).

Именно такой порядок слов оказывается и наиболее удобным для автоматизированного перевода с английского и на английский язык. Однако и в этих четких рамках остается возможность разной интерпретации общего новостного повода.

Возможность сопоставления заголовков новостных сообщений с общим информационным поводом предоставляет подборка новостей «Яндекса» (что обеспечивает свободный доступ к разным источникам информации, хотя и может несколько затруднять выбор для читателя с некритическим мышлением). Проиллюстрируем эти возможности на основе анализа заголовков новостей (в период 2014–2016 гг.). Коммуникация одного и того же события может производиться по-разному – в зависимости от выбора ньюсмейкера (1), описания действия (2) и его объекта (обстоятельств) (3).

1. В ноябре 2014 г. участники саммита G20 в австралийском Брисбене могли сфотографироваться с коалами (так организаторы представили местный колорит). Первая фраза статьи *«Путин сфотографировался с коалой»* (Lenta.ru, 16.11.2014): **Президент России Владимир Путин обнял коалу**. Ср. с заголовками *«Коала обняла Путина»* (Телерадиокомпания ЗВЕЗДА, 15.11.2014); *«Коалу, обнимающую Путина и Обаму, подарят японскому заповеднику»* (Мир 338, 16.11.2014). При одинаковом предикате, выраженном глаголом *обнимать*, употреблены разные субъекты действия: *Путин* и *коала*. Очевидно, что субъект действия в этой ситуации осознается как его инициатор, что акцентирует разные смыслы в трактовке события.

И в том, и в другом случае в фокусе находится «Путин», поскольку именно этот компонент обладает более широкими возможностями для структурирования фрейма (функции, свойства, отношения, позиция) благодаря богатому импликационалу. Даже в отношении места события (несмотря на то, что коала ассоциируется с Австралией) наиболее значимым является проходящий саммит G20. Действие (обнять) в этом фрейме воспринимается не как элемент дипломатического этикета, а как знак доброжелательности и доверия, что, в свою очередь, смещает акцент с компонента «функции» на компонент «свойства». Заголовок «Коала обняла Путина», по сути, сообщает об ином событии, так как меняется субъект действия. Структура фрейма остается той же, но главное событие приобретает новое значение.

Таким образом, одно и то же событие может быть представлено как разные ситуации в зависимости от того, кто является субъектом действия, и характера предиката. При этом для структурирования фрейма значимым фактором является выбор лексических средств из ряда кореферентных номинаций и способ представления контекста как официального / неофициального. Так, внутри пары «Сергей Шнуров / Шнуров – Шнур» (в заголовках 25 марта 2016 г.) возникает противопоставление «функция» (руководитель группы «Ленинград») – «свойство» (эпатаж, нецензурная лексика). В первом случае названный компонент фрейма поддерживается семантикой предиката: *«Сергей Шнуров уволил...»*. Во втором случае авторы заголовка предпочитают экспрессивные или создающие двусмысленность глаголы: *Шнур выгнал из «Ленинграда» исполнительницу суперхита про «лабутены»* (Блокнот); *Шнур променял исполнительницу хита про лабутены на двух вокалисток* (Вести.Ru); *Шнур расстался с Алисой Вокс, спевшей про лабутены* (Фонтанка.Ру).

Из структуры заголовков, в которых в качестве главного действующего лица выступает Алиса Вокс, становится очевидным, что она в качестве ньюсмейкера обладает значительно меньшими возможностями для структурирования «богатого» фрейма. Именно поэтому упоминания одного имени оказывается недостаточно, и в большинстве случаев авторы предпочли обозначить ее через отношение к более значимому для потенциального читателя компоненту фрейма: *Исполнительница хита про лабутены покинула «Ленинград»* (НТВ);

Спевишая «Экспонат» солистка «Ленинграда» сообщила об уходе (Российская газета); Шнуров уволил из «Ленинграда» исполнительницу нашумевшего хита про «лабутены» (РЕН ТВ).

2. 19 ноября 2014 г. под разными заголовками вышла новость о законодательной инициативе депутатов ЛДПР в Государственной думе: «Депутат предложил ввести обязательную биометрическую регистрацию» (Snob.ru); «СМИ: Депутаты Госдумы предлагают ввести обязательную биометрическую регистрацию» (RT на русском); «Госдума рассмотрит проект закона об обязательной биометрической регистрации» (Интерфакс).

Модальные глаголы акцентируют внимание на желании (1) или возможности (2) совершения действия: 1) «Госдума **хочет** обязать граждан России пройти биометрическую регистрацию» (Русская Служба Новостей); 2) «Госдума **может** обязать россиян пройти биометрическую регистрацию» (РБК). Интересно, что вместо двусоставной используется и односоставная конструкция, актуализирующая действие и неопределенность деятеля: «Россияне **хотят** обязать заводить биометрическую карту» (REGNUM); «Россияне **могут** обязать проходить биометрическую регистрацию» (Аргументы и Факты). Употребление обобщающего местоимения подчеркивает всеобщность (и неотвратимость) действия: «**Всех** россиян хотят обязать пройти биометрическую регистрацию» (Вести ФМ); «**Всех** россиян хотят обязать пройти биометрическую регистрацию» (Известия); «**Всех** россиян хотят обязать проходить биометрию» (ТВ Центр).

Употребление словосочетания «отпечатки пальцев» делает высказывание более понятным, однако переводит его из законодательного в криминальный дискурс: «ЛДПР хочет снять у всех россиян **отпечатки пальцев**» (МИР 24). Ср. также: «Депутаты хотят завести на россиян **биодосье**» (Вести.Ru).

Идея обязанности подменяется идеей насилия: «Депутаты ГД хотят **заставить** граждан России сдавать отпечатки пальцев и геномные данные» (Эхо Москвы в Петербурге). В ряде заголовков идея проекта подменяется идеей решения (при сохранении значения будущего времени): «На каждого россиянина **заведут** биокарту с отпечатками пальцев» (ФедералПресс); «Россияне **обязжут** сдавать отпечатки пальцев» (РЕН ТВ); «Россияне **ждет** обязательная биометрическая регистрация» (Российская газета – RG.RU).

Разные ассоциации может вызывать наречие «поголовно»: «Россияне заставят **поголовно** пройти дактилоскопию» (РИА Ура.Ru).

В следующем заголовке содержится ироническая оценка («шедевр»), а в его уточняющей части нагнетаются негативные ассоциации: «Новый законодательный шедевр от ЛДПР: в России **необходимо** ввести **тотальную** дактилоскопию, в том числе и для **детей**» (Znak.com).

3. В освещении визита Президента РФ в декабре 2016 г. в Японию поднималась тема русской кухни (с различной степенью детализации). Ср. заголовки новостей электронных СМИ 15.12.2016: «В японском городе Нагато школьники попробуют **русские блюда**» (Комсомольская правда); «Японские школы включили в рацион **русские блюда** к приезду Путина» (Известия); «Японские школы в день встречи Путина и Абэ добавили в рацион **русские блюда**» (ТАСС).

Большинство изданий (включая ТАСС, «Известия», «Комсомольскую правду» и др.) максимально конкретизировали гипероним *русские блюда*: «Японских школьников накормили **борщом** и **пирожками** в честь приезда Путина» (ИжевскИнфо.РУ); «В японских школах приготовили **борщ** и **пирожки** к приезду Путина» (ФедералПресс); «Японских школьников накормили **борщом** и **пирожками** перед приездом Путина» (ТВ Центр). Впрочем, для создания национального колорита вполне хватило упоминания только одного наименования: «К приезду Путина японских школьников накормили русским **борщом**» (Аргументы и Факты); «В школах Японии в честь приезда Путина приготовили **борщ**» (ВладТайм); «Японских школьников накормили **борщом** перед визитом Путина» (НТВ). Ср.: «В японских школах к приезду Путина наварили **борща**» (The Russian Times; Lenta.ru). Кулинария вышла на первый план в заголовке без упоминания Путина: «**Борщ** и **пирожки** добавили в рационы школ в японском Нагато» (Радио Маяк). Украинский ресурс ТСН.ua. не преминул взять сочетание «**русский борщ**» в кавычки, подчеркивая некорректность такого наименования. Информационные ресурсы Татарстана выбрали для заголовка блюдо, максимально близкое как к япон-

ским, так и к собственным кулинарным традициям: **В Японии к приезду Владимира Путина начали продавать лапшу со вкусом борща** (Казанский репортер. Татар-информ). На этом фоне настоящей сенсацией стало упоминание другого блюда: **«Японские школьники в честь приезда Путина пообедают шашлыком»** (ФАН).

Интересно, что в большинстве заголовков была использована односоставная конструкция, без указания субъекта действия. Отметим, что в ряде СМИ субъектом действия стали школьники: **«Японские школьники научились варить борщ к приезду Путина»** (Life.ru); **«К приезду Путина японские школьники научились варить борщ и печь белый хлеб»** (REGNUM); **«В Японии в честь Путина школьники научились варить борщ и печь пирожки»** (Царьград). Причем, судя по следующему заголовку, они не только узнали о русских блюдах, но и приняли активное участие в их приготовлении: **«Японские школьники наготовили борща и пирожков к приезду Владимира Путина»** (Петербургский дневник). Ср. с генерализацией субъекта: **«Японцы освоили рецепт борща и пирогов к приезду Путина»** (Экономика сегодня).

Пространственные и временные границы фрейма во многом определяют значимость новости. Ее содержание может восприниматься как единичный факт, привлечший внимание благодаря своей необычности, или же как событие, способное оказать влияние на ментальную модель мира адресата. Так, предложно-падежная форма с локативным значением в начале заголовка новости о визите Путина в Японию определяет пространственные границы, а вместе с ними и масштаб события: **В Японии...** (Казанский репортер, Царьград) – **В школах Японии...** (ВладТайм) – **В японских школах...** (Лента.ру, ФедералПресс) – **В японском городе Нагато...** (Комсомольская правда). Читатель, который ограничится чтением заголовка в первых вариантах, будет уверен, что событие произошло во всей стране, хотя из лид-абзаца становится понятно, что содержание новости ограничено 16 школами одного городка с 35-тысячным населением. Отличие когнитивной структуры заголовка от грамматической заключается в том, что указание на пространственные границы может быть выражено и в номинации субъекта: **японцы – японские школьники – (школьники Японии)**.

Средствами определения временных границ являются предложно-падежное сочетание с обстоятельственным значением и видовременная форма глагола-предиката. Практически все интернет-источники использовали сочетание **«к приезду Путина»**. Временная соотнесенность двух фактов в пределах одного фрейма заставляет читателя предположить наличие между ними причинно-следственной связи и, таким образом, затрагивает сферу его убеждений. Эксплицирование этих связей языковыми средствами отодвигает временное значение на второй план: **...в честь приезда Путина** (ИжевскИнфо.Ру, ВладТайм). Консервативно-патриотический ресурс «Царьград» в заголовке полностью элиминировал временные границы: **В Японии в честь Путина школьники научились варить борщ и печь пирожки**.

Временная перспектива, выраженная формой предиката, может быть констатацией факта с ограниченной актуальностью, не предполагающего сохранения его результатов в будущем: **В японских школах к приезду Путина наварили борща**, или же с актуальным перфектным значением: **Японские школы включили в рацион русские блюда к приезду Путина** (Известия). Это зависит от лексической семантики предиката, а также от семантики упомянутого выше сочетания с обстоятельственным значением. Предельно конкретно сформулированы временные границы в заголовке новости ТАСС: **Японские школы в день встречи Путина и Абэ добавили в рацион русские блюда**.

Акценты в содержании фрейма во многом определяются выбором макропропозиции и ко-референтных языковых средств. Как становится ясно из текста новости, в Нагато имели место несколько фактов: школьники приготовили и доставили Путину борщ и белый хлеб, в школах города 15 декабря кормили борщом и пирожками, в меню ресторанов появились блюда, которые японцы посчитали русскими. Авторы текстов не стали сводить информацию к единой макропропозиции, а предпочли сосредоточиться на чем-то одном. В результате в одной группе заголовков субъект выступает в агентивном значении: **школьники научились варить – наготовили – попробуют**, в другой – в значении пациенса: **школьников накормили**. В третьей группе субъект не был назван: **наварили – приготовили – добавили (включили) в рацион**, что подчеркивает значимость самого действия.

Таким образом, учет названных особенностей позволяет сформировать паттерны, представляющие разные полюсы континуума «факт – событие»: **В школах городка Нагато в**

день встречи Путина и Абэ в меню добавили борщ и пирожки. – В Японии в честь приезда Путина научились готовить русские блюда. Понимание значимости сообщения во многом зависит от знания контекста – национально-культурного, политического и т. д. В данном случае, в частности, нужно знать, какое место занимают кулинарные традиции в национальной системе ценностей Японии. Примечательно, что ни в одном из заголовков не были использованы номинации, связанные с должностью главы государства, поскольку это не соответствовало бы характеру фрейма.

Подведем итоги.

В случае с субъектом и объектом действия крайне важен в предметоцентричном заголовке сам выбор таковых, определяющий структуру двучленного суждения. Интерпретация же действия в акциональном заголовке связана прежде всего с категорией предикативности, определяющей связь содержания высказывания с действительностью и оценку действия. При создании заголовков интернет-новостей используется манипулятивный потенциал единиц языка разных уровней: ресурсы и лексики, и грамматики. Акценты в содержании фрейма позволяют актуализировать разные аспекты события.

Список литературы

- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Высоцкая И. В. Языковые средства интерпретации новостного повода в интернет-заголовках // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Екатеринбург, 2017. С. 220–223.
- Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы Междунар. конф. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 141–159.
- Кочетков П. Н. Средства формирования «предполагаемого значения» в заголовках новостей // Журналистика в коммуникативной культуре современности: Материалы V Науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 53–56.
- Лозовский Б. Н. Журналистика как специфическая репрезентация действительности // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 27–38.
- Мински М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23.
- Hall S. The rediscovery of «ideology»: return of the repressed in mediastudies // Current society and the media / Eds M. Gurevitch, T. Bennet, J. Curran, J. Woolcott. L., 1982.

Материал поступил в редколлегию 28.12.2017

I. V. Vysotskaya¹, P. N. Kochetkov²

¹ Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
36 Karl Marx Str., Arzamas, 607220, Russian Federation

vysotskaya@mail.ru, pkochetkov@yandex.ru

A HEADLINE OF THE INTERNET NEWS AS A COGNITIVE MODEL OF A SITUATION

Changes in the modern media world keep the problem of studying news headlines on the Internet actual. In analyzing headlines it should be taken into consideration that news is a product to sell,

that is why the news text is made considering the law of supply and demand. News editors of «peripheral» Internet resources have to deal with the controversy. On the one hand, they must use keywords in headlines for search results. On the other hand, they have to seek for the maximum uniqueness of a text. A recent tendency towards automated robot journalism manifests itself in the technologization of the process of news aggregation and production of simplest texts. The analysis of *Yandex* news compilation allows to compare similar news headlines and to reveal the linguistic means of news presentation. Headlines interpret the same news content in different ways and have different manipulative potentials. The initial cognitive model of a situation is performed in an Internet news headline. An event can be represented by mentioning participants and their actions, or an object of an action, or particular circumstances. A news text is an event message that is supposed to change the existing worldview, so a headline is formed as a narrative frame. Depending on what is in the focus (a participant of an event, an object or an activity), frames could be divided into «subject»-centred and action-centred. In this regard a headline is formed according to the classical scheme: the subject – the predicate – an object (an adverbial), that is implemented in a superficial structure of a simple sentence scheme. The locative (the place of an event) is extremely important for news. That word order of a simple sentence proves to be the most convenient for translations from English and into English. However, within a clear framework there is an opportunity to interpret the same event in different ways. The difference in covering the same event depends on the choice of a newsmaker (1), a description of the action (2) and its' object (or circumstances) (3). The paper illustrates these opportunities, comparing and contrasting the headlines of *Yandex* news compilation with the same information content. Understanding the significance of a message depends largely on contextual awareness (national-cultural, political, etc.). In a «subject»-centred headline the choice of a subject and an object is of great importance as it forms the structure of a binominal judgment. The interpretation of an action in an action-centred headline is connected with the predicative that determines the connection between a statement and reality, and contains an assessment of actions. The emphasis in the frame content allows to actualize different aspects of an event.

Keywords: headline, cognitive model of a situation, frame, «subject»-centred headline, action-centred headline.

References

Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya. [Frames and semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress, 1988, issue 23. (in Russ.)

Hall S. The rediscovery of «ideology»: return of the repressed in mediastudies. *Current society and the media*. Eds. M. Gurevitch, T. Bennet, J. Curran, J. Woolacott. London, 1982.

Kochetkov P. N. Sredstva formirovaniya «predpolagayemogo znacheniya» v zagolovkakh novostey [Means of forming «implied meaning» in the headlines]. *Zhurnalistika v kommunikativnoy kul'ture sovremennosti* [Journalism in the communicative culture of the present]. Materials of the fifth scientific-practical conference. Novosibirsk, NSU Press, 2015, p. 53–56. (in Russ.)

Lozovsky B. N. Zhurnalistika kak spetsificheskaya reprezentatsiya deistvitel'nosti [Journalism as a Specific Representation of Reality]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Ural State University], 2006, no. 40, p. 27–38. (in Russ.)

Minski M. Freimy dlya predstavleniya znaniy [Frames for representation of knowledge]. Moscow, Energiya, 1979. (in Russ.)

Van Deik T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. (in Russ.)

Vysotskaya I. V. Yazykovye sredstva interpretatsii novostnogo povoda v internet-zagolovkakh [Language tools for interpreting the news story in Internet headlines]. *Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoy epokhi* [Professional culture of the journalist of the digital age]. Materials All-Russian scientific-practical conference with the international participation. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2017, p. 220–223. (in Russ.)

Zhabotinskaya S. A. Kontseptual'nyi analiz: tipy freymov [Conceptual analysis: types of frames]. *Na styke paradigm lingvisticheskogo znaniya v nachale XXI veka: grammatika, semantika, slovoobrazovanie* [At the junction of the paradigms of linguistic knowledge at the beginning of the XXI century: grammar, semantics, word formation]. Materials of Intern. Conf. Kaliningrad, KSU Press, 2003, p. 141–159. (in Russ.)

For citation:

Vysotskaya I. V., Kochetkov P. N. A Headline of the Internet News as a Cognitive Model of a Situation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 89–96. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96

Е. Н. Клемёнова¹, И. А. Кудряшов²

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
ул. Большая Садовая, 69, Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия

klemenova@yandex.ru, igalk@mail.ru

ЗАГОЛОВКИ-СУЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ: ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Анализируется прагматическая роль маркеров *be likely to* и *(be) expected to* в выражении точки зрения автора и источника актуальной информации в заголовках-суждениях. Материалом исследования избраны 250 публикаций в газете «Guardian» за 2012–2017 гг. На основе контекстуального анализа заголовков-суждений утверждается, что данные маркеры системно проявляют свои модальные и эвиденциальные характеристики, дают возможность автору публикации оптимально выражать свою точку зрения и – при необходимости – дистанцироваться от представляемого мнения. Показано, что каждый маркер, обладая специфическими лексико-грамматическими характеристиками, по-разному предопределяет контекстуальные ограничения той информации, которая актуализуется в заголовке-суждении, что, в свою очередь, создает основу для их взаимозаменяемости и одновременно дифференцированного использования. На уровне заголовков-суждений основное прагматическое различие анализируемых нами маркеров последовательно прослеживается в том, как эти маркеры оформляют отношения между предикацией и авторской оценкой семантического содержания. Так, в отличие от *be likely to*, маркер *(be) expected to* предоставляет автору возможность прогнозировать событие и при этом не брать на себя ответственность за достоверность информации. Актуализация эпистемического и деонтического модальных значений, по сути дела, предполагает выражение точки зрения, соответствующее маркирование категории эвиденциальности. С опорой на маркеры *be likely to* и *(be) expected to* автор публикации оформляет свою точку зрения как мнение иных субъектов, компетентных в освещаемой проблематике. Эвиденциальный потенциал маркера *(be) expected to* предопределяется прежде всего тем, что он имеет структуру пассивной синтаксической конструкции: точка зрения оформляется как отражение информации от других лиц, ожидающих, что событие должно произойти в предстоящем будущем. Маркер *be likely to*, напротив, вводит в заголовок-суждение перцептивное и/или косвенное эвиденциальное измерение, что, в свою очередь, обеспечивает обоснование точки зрения, выражаемой автором публикации. Эвиденциальное маркирование заголовков-суждений трактуется в данной статье как важный прагматический механизм поддержания журналистских идеалов, связанных с объективным освещением фактов и событий.

Ключевые слова: заголовок-суждение, эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность.

В современных лингвистических изысканиях феномен языковой деятельности анализируется как непосредственный результат актуализации в сознании говорящего субъекта совокупной последовательности ментальных операций – оценки, предикации и детерминации [Гаврилова, 2015]. Данные операции, в свою очередь, являются предметом исследования частной и общей лингвистики, журналистики, одной из актуальных сфер, для которой характерна попытка реконструировать «следы», формируемые системой тех или иных маркеров

Клемёнова Е. Н., Кудряшов И. А. Заголовки-суждения в англоязычных массмедийных текстах: эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 97–107.

в монологическом или диалогическом тексте. Можно говорить о том, что ключевой операцией является локализация текстовых сегментов, которая последовательно наблюдается на всех языковых уровнях, предполагает тот факт, что ни одна языковая единица не употребляется изолированно от других единиц, а вся совокупность актуализованных единиц обладает разнообразными референциальными характеристиками, поскольку они являются сегментами единой локальной системы текста.

В указанной системе прагматической основой инициации операций локализации представит коммуникативная ситуация употребления высказывания, которая, в свою очередь, предполагает действенность двух параметров – субъективность (образ говорящего субъекта) и пространственно-временные рамки (дейктические характеристики, присущие высказыванию). В совокупности данные параметры участвуют в локализации референциальных характеристик языковых единиц [Скнар, 2014] и репрезентации точки зрения говорящего субъекта, которая отражается в высказывании-суждении [Марьянчик, 2015; Постева, 2014].

В рамках нашего исследования под «точкой зрения» понимается позиция говорящего субъекта в отношении пропозиционального содержания высказывания, установление определенного типа отношений между говорящим субъектом и иницируемым им суждением. Точка зрения определяется нами в терминах тех языковых средств, с опорой на которые говорящий субъект освещает информацию об актуальном объекте. Субъект выражает точку зрения либо прямым способом (через эксплицитные комментарии), либо косвенно (актуализуя те или иные референциальные характеристики в высказывании), а также через особый выбор, комбинирование и реализацию языкового материала. Другими словами, точка зрения, кодируемая говорящим субъектом в поверхностной или глубинной структуре высказывания, может приобретать разнообразные формы выражения, а отсутствие явных маркеров не является должным свидетельством того, что в высказывании не выявляется точка зрения говорящего субъекта или какого-либо другого лица. Мнение субъекта (субъектов) – прямо или косвенно – манифестируется модальным и эвиденциальным измерениями высказывания-суждения.

Модальность – это одна из многочисленных семантико-грамматических категорий высказывания, которая выявляет смысловую позицию субъекта речи в отношении того или иного факта, события, действия, его прагматическое отношение к подобным феноменам [Демина, 2012. С. 111]. Функционирующая в качестве подобной категории модальность может рассматриваться как средство эксплицитного выражения точки зрения говорящего субъекта, поскольку ее определение, данное выше, фиксирует явную связь между двумя понятиями – точкой зрения и пропозициональным содержанием высказывания.

Говорящий субъект имеет возможность:

- не обосновывать предикативные отношения в рамках высказывания, которое в этом случае реализует эпистемическую модальность;
- рассматривать данные отношения как желательные (оценочная модальность);
- подчеркивать тот факт, что синтаксический субъект (первый аргумент) способен совершать действие, выраженное последующим предикатом (динамическая модальность) или обязан выполнить это действие (деонтическая модальность);
- объективировать свою уверенность в надежности обнародованной информации (ассертивная модальность).

В любом случае модальность выражает некоторый характер суждения на уровне пропозиционального содержания высказывания [Богуславская, 2013; Богуславская, Богуславский, 2017]. Подобное понимание модальности оказывается очень близким к трактовке такого понятия, как «эвиденциальность», которое:

- 1) выявляет источник актуальной информации, источник действенных знаний, фиксируемый в утверждении;
- 2) имеет непосредственное отношение к эпистемологической оценке говорящего субъекта, проявляемой в высказывании [Муругова, Постева, 2016; Постева, 2013].

Вместе с тем, как мы увидим ниже, модальность и эвиденциальность играют различную роль в выражении точки зрения говорящего субъекта, а поэтому трактуются нами как самостоятельные семантико-прагматические категории.

Говорящий субъект – вне зависимости от иллюкативной силы высказывания – может брать на себя полную ответственность за надежность пропозиционального содержания иницируемого им суждения или снимать с себя подобную ответственность, отказываясь от того, что именно он является источником утверждения, выражаемой точки зрения, и всего лишь локализуя референциальные характеристики суждения. Мы можем говорить о том, что проблема обязательств говорящего субъекта оказывается непосредственно связанной с локализацией отношений между субъективными параметрами освещаемой ситуации (тем, что предписывается ситуации субъектом) и выражением этой ситуации в суждении. Данные отношения, в свою очередь, могут как явно / косвенно объективироваться в составе высказывания, так и отсутствовать вовсе.

По нашим наблюдениям, частотными маркерами выражения категории эвиденциальности в заголовках-суждениях англоязычных массмедийных текстов предстают такие средства, как *be likely to* и *be expected to*. Проанализируем их более подробно в аспекте грамматического и лексикографического описания.

В грамматиках современного английского языка выражение *be likely* категоризуется преимущественно как полувспомогательное средство эпистемической модальности, выражающее отсутствие ответственности говорящего субъекта за объективность иницируемого высказывания [Downing, 2006. P. 273; Sargeant, 2007. P. 83]. Эта конструкция предполагает явное выражение субъекта (*He is likely to return next week*). Пассивная конструкция *be expected to* также сохраняет свою связь с субъектом как источником ожидаемых явлений или действий, при этом в заголовках-суждениях первый компонент *be*, как правило, опускается. Между компонентами *likely* и *expected* устанавливаются синонимические отношения, на что, в частности, указывают их словарные определения:

Likely (Adj.): 1. probable or expected; 2. seeming suitable for a purpose [Longman Dictionary..., 2014. P. 231];

Expect (V.): 1. to think or believe that something will happen or that somebody will do something; => *Expected* (Adj.): that you think will happen; ... 3. to demand that somebody will do something because it is their duty or responsibility [Ibid. P. 370].

Как иллюстрируют словарные определения, между семантикой обоих компонентов обнаруживается определенная степень совпадения, а поэтому они фактически могут заменяться на взаимной основе в рамках одного и того же высказывания (варианты в скобках вставлены авторами статьи). Ср.:

(1) The Australian budget is likely (**is expected**) to confirm this is a big-spending, big-taxing government (Guardian, 2017, June, 30, p. 5);

(2) Member of India's lowest caste expected (**is likely**) to be elected president (Guardian, 2017, July, 17, p. 7).

В обоих заголовках анализируемые нами маркеры характеризуются именно как эпистемические модальные средства, полным синонимом которых выступает структура *will probably*, означая, что в освещаемой ситуации обнаруживается высокая вероятность реализации предикативных отношений в предстоящем будущем. В рассматриваемых контекстах эти маркеры, фактически выступая полными синонимами, последовательно проявляют и отличительные семантические характеристики, а именно актуализуют связь освещаемого факта со свидетельством извне (в случае *be likely to*), выражают деонтическую модальность, указывая на целесообразность, правомерность события, которое ожидается в ближайшем будущем (в случае *expect to*). Подобные характеристики ярко иллюстрируются в примерах (3)–(4), в которых оба маркера не оказываются взаимозаменяемыми:

(3) Italian student missing in Cairo is likely to be dead, say officials (Guardian, 2016, February, 16, p. 2);

(4) Andy Warhol's inaugural 'selfie' expected to fetch £7 m at auction (Guardian, 2016, June, 14, p. 3).

В (3) актуализуется сема «вероятность» факта, значение планируемости и целесообразности, присущее маркеру *expected to*, отсутствует. В (4), напротив, на передний план выдвигается семантика ожидаемости события как результат его предварительного анализа, предписания в форме пожелания, а поэтому проявляется деонтическая модальность. Однако в обоих случаях авторы исходно не обладают полной уверенностью в том, что освещаемые факт и событие действительно будут иметь место в ближайшем будущем, а поэтому прибегают к эпистемическим маркерам.

Точка зрения говорящего субъекта, актуализуемая в заголовках-суждениях, базируется на гипотетическом прогнозировании освещаемых в публикации фактов и событий, поскольку в распоряжении субъекта не имеется достаточных доводов для того, чтобы представить свое мнение в форме ассертивного суждения. В (3) явно указан источник информации (*say officials*), в (4) содержится косвенное указание на него: заголовок выражает коллективное мнение лиц, которые в силу своей профессиональной деятельности оказались задействованными в освещаемом событии. Другими словами, маркер *expected to* одновременно реализует деонтическую и эпистемическую модальность, а также служит средством выражения категории эвиденциальности; маркер *be likely to* реализует лишь эпистемическую модальность.

По нашим наблюдениям, в определенных специфических контекстах – в целях релевантного воздействия на читательскую аудиторию – в заголовках-суждениях актуализацию получают те или иные субъективные значения или совокупность этих значений, что, собственно говоря, и предопределяет авторский выбор соответствующего маркера. Так, маркер *be likely to* подчеркивает, что субъект и предикат могут быть сведены (локализованы) в рамках одного суждения на основе вероятностной связи между ними, хотя обстоятельства могут сложиться таким образом, что эта связь окажется нереализованной и недостижимой.

Когда говорящий субъект вводит в пропозициональное содержание заголовка-суждения маркер *be likely to*, он фактически заявляет о том, что пропозиция обладает устойчивыми характеристиками ситуации, в которой реализуется факт, а предикативные отношения предполагают последующую проверку на достоверность, поскольку в сложившейся ситуации исходно не имеется достаточных доводов для подтверждения этой достоверности. В связи с этим заголовок оформляется как эпистемическое суждение, выражающее вероятность объективации факта в предстоящем будущем. При этом источником гипотетической информации может выступать не только третье лицо или группа лиц (ср. пример (3)), но и единственно говорящий субъект (в этом случае категория эвиденциальности реализуется косвенно). В последнем случае предполагается, что суждение, представляемое в заголовке публикации, базируется на непосредственном наблюдении фактов, осуществляемом автором публикации. Ср.:

(5) Iran Election: the world hopes for change, but is likely to be disappointed (Guardian, 2013, June, 14, p.4).

Маркер *be likely to* сосредотачивает внимание читателей на том, что первый аргумент обладает достаточными характеристиками, чтобы формировать отношения со вторым предикатом. Актуализация данного маркера переводит заголовок-суждение в разряд вероятностных. Источником информации выступает сам автор публикации, который приходит к подобному заключению на основе наблюдений объективно сложившихся фактов.

Описание значения заголовка-суждения может быть представлено следующим образом: <world> потенциально обладает всеми характеристиками, чтобы «соответствовать» предикату <*be disappointed*>, который, в свою очередь, трактуется автором как перспектива последующего развития эмоционально-волевого состояния первого аргумента. Вместе с тем подчеркивается вероятностная природа того, что обозначенные предикативные отношения в будущем станут действительными.

Для случаев, когда источником информации выступает сам автор, в собранной нами картотеке примеров заголовков-суждений новостных публикаций первый предикат – через маркер *be likely to* – также соотносится с предикатами на следующих логических основаниях.

- Негативные целевые отношения: предикат трактуется автором как отрицательная цель первого предиката. Например:

(6) Spotlight is likely to be kept off China's next first lady (Guardian, 2012, November, 13, p. 3).

Автор оценивает предикат в качестве отрицательной установки, функции, оптимальной для первого предиката в объективно сложившейся ситуации, которая получает освещение в последующей публикации. Первый аргумент <spotlight> обладает всеми достаточными параметрами, чтобы «соответствовать» предикату <be kept off China's next first lady>. В эпистемическом измерении заголовка-суждения указанное соответствие рассматривается автором как вероятностное.

- Негативное следствие: предикат интерпретируется автором как неблагоприятный итог предварительной деятельности первого предиката. Например:

(7) After slow economic growth, the RBA's first move is likely to cut interest rates (Guardian, 2015, January, 15, p. 4).

Автор проблематизирует предикат как критическое, не вызывающее одобрения последствие, релевантное для первого предиката в той объективной обстановке, которая сложилась на данный момент (<slow economic growth>). Первый аргумент <the RBA's first move> выявляет наличие всех «невыигрышных» параметров, чтобы сочетаться с предикатом <cut interest rate>. На эпистемическом уровне реализации заголовка-суждения соотношение первого аргумента и предиката оценивается автором в качестве вероятностного.

Как свидетельствуют примеры (3), (5)–(7), маркер *be likely to* – вне зависимости от источника актуальной информации – преимущественно объективирует «неблагоприятный», «критический» предикат для первого аргумента (в 174 из 201 случая). Другими словами, данный маркер задействуется в заголовке-суждении в целях отражения негативного развития тех ситуаций, которые стали предметом массмедийного рассмотрения. При отсутствии должной информации (о прогнозируемых ситуациях, которые будут иметь место в предстоящем будущем, можно говорить только с определенной степенью уверенности), субъект речи не желает брать на себя ответственность за отрицательное развитие явлений, фактов, событий. С опорой на маркер *be likely to* автор имеет возможность моделировать различный характер связи между первым аргументом и предикатом, что, в свою очередь, усиливает эпистемический потенциал данного маркера.

Отметим, что при прогнозировании позитивного характера развития некоторой сложившейся ситуации доминирующим значением маркера *be likely to* оказывается выражение деонтической модальности: на первый план в суждении-заголовке выдвигается прескриптивная перспектива разрешения освещаемой социально-политической ситуации. При этом автор публикации в качестве источника информации имеет возможность как избирать мнение лиц, которые являются более компетентными в обсуждаемой проблеме, так и полагаться на собственные наблюдения. Ср.:

(8) Fifa confirms 2022 World Cup in Qatar is likely to be held in winter (Guardian, 2014, November, 3, p. 27);

(9) Rupert Murdoch's Sky Bid is now very likely to succeed (Guardian, 2017, June, 29, p. 10);

(10) Boris Johnson is likely to stand again as London mayor – and he'll win (Guardian, 2013, December, 23, p. 14).

В заголовках-суждениях, отмеченных в примерах (8)–(10), локализация отношений между первым аргументом и предикатом имеет рекомендательный, желательный характер. Позитивное разрешение сложившейся социальной или политической ситуации интерпретируется автором как наиболее оптимальное, соответствующее требуемому в социуме положению дел. Маркер *be likely to* неявно усиливает модально-деонтическое прочтение заголовка-суждения, программирует читательское внимание на поддержание предлагаемой перспективы развития ситуации, освещаемой в публикации. При этом в самой публикации автор выявляет всю совокупность внешних факторов, благоприятствующих именно заявленному разрешению обсуждаемой ситуации.

Маркер *expected to* актуализует гипотетическую потребность подтверждения того, что событие, указываемое в пропозиции заголовка-суждения, будет иметь место в предстоящем будущем. Как результат этого, когда эта потребность не подтверждается (при отнесении факта ожидания к прошлому), между тем, что некогда полагалось, и тем, что в действительности произошло, наблюдается противоречие. Подобное положение дел требует расширенного контекста, его отнесения к прошлым событиям.

Данный контекст, в свою очередь, не может быть воспроизведен в заголовке-суждении, а поэтому такого рода массмедийное повествование наблюдается в подзаголовке или в рамках самой публикации. Маркер *expected to* в этом случае употребляется в прошедшем совершенном времени. Следующее суждение содержится в подзаголовке к публикации:

- (11) Shadow home secretary had been expected to take part in live debate on BBC show with Conservative rival Amber Rudd (Guardian, 2017, June, 6, p. 9).

В (11) выделенный маркер одновременно реализует и эпистемическую, и деонтическую модальность. Предполагалось, что теневой министр внутренних дел примет участие в дебатах с соперником из Консервативной партии. Это действие от него ожидалось как исполнение непосредственной должностной обязанности.

Другими словами, верилось, что предикативные отношения, заявленные в пропозиции подзаголовка-суждения, станут действительными, т. е. ожидания непосредственных зрителей дебатов, как и телезрителей (дебаты проводились в прямом эфире), оправдаются. Однако в действительности этого не произошло, поскольку теневой министр не принял участия в планируемых дебатах. Поскольку предикативные отношения *<shadow home secretary – take part in live debate>* не содержат отрицания, маркер *had been expected* имеет контрафактическое значение.

Можно говорить о том, что контрафактическая интерпретация подзаголовка-суждения обеспечивается не только рассматриваемым нами маркером. В рамках суждения сталкиваются противоположные тенденции: прошедшее совершенное время предполагает завершенность действия, маркер, напротив, – бесконечную проекцию на действительность предикативных отношений, т. е. незавершенность действия. Как следствие этого, указанная проекция блокируется, действие, заявленное в пропозиции подзаголовка-суждения, оказывается невыполненным.

Интересно, что маркер *be likely to* не способен реализовывать подобные импликации, поскольку он не ориентирован на пропозицию суждения аналогичным образом. Рассматриваемое нами вероятностное суждение, выраженное с опорой на маркер *be likely to*, оказывается более статическим, поскольку основывается непосредственно на явных характеристиках предикативных отношений, а не на динамической проекции того, какими в действительности должны быть эти характеристики (как это имеет место в случае актуализации маркера *expected to*). Ср.:

- (11.1) Shadow home secretary had been likely to take part in live debate on BBC show with Conservative rival Amber Rudd (Трансформация примера (11)).

Форма прошедшего совершенного времени не оказывает какого-либо воздействия на эпистемический модальный потенциал маркера *be likely to*, поскольку временные границы суждения-подзаголовка оказываются в этом случае размытыми, а само суждение не содержит информации о том, в каком времени (настоящем или будущем) планируется заявленное действие. Однако не уместно говорить о том, что в случае актуализации маркера *be likely to* имеет место контрафактическая интерпретация подзаголовка-суждения. Возможно, в связи с этим в собранной нами картотеке примеров (250) мы не обнаружили таковых, в которых данный маркер употреблялся бы в прошедшем совершенном времени (маркер *had been expected* зафиксирован нами в 23 случаях актуализации в подзаголовке-суждении).

Маркер *expected to* оказывается частотным в тех случаях, когда автор стремится выразить субъективное отношение к информации, заявленной в пропозиции суждения-заголовка (подзаголовка), которое неизбежно предполагает динамическую проекцию на действительность предикативных отношений, содержащихся в этом суждении. Эта проекция приобретает эписте-

мический модальный характер, который часто совмещается с деонтическим модальным характером. В проанализированных нами заголовках с маркером *expected to* (49 случаев из 250) деонтическое модальное значение доминирует над эпистемическим модальным значением в 17 случаях, однако не выявлено контекстов, в которых выражалось бы исключительно первое значение. Ср.:

- (12) Gorsuch expected to follow Scalia's lead in opposing abortion on supreme court (Guardian, 2017, February, 17, p. 13).

В (12) маркер *expected to* предопределяет превалирование прескриптивного характера заголовка-суждения: глава Федерального апелляционного суда призван поддержать движение против абортов в Верховном Суде. По мнению автора публикации, в этом заключается прямая должностная обязанность главного судьи. Эпистемическая модальная оценка отходит в суждении на второй план, поскольку обоснованность этого суждения видится автором именно в его деонтической направленности.

Вместе с тем автор публикации не манифестирует полную степень достоверности выражаемой точки зрения, поскольку заявляемое событие должно иметь место в предстоящем будущем, а о будущем – при отсутствии достаточной информации и потенциальном действии внешних факторов – не всегда можно говорить с высокой степенью достоверности. Событие ожидается, планируется, но возможно проявление каких-либо неблагоприятных обстоятельств, которые потенциально способны помешать претворению этого события в действительность.

Деонтическое модальное измерение суждения-заголовка формируется и за счет того, что между первым аргументом и предикатом формируются позитивные целевые отношения: *<Gorsuch – follow Scalia's lead in opposing abortion>*. Предикат трактуется автором публикации как благоприятный исход профессиональной деятельности первого аргумента. В отличие от маркера *be likely to* маркер *expected to* – вне зависимости от источника актуальной информации – объективирует преимущественно «позитивный» предикат для первого аргумента (в 28 из 49 случаев). В 11 из 49 случаев данный предикат оказывается «негативным» для первого аргумента. Ср.:

- (13) UK rents expected to rise faster than house prices in next five years (Guardian, 2017, February, 9, p. 18).

При негативном характере предиката для первого аргумента в заголовке-суждении начинает доминировать эпистемическое модальное значение. Между компонентами предикации устанавливаются отношения отрицательного следствия. Очевидно, что в данном случае автор публикации не желает брать на себя полную ответственность за достоверность суждения, а поэтому он оформляет это суждение как вероятностное. Вероятностная природа заголовка-суждения предопределяется также тем, что заявленное социальное событие реализуется в предстоящем будущем, и, возможно, еще проявятся положительные факторы, которые способны изменить сложившуюся ситуацию к лучшему. Источником информации выступает сам автор публикации, который выражает точку зрения на основании собственных наблюдений. Другими словами, анализируемый нами маркер – наряду с эпистемическим модальным значением – выступает также неявным средством реализации категории эвиденциальности.

В 2 из 11 случаев актуализации «негативного» предиката для первого аргумента маркер *expected to* сопровождается явным указанием на иной источник информации, в качестве которого выступают государственные структуры, СМИ и лица, компетентные в сфере проблематики, обсуждаемой в публикации. Ср.:

- (14) Number of homeless in Britain expected to double by 2041, Crisis warns (Guardian, 2017, August, 10, p. 15);

- (15) Girls and social media: You are expected to live up to an impossible standard (Guardian, 2017, August, 23, p. 14).

В (14), (15) заголовки-суждения сигнализируют о последующем обсуждении глобальных «критических» проблем современности (увеличение количества бездомных людей в Британии, радикальные изменения в жизненных стандартах девочек-подростков). При объективации данной проблематики в заголовках-суждениях авторы публикаций всецело полагаются на мнения иных субъектов, таким образом снимая с себя всю ответственность за достоверность актуализованной информации. Категория эвиденциальности в заголовках-суждениях реализуется явно, поскольку эксплицитно указаны источники информации.

Маркер *(are) expected to* в этих случаях приобретает чисто эпистемическую направленность, оформляет заголовки-суждения как вероятностные. Вместе с тем данную закономерность в функционировании категории эвиденциальности мы не рассматриваем как тенденциозную: глобальные проблемы обсуждаются в 6 из 11 случаев актуализации «негативного» предиката для первого аргумента. В 4 из 6 случаев источником информации выступает сам автор публикации, т. е. для обоснования своего мнения в заголовке-суждении авторы не прибегают к иным источникам. Ср.:

(16) Murder rate expected to rise in largest US cities – but spike is unevenly felt (Guardian, 2016, December, 20, p.18);

(17) London population expected to surge as north loses workers (Guardian, 2016, May, 16, p. 9).

В (16), (17) маркер *expected to* реализует одновременно и модальное эпистемическое, и эвиденциальное значение. При этом первое значение выдвигается в заголовках-суждениях на первый план. Опять-таки, мнение авторов публикаций оформляются как вероятностные, обладающие гипотетической природой, что, как представляется, выступает прагматическим механизмом убеждения читателей в том, что современную реальность можно изменить к лучшему.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Оформляя заголовки-суждения, маркеры *be likely to* и *expected to* в зависимости от специфического контекста выступают средствами реализации эпистемической и деонтической модальности, категории эвиденциальности. При этом одно из значений может редуцироваться или, напротив, выдвигаться на передний план, доминировать в заголовке-суждении. Как показал анализ иллюстративного материала, эти маркеры всегда реализуют эпистемическое модальное значение, что предопределяется их лексико-грамматической спецификой. Локализуя отношения между первым аргументом и предикатом, рассматриваемые нами маркеры:

- неявно указывают на то, что автор является источником актуальной информации, выражает свою точку зрения как результат наблюдений над внешними обстоятельствами, которые приводят к реализации некоторого события;
- могут сопровождаться эксплицитным указанием на источник актуальной информации, когда автор не желает брать на себя ответственность за освещаемые факты или события.

2. Маркер *be likely*, инкорпорируясь в глубинную структуру предикативных отношений в рамках заголовка-суждения, уточняет эти отношения, указывая, что первый аргумент обладает достаточными характеристиками, чтобы сочетаться с предикатом. Заголовок-суждение в этом случае интерпретируется в терминах вероятности, а действительность предикативных отношений рассматривается как проблемная, поскольку освещаемый факт может и не иметь места в будущем.

3. Маркер *expected to* актуализует эпистемическое измерение, ориентирует читательское внимание на действительность предикативных отношений, фиксируемых в заголовке. При этом эпистемическое суждение явно не выявляет факта наличия источника информации, оформляется как ожидаемое, являющееся прямым следствием сложившейся социальной или политической ситуации.

4. В отдельных случаях анализируемые нами маркеры оказываются взаимозаменяемыми, однако они не манифестируют аналогичную оценку фактов или событий, как и характер предикативных отношений, отражаемых в заголовке-суждении. Эти маркеры отражают различную степень обязательства автора публикации в отношении достоверности освещаемой информации.

Список литературы

- Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: ЛКИ, 2013. 280 с.
- Богуславская В. В., Богуславский И. В. Актуализация заголовочной позиции в медиатекстах // Век информации. 2017. Т. 2, № 2. С. 109–110.
- Гаврилова Г. Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов н/Д: АкадемЛит, 2015. 412 с.
- Деминова М. А. Аксиологическая модальность в языке современной журналистики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 110–116.
- Марьянчик В. А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 151–156.
- Муругова Е. В., Постева Е. В. Прагматические функции интродуктивных предикатов эмоционального состояния в репортажном высказывании // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1 (28). С. 187–198.
- Постева Е. В. Проблема достоверности информации в аспекте ее повторного воспроизведения в британских СМИ // European Social Science Journal. 2013. № 1 (29). С. 181–186.
- Постева Е. В. Текст репортажа: интродуктивные предикаты как способ ввода эвиденциальности и эпистемической модальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (40). С. 155–158.
- Скнар Г. Д. Проблема глобального и локального выдвижения информации в монологическом и диалогическом текстах // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 655–658.
- Downing A. English Grammar. A University Course. L.; N. Y.: Routledge, 2006. 640 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman Group LTD, 2014. 877 p.
- Sargeant H. Basic English Grammar for English Language Learners. N. Y.: Saddleback Educational Publishing, 2007. Book 2. 152 p.

Материал поступил в редколлегию 26.08.2017

E. N. Klemenova¹, I. A. Kudryashov²

¹ Rostov State Technical University
69 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation

² South Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

klemenova@yandex.ru, igalk@mail.ru

HEADLINE-JUDGMENTS IN ENGLISH-SPEAKING MASS-MEDIA TEXTS: EPISTEMIC MODALITY, DEONTIC MODALITY, EVIDENTIALITY

The article analyzes the pragmatic role of *be likely to* and *(be) expected to* markers in the journalist's point of view and the actual information source expressing in the headline-judgments. For material of investigation we choose 250 publications in The Guardian Newspaper (2012–2017). On the base of contextual analyses of the headline-judgments it is argued that these markers reveal systematically their modal and evidential features, allowing the author to express relevantly his / her point of view and if necessary to distance from the opinion presented in the publication. It is shown that every marker possessing specific lexical and grammatical features contextually predetermines in a different way the limitations of the information which is actualized in the headline-judgments. This fact in its turn makes the base for their interchangeability and at the same time for their differentiating usage. On the level of the headline-judgments the basic pragmatic difference between the markers analyzed in the article is traced consistently in how they arrange the relations between

predication and the author's evaluation of the semantic content. For example, in contrast to *be likely to*, *(be) expected to* allows the author to predict the event and not to take the responsibility for the reliability of the information covered in the publication. Epistemic and deontic meaning actualizing presupposes in essence the point of view expressing, corresponding marking of the category of evidentiality. Based on the *be likely to* and *(be) expected to* markers the author arrange frequently his / her point of view as an opinion expressed by other subjects, more competent in the problems discussed. The evidential potential of *(be) expected to* is predetermined mostly by the passive syntactic structure: the point of view is arranged as reflecting the information from other subjects anticipating that the event is to take place in the near future. *Be likely to* introduces the perceptive and / or indirect evidential dimension in the headline-judgments justifying the point of view the author expresses in the publication. Arranging the headline-judgments *be likely to* and *(be) expected to* depending to the specific context turn out to be the means of the epistemic and deontic modality and evidentiality realization. One of the meanings could be reduced or, on the contrary, be foregrounded, dominate in the headline-judgments. As our analyses of the factual material shows, these markers always realize epistemic modal meaning predetermined by their lexical and grammatical peculiarities. Localizing the relations between the first argument and the predicate these markers:

- indicate indirectly that the author is the actual information source, expresses his / her point of view as the result of his / her observing the external circumstances which lead to some event realizing;
- could be accompanied with explicit indication on the actual information source when the author doesn't wish to take responsibility for covering the facts or events.

Within the frameworks of the headline-judgments *be likely to* incorporating into the deep structure of the predicative relations specifies these relations indicating that the first argument has all necessary features to combine with the predicate. In this case the headline-judgment is interpreted in terms of probability and the potency of the predicative relations is considered to be problematic as the fact covered could not be realized in the near future. *(Be) expected to* actualizes the epistemic dimension, orients the readers' attention to the effectiveness of the predicative relations fixed in the headline-judgment. The epistemic judgment does not reveal directly the information source, is arranged as expectation which is an apparent consequence of some social or political situation. The evidential marking of the headline-judgments is interpreted in our article as the important mechanism of supporting the journalistic ideals connected with the objective fact and event covering.

Keywords: headline-judgment, epistemic modality, deontic modality, evidentiality.

References

- Boguslavskaya V. V. Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov [Text modeling: linguistic and socio-cultural conception. Journalist text analysis]. Moscow, LKI, 2013. 280 p. (in Russ.)
- Boguslavskaya V. V., Boguslavskiy I. V. Aktualizatsiya zagolovochnoj pozitsii v mediatekstakh [Headline position actualizing in media-text]. *Vek informatsii [Century of Information]*, 2017, vol. 2, no. 2, p. 109–110. (in Russ.)
- Deminova M. A. Aksiologicheskaya modal'nost' v yazyke sovremennoj zhurnalistiki [Axiological modality in contemporary journalism language]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 2012, vol. 11, no. 6, p. 110–116. (in Russ.)
- Downing A. English Grammar. A University Course. London, New-York, Routledge, 2006, 640 p.
- Gavrilova G. F. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funktsional'nost' [Sentence and text: consistency and functionality]. Rostov-on-Don, AkademLit, 2015, 412 p. (in Russ.)
- Longman Dictionary of Contemporary English. L., Longman Group LTD, 2014, 877 p.
- Mar'yanchik V. A. Aksiologicheskii potentsial formy mediapoliticheskogo teksta [Axiological potential of media-political text]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 2015, vol. 14, no. 6, p. 151–156. (in Russ.)

Murugova E. V., Postevaya E. V. Pragmaticheskie funktsii introduktivnykh predikatov emotsional'nogo sostoyaniya v reportazhnom vyskazyvanii [Pragmatic functions of emotional state introductory predicates in reportage utterance]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary investigations of social problems], 2016, no. 4-1(28), p. 187–198. (in Russ.)

Postevaya E. V. Problema dostovernosti informatsii v aspekte ee povtornogo vosproizvedeniya v britanskikh SMI [Problem of information reliability in British Mass-Media]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 1 (29), p. 181–186. (in Russ.)

Postevaya E. V. Tekst reportazha: introduktivnye predikaty kak sposob vvoda evidentsial'nosti i epistemicheskoy modal'nosti [Reportage text: introductory predicate as a way of evidentiality and epistemic modality introduction]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Science. Questions of Theory and Practice], 2014, no. 10-3 (40), p. 155–158. (in Russ.)

Sargeant H. Basic English Grammar for English Language Learners. New-York, Saddleback Educational Publ., 2007, book 2, 152 p.

Sknar G. D. Problema global'nogo i lokal'nogo vydvizheniya informatsii v monologicheskom i dialogicheskom tekstakh [Problem of global and local information foregrounding in monologist and dialogic texts]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], 2014, no. 2, p. 655–658. (in Russ.)

For citation:

Klemenova E. N., Kudryashov I. A. Headline Judgments in English-speaking Mass-Media Texts: Epistemic Modality, Deontic Modality, Evidentiality. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 97–107. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-97-107

Н. В. Максимова

*Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
Красный пр., 2, Новосибирск, 630007, Россия*

maksimova1@mail.ru

ОТВЕТНЫЙ ВОПРОС В КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена коммуникативному плану вопросительного высказывания, вопросительной стратегии общения. Исследование природы ответного вопроса обусловлено трансформацией научной парадигмы: переход от изучения речи как объекта к описанию речевого поведения изменяет задачу, материал и способы его описания. Вопросная «формула» изучена прежде всего грамматически: лингводидактический план вопросительных конструкций исследован в связи с обучением иностранному языку, в том числе и русскому как иностранному. Изучение письменных монологических текстов дало описание двух важных феноменов: риторический вопрос как фигура речи и вопросно-ответный комплекс как способ развертывания текста и построения одной из важнейших текстовых форм диалогической природы. В коммуникативном аспекте ответный вопрос (как и вообще вопрос) – неизученный феномен. Вопрос ответного типа определяется как такой, который базируется на реме высказывания собеседника и на разработке этого рематического компонента. Ответный вопрос составляет базу диалога разных жанров (интервью, беседа, полилог, диспут, дебаты, дискуссия и др.) и обеспечивает коммуниканту выстраивание общения конвергентного типа, учитывающего концептуальные смыслы собеседника. Главная особенность ответного вопроса заключается в том, что лексико-семантическое содержание ремы предшествующего ему высказывания является основой всех *семантических преобразований* ответного вопроса. Возникающая в инициальном чужом высказывании рема претерпевает семантические преобразования, определяющие всю смысловую структуру ответного вопроса. Чем более глубокими являются семантические преобразования ремы-чужого в ответном вопросе, тем более выражены признаки его ответности. Еще один признак ответного вопроса состоит в формировании специфических жанров, выражающих отношения *своё / чужое*, связывающих чужое высказывание и свой ответный вопрос. В статье описывается модель вопроса ответного типа, выделяются виды ответных вопросов и условия, при которых ответный вопрос может свидетельствовать о высоком уровне коммуникативной компетентности говорящего. Три основные части статьи посвящены 1) культуре вопроса и ракурсам ее описания, 2) ответной сфере речепроизводства в соотнесенности с инициальной сферой и признаками высказывания, текста ответного типа, 3) ответному вопросу как таковому. Ответный вопрос рассматривается на примере таких его разновидностей, как вопрос-толкование, вопрос-усомнение, вопрос-перифраза и др. Ответный вопрос вводится в область интерпретирующих вопросов конвергентного диалога и соотносится с другими типами вопроса – такими, как тестовый, фатический, провокационный. В статье разрабатывается положение о том, что вопросительное высказывание – это не только коммуникативно сильная позиция, но и профессиональная компетенция, обеспечивающая эффективность деятельности в сферах «человек – человек» и «человек – текст».

Ключевые слова: инициальность – ответственность, ответная сфера дискурса, типы ответных вопросов, коммуникативная культура, коммуникативная компетентность, рема высказывания, рема ответного вопроса.

Коммуникатология всё более оформляется в виде отдельной отрасли, описывая самые разнообразные аспекты общения, создающие пограничье гуманитарного знания [Матяш и др., 2011]. Одной из таких фокусных точек, прямо связанных с описанием коммуникативных компетенций, должна стать культура вопрошания, основу которой составляет «формула» вопроса. То, как говорящие задают вопросы, осмысливается в данном случае в коммуникативном аспекте. Диалогический план культуры вопроса отчасти затрагивался в связи

с анализом риторических практик (*сократический диалог, майевтика*), но так и не вошел в качестве целостного описания в риторические учебники современности, в пособия по культуре общения, интервьюирования, в описания стратегий и тактик речевого поведения. В важнейших пособиях по риторике, неориторике, коммуникатологии, психологии общения, теории коммуникации нет разделов или подразделов, так или иначе посвященных культуре вопроса, вопросительной стратегии коммуникации. Вопрос изучен прежде всего грамматически: лингводидактический план вопросительных конструкций исследован в связи с обучением иностранному языку, в том числе и русскому как иностранному.

Изучение письменных монологических текстов как доминанты исследовательского материала приводит к двум ракурсам изучения вопроса, к двум подробно описанным явлениям: 1) риторический вопрос как фигура речи, 2) вопросно-ответный комплекс как способ развертывания текста и построения одной из важнейших текстовых форм диалогической природы.

Трансформация исследовательской парадигмы – от изучения речи как объекта к описанию речевого поведения (деятельностного феномена) – изменяет задачу, материал и способы его описания. Исследование диалоговых аспектов коммуникации, изучение устной речи, речевого поведения и в целом процессов коммуникации обогащает представление о функции и статусе вопроса: вопрос – это уже не форма высказывания, отмеченная соответствующей целевой установкой, это уже не просто риторический прием или способ организации текстовой формы. Вопрос становится действием-фреймом – значимым содержательно, функционально для ситуации общения в целом: без него невозможно понять движение разных типов диалога. А противоположные в коммуникативном плане вопросы меняют качество коммуникации.

Интересны попытки осмыслить вопросительную форму высказывания в контексте значимых способов презентации общения, осуществления коммуникативных действий в поле «Я – Другой». Профессор С. Г. Ильенко, говоря о коммуникативной оси «Я – Ты», особо отмечает, что среди трех типов предложений по цели высказывания (повествовательное, побудительное, вопросительное) именно вопросительный тип обладает максимальной направленностью к собеседнику – как запрос на его ответное речевое действие [СРЯ, 2016. С. 173–183]. В отличие от двух других типов вопросительный тип высказывания требует *ответного слова*: слова-действия, слова-поступка. Побудительное же высказывание требует *ответного действия* собеседника, которое может быть как вербальным, так и невербальным (при этом невербальный ответ происходит чаще (*садитесь, нарисуйте, уйдите...*), так как речевое действие в данном случае – это одно из многих других типов действий). Овладение культурой вопроса во многом обеспечивает говорящему коммуникативно сильную позицию как в общении, так и в когнитивных процессах в целом. Примечательно, что в указанной работе вопросительная конструкция трактуется именно как знак *сильной позиции в коммуникации* [Там же].

Если вопрос – это коммуникативно сильная позиция в диалоге, то ответный вопрос – это профессионально сильная позиция. Прежде всего для журналистов, а также для всех, кто работает в сферах «человек – человек» и «человек – текст». Какова же суть ответного вопроса в аспекте коммуникативной культуры говорящего? Умение задать ответный вопрос означает определенный уровень владения рядом когнитивно-коммуникативных действий. Сюда входят способность строить вопрос в соответствии не только со своими смыслами, но и со смыслами собеседника, высказываемыми здесь и сейчас; умение уточнять, переоформлять, развивать, углублять позицию и концепцию собеседника; сопоставлять, конфигурировать мнения собеседников и задавать новый ракурс диалога; порождать и оформлять продуктивный вопрос, объединяющий свое и чужое видения; критически оценивать суждение и предполагать неоднозначность позиции собеседника, возможность ее усомнения через вопрос; строить контраргумент-вопрос; логически прогнозировать ответ путем запроса недостающей информации и анализировать коммуникативную ситуацию в целом. Уровень коммуникативной компетентности в сфере вопрошания маркирует в целом диалогическую культуру эпохи. Слабая освоенность коммуникантами этой сферы и ее недостаточная представленность в исследовательских работах, видимо, являются знаками того, что культура диалога еще не состоялась вполне.

* * *

Понятие ответного вопроса связано с противопоставлением ответной и инициальной сфер фразо- и текстообразования. Инициальность / ответственность как характеристика речемыслительного произведения выступает существенным параметром для различения типов коммуникативных стратегий, это один из исходных параметров анализа коммуникативного взаимодействия в целом. Из двух сфер ответная сфера несравнимо менее изучена, в силу чего и само различение инициальности – ответственности (первых – вторых реплик, вызова – ответа и т. п.) не производится последовательно при анализе речевых действий.

Диалогическое слово, как показал М. М. Бахтин, – слово двунаправленное, слово ответное. Способность к ответному слову принадлежит более общей человеческой способности – к ответной позиции конвергентного характера. Слабая развитость процессов диалогического мышления и их лингвокультурологическая неотрефлексированность предопределяют и характер метаописаний, где категория ответственности является мало разработанной. В то же время можно выделить отдельные попытки исследования ответной сферы как самоценной. Так, в «Проблемах поэтики Достоевского» М. М. Бахтин выделил три типа слова: 1) прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово как выражение последней смысловой инстанции говорящего; 2) объектное слово (слово изображенного лица); 3) слово с установкой на чужое слово – двуголосое слово [1979. С. 227–239]. Референциальную основу ответственности, по Бахтину, составляет принцип «удвоения» текстовых референций: «...рядом с предметным смыслом появляется второй смысл – направленность на чужое слово. Нельзя вполне и существенно понять такое слово, учитывая только его прямое предметное значение» [Там же. С. 227].

В работах Н. Д. Арутюновой введены различия языковой и жанровой структур «первой» и «второй» реплик. Автор показывает, что дифференциация сфер первых и вторых реплик затрагивает важнейшие основания, формирующие коммуникативную единицу, – прагматические, референциальные, языковые [1990. С. 176–177]. А. Б. Пеньковским инициальная и ответная сферы обозначаются как «вызов» и «ответ», при этом автор формулирует положение, определяющее их равный статус: «Ответ – не следствие вызова, вызов – не причина ответа <...> Ответ <...> – интенция, инициатива. Отсюда – возникающая ответственность за ответ и не-ответ» [1999. С. 130]. В статье А. Б. Пеньковского совершается важная попытка осмыслить сферу «вторых реплик» как интенционально самостоятельную область, не просто имеющуюся по отношению к инициальной сфере, но обладающую той же мерой инициативности и ответственности. Выделяя *режимы положительного ответа и типы сознания субъекта ответного действия* [Там же. С. 132], автор рассматривает их по отношению к широкой социокультурной среде и ставит вопросы о причинах и основаниях функционирования сферы ответственности.

В ответном тексте действует принцип «удвоения», двунаправленности, что естественным образом означает усложнение ответного текста по сравнению с инициальным. Особую сложность внутреннего устройства «второй реплики» по сравнению с «первой» отмечает Н. Д. Арутюнова [1990. С. 181–182]. Поэтому коммуникативные стратегии «инициирования – ответа» весьма различны. Так, например, последовательное различение параметров инициального / ответного текста-ментатива с определенностью позволяет говорить о формировании в его ответной структуре целого ряда коммуникативных стратегий (развитие, применение, отрицание, толкование, переоформление, комментирование, оценка и др.). Сфера ответственности обладает высоким диалогическим потенциалом, чем обусловлено функционирование в ней и ответного вопроса. При этом создаются специфические особенности композиционной, тема-рематической и связочно-медиальной структур ответного типа (подробнее об этом см. в работе: [Максимова, 2006]).

Как отмечалось, исследование ответной сферы речепроизводства является до сих пор мало изученной областью. Вероятно, поэтому одна из ассоциативных реакций на словосочетание «ответный вопрос» связана с образом знакомого клише «ответить вопросом на вопрос». Как видим уже из сказанного выше, речь идет совсем об ином, данная ассоциация здесь не работает.

* * *

Все вопросы можно разделить на инициальные и ответные, а также выделить переходные области, где ответное и инициальное начала конкурируют между собой. В чем же состоит специфика смысловой структуры ответного типа, в том числе вопросительной? Инициальные вопросы одночастны, они начинаются собственно с вопроса и не задействуют предшествующую вопросу рему, актуальный для собеседника смысл: *Где ... ? Кто ... ? Когда ... ?* Ответные вопросы подчиняются двучастной модели: *Вы сказали, что... – Почему... ?; Вот вы говорите, что... – Как именно... ?*

Как известно, в вопросительном предложении рема – это само вопросительное слово (и его грамматическая группа), а тема, соответственно, – всё остальное. Процесс формирования ответного вопроса можно представить в виде последовательности шагов: *исходное актуальное высказывание собеседника (обладающее ремой-1 (P-1)) – ответный вопрос (где P-1 преобразуется в тему вопроса) – ответ с новой ремой (P-2) – ответный вопрос (где P-2 (рема ответа-2) преобразуется в тему вопроса) – ответ с новой ремой (P-3) – ответный вопрос (где P-3 преобразуется в тему вопроса).*

Прокомментируем важнейшие признаки этого процесса, свидетельствующие о становлении вопроса ответного характера. Прежде всего, это специфика тема-рематических отношений ответного вопроса и предшествующего ему тезиса. Главное здесь то, что лексико-семантическое содержание ремы-ответа является основой всех *семантических преобразований* ответного вопроса. Введенная в инициальном чужом высказывании рема имеет семантические преобразования, охватывающие всю смысловую структуру ответного вопроса. Чем более глубокими являются семантические преобразования ремы-чужого в ответном вопросе, тем более выражены признаки его ответности. Еще один признак ответного вопроса состоит в формировании специфических жанров, выражающих отношения свое / чужое, связывающих чужое высказывание и свой ответный вопрос. Рассмотрим эти виды вопросов.

Вопрос-толкование. Его цель – прояснение, уточнение позиции собеседника, проверка понимания. Речевые клише: *Правильно ли я понял, что... ? Что вы имеете в виду, когда говорите о ... ? Что обозначает употребленное вами слово ... ? Какие основания у вас есть, чтобы это утверждать? Что лежит в основе вашей позиции?*

Вопрос-перифраза. Задача – найти другую, более выразительную форму для воспринятого смысла, установить понимание через переоформление, перефразирование. Речевые формулы: *По-другому это можно назвать так-то? А если это назвать с помощью... ? Может ли этому соответствовать метафора... ? На языке советской идеологии это так называлось? А этот термин здесь не подойдет?*

Вопрос-подтверждение. Его задача – поддержать позицию собеседника через применение услышанного от собеседника тезиса к новой ситуации, через перенос на новый материал, через нахождение новых оснований и доводов – как фактических, так и логических. Речевые клише: *Если это так (как вы говорите), то подходит ли сюда такой пример ... ? А этот случай не подойдет в качестве подтверждения вашей позиции? Как это будет выглядеть применительно к ... ? При каких условиях ваш тезис (это правило) остается в силе?*

Вопрос-усомнение. Задача – в той или иной степени мягко, косвенно отрицать, поставить под вопрос, под сомнение утверждение собеседника. Речевые формулы: *Разве это подтверждается тем-то? Разве это не противоречит тому-то? Насколько правильно говорить о ... ? Не опровергает ли такой пример исходное положение?*

Вопрос-развитие. Его цель – частично отрицая тезис собеседника, увидеть в нем в то же самое время и рациональное зерно и обогатить его иным взглядом (другой точкой зрения, антитезисом), вместе с которым образуется новый смысл, продвижение исходного понимания. Модель развития: тезис – антитезис – синтез. Задача задающего вопрос – найти, наметить в самом вопросе такой антитезис, который приведет к синтезированию нового понимания. В процессе вопроса-развития происходит поиск «точек схождения», конвергенции, взаимодействия разных позиций, компромисса.

Обобщая сказанное, обозначим различие, важное при противопоставлении инициального и ответного типов вопросов. Инициальная вопросительная стратегия строится на однократовой модели беседы: вопрос-ответ. Модель этого такта может повторяться многократно, однако главное – то, что тема-рематическая структура инициальных вопросов обусловлена

не актуальностью высказывания собеседника, а интересами спрашивающего – например, интервьюера, который ведет беседу исходя из своих смыслов. По сути, даже для жанра интервью это простейший способ его осуществления, демонстрирующий лишь элементарный уровень коммуникативной компетентности журналиста. Ответный вопрос принадлежит многофазовой модели, образующей разработку темы: сцепка ремы ответа и тема-рематического комплекса вопроса в качестве одной из доминирующих стратегий удастся только немногим журналистам. Назовем, например, Эвелину Закамскую (канал «Россия-24»), Виталия Третьякова (передача «Что делать?»), Андрея Максимова (передача «Наблюдатель», телеканал «Культура»), Александра Архангельского («Тем временем»), ведущую передачи «Слово» (канал «Спас»). Им свойственна ответно-вопросная стратегия: журналисты, строя вопрос, попадают в рематическое ядро высказываний собеседников.

* * *

Обозначенные виды ответных вопросов нуждаются в определении их места в общей картине вопросов, отражающих разные целевые установки говорящих. Наметим эту вопросную картину в соотнесенности с ответным вопросом и в целом со сферами инициальности и ответности.

Одним из самых узнаваемых типов является *фатический* вопрос, направленный на установление и поддержание контакта. Это выраженный инициальный вопрос, в наиболее явном виде функционирующий в ситуациях начала разговора, знакомства, заполнения паузы и др. К фатическим могут относиться вопросы о погоде, о самочувствии; это узнаваемые формулы *Как дела? Как ты? Всё ли в порядке?* Фатическую функцию выполняют, безусловно, не только вопросы, но именно они заставляют собеседника «заговорить», реагировать словом, устанавливая исходный коммуникативный контакт. При анализе реального общения характеристиками фатического вопроса могут обладать псевдовопросы, характеризующиеся ситуативным ослаблением когнитивной содержательности (псевдоинтервью, псевдоучебный диалог, псевдодискуссия и др. типы «пустого разговора», когда крайне ослаблена содержательная составляющая). В отличие от фатического другие вопросы предполагают установку собственно на предметное содержание, не исключая при этом фатической стороны, контактной функции.

Еще одним типом является *тестовый* вопрос. Отличительная его черта – ожидание правильного ответа. Оба коммуниканта или один из них (тот, кто задает вопрос) общаются исходя из оценки высказываний собеседника как правильных (совпадающих со своими представлениями) или неправильных. Осуществляется своего рода тест. Ожидание правильного ответа сопровождается наводящими вопросами, подсказывающей интонацией, специальными риторическими приемами. Из всех ответов, которые слышит спрашивающий, выделяется правильный, что и является своего рода пределом такого диалога. Тестовый вопрос характерен для определенного типа коммуникации: говорящий, имеющий установку на обладание правильными ответами, риторически ведет себя с собеседником так, что ожидает совпадения со своим «ответом». Несовпадение приводит к эффекту несовместимости. Поскольку полного совпадения быть не может, то в пределе возникает угроза тотальной несовместимости и коммуникативной изоляции. «Неправильное» игнорируется, не представляя ценности. Все, не прошедшее тест, – это «чужие», а прошедшие успешно – «свои». В силу этого *почему*-вопросы и аргументирующие конструкции являются необязательными. Разворачивающийся диалог отличается отсутствием обсуждения оснований.

Вопросы *информационного* типа – это вопросы, нацеленные на фактологическое знание, их предел – обладание информацией: *Кто ... ? Что ... ? Где ... ? Когда ... ?* Целый ряд журналистских жанров предполагает доминанту именно такого запроса информации.

Провокационные вопросы составляют целую область речевого поведения. Отдельных коммуникантов отличает доминантный характер провокационного речевого поведения. В области научного диалога и образовательных технологий провокационные вопросы берут свои истоки в сократическом диалоге. Майевтика как особая система риторических приемов, усомневающих исходное знание и приводящих к знанию новому, во многом базируется на вопрошающей стратегии. Это вопросы «от противного», мысленный эксперимент (*Что было бы, если ... ?*), вопросы-ловушки, включающие недостающее условие. Вопросы-прово-

кации используются для обнаружения ложного представления, проверки остроты ума собеседника, для достижения комического эффекта и разрядки ситуации, а также для «уведения в сторону», манипуляции. В межличностном общении вопросное провоцирующее поведение может быть основано на шутке или на интригующем адресата высказывании. Здесь можно наблюдать целый пласт средств, требующих отдельного описания и систематизации. А в художественном произведении диалог автора и читателя может строиться на известном эффекте обманутого ожидания: читательская антиципация преодолевается за счет использования «стертого приема» (Ю. Тынянов) как некой ловушки, в которую попадает читатель и благодаря которой разворачивается сюжетная интрига.

Провокационные вопросы – ступень к такому типу вопросов, которые организуют диалог понимания. Это *интерпретирующие* вопросы, к ядру которых относятся и вопросы ответного характера (вопросы толкования, перефразирования, применения, усомнения, развития, комментирования). Сюда же относятся и вопросы об основаниях, аргументах (*Почему ... ?*), качественно меняющие сам тип общения. Предъявление оснований версии – существеннейшее звено диалога, преодолевающее фатику и тест, переводя их в разговор по сути, с установкой на понимание. Так, в учебном диалоге трансформируется в целом тип обучения: технологии, обеспечивающие «школу памяти», сменяются технологиями «школы понимания».

Ответные интерпретирующие вопросы исходят из того, что позиции спрашивающего и отвечающего принимаются на равных и составляют равномочные основания диалога, подлежащие согласованию, конвергенции: «ситуация, когда минимальной смысловорождающей единицей является не один язык, а два, создает целую цепь последствий» [Лотман, 1992. С. 16].

В журналистской коммуникативной культуре современности можно наблюдать конкуренцию двух векторов: 1) инициальную дискурсивность (говорить свое, новое), 2) ответную дискурсивность (понимать происходящее, сказанное). На макроуровне дискурса знаковым с точки зрения развития второго вектора стало, например, появление на канале «РБК» программы «ЧЭЗ» («Что это значит?») – успешный проект, демонстрирующий пример реализации ответственности в сфере макропозиции вопроса-толкования.

Вопросные формы ответственности отражают продуктивные модели диалога, характеризующиеся такими признаками, как взаимодействие на основе принципов дополнительности, поиска общих смыслов, точек пересечения, гармонизирующего типа общения, субъект-субъектного типа отношений, на основе идеи развития, когда разные понимания уточняют, продвигают предмет мысли, но не сливаются от этого в единственное понимание.

Выделенные типы вопросов представляют собой парадигму функций, применимую к различным сферам взаимодействия и достаточно явно обнаруживаемую в самых разных типах дискурса – журналистском, общественно-политическом, образовательном, научном, межличностном.

Если говорить об уровнях коммуникативной компетентности [Матяш, 2011. С. 518], то одним из способов критериального анализа и диагностики подобных уровней, несомненно, должна выступать вопросительная стратегия: владение способами вопрошания в диалоге, которое можно рассматривать в двух аспектах. Первый: уровень коммуникативной компетентности говорящего тем выше, чем в большей степени освоены все основные ступени перехода от инициального вопроса к ответному. Второй: освоенность вопросной формы диалога как таковой – наряду с повествовательной и побудительной. Предварительные направленные наблюдения за студентами, школьниками, взрослыми людьми обнаруживают неумение задавать вопрос ответного типа, подмену вопроса побуждением, в том числе косвенным. Мы вообще больше любим советовать, просить (прямо или косвенно), а также «рассказывать», повествовать, нежели спрашивать – слышать ответ и продолжать диалог исходя из услышанного. Особенно страдают вопросительные действия, основанные на фреймах толкования, развития, перефразирования, применения.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.

- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
- Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 317 с.
- Матвеев О. И. и др. Межличностная коммуникация. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
- Пеньковский А. Б. Глагольное действие *sub specie adverbiorum*: 2. Ответные действия и языковые ответы // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 1995. С. 128–133.
- СРЯ – Современный русский язык. Синтаксис / Под общ. ред. С. Г. Ильенко. М.: Юрайт, 2016. 393 с.

Материал поступил в редколлегию 09.01.2018

N. V. Maksimova

*Novosibirsk Institute of Promotion Qualification
and Retraining of Educators
2 Krasnyi prospekt, Novosibirsk, 630007, Russian Federation*

maksimova1@mail.ru

ANSWERING QUESTION IN COMMUNICATIVE CULTURE

The article is devoted to communicative aspect of interrogative pronouncement, interrogative strategy of communication. The investigation of answering question's nature is conditioned on scientific paradigm's transformation: transfer from investigation of speech as an object to description of speech behavior changes task, material and methods of its description. The «formula» of question is learn mainly grammatically: *lingua-didactical* aspect of interrogative constructions is studied because of foreign languages acquisition, including Russian as foreign. Investigation of written soliloquy texts gave description of two important phenomenons: rhetorical question as discursive schema and question-answer complex as the way of text development and construction of one of the most important textual forms of dialogic nature. In communicative aspect the answering question (as a question in general) is non-studied phenomenon. The answering question is defined as the one that is based on the interlocutor pronouncement's rhema and on the development of this rhematic component. The answering question constitutes base for different genres of dialogue (interview, conversation, polylogue, dispute, debates, discussion etc.) and provides for communicant the construction of convergent intercourse taking account of conceptual senses of interlocutor. The main specific of answering question is that lexic-semantic content of foregoing pronouncement's rhema is the base for all *semantic transformations* of answering question. Emerging in initial alien pronouncement rhema undergoes semantic transformations determining all sense structure of answering question. The deeper are semantic transformations of alien rhema in answering question, the more explicit are signs of its answering nature. One more sign of answering question is forming of specific genres showing relations *own / alien*, connecting alien pronouncement and own answering question. In the article the model of answering question is described, types of answering questions are marked out, and circumstances under which the answering question can be evidence of high level communicative competence of speaker. Three main parts of the article are devoted to: 1) culture of question and perspectives of its description, 2) answering area of speech-production in coordination to initial area and signs of pronouncements, texts of answering type, 3) answering question itself. Answering question is being examined on the example of such its varieties as question-interpretation, question-doubt, question-periphrase etc. Answering question is being inserted into area of convergent dialogue's interpreting questions and coordinated to other types of question – such as test, fatigue, provocation questions. The article works up the thesis that interrogative pronouncement is not only strong communicative position, but also professional competence providing effectiveness of activity in areas «*man – man*» and «*man – text*».

Keywords: question-answer complex, answering area of discourse, types of answering questions, communicative culture, communicative competence, pronouncement's rhema, answering question's rhema.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1999, 896 p. (in Russ.)

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1979, 318 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnozis, 1992, 272 p. (in Russ.)

Maksimova N. V. «Chuzhaya rech'» kak kommunikativnaya strategiya [«Other's speech» as communicative strategy]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU, 2005, 317 p. (in Russ.)

Mat'yash O. I. et al. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya* [Interpersonal communication]. St. Petersburg, Rech', 2011, 560 p. (in Russ.)

Pen'kovskii A. B. *Glagol'noe deistvie sub specie adverbiorum: 2. Otvetnye deistviya i yazykovye otvety* [Verbal action sub specie adverbiorum: 2. Response actions and linguistic responses]. *Grammaticheskie kategorii i edinitsy: sintagmaticheskii aspekt* [Grammatic categories and units: syntagmatic aspect]. Vladimir, VPGU Press, 1995, p. 128–133. (in Russ.)

Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis [Modern Russian language]. Ed. by S. G. Il'enko. Moscow, Yurait, 2016, 393 p. (in Russ.)

For citation:

Maksimova N. V. Answering Question in Communicative Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 108–115. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-108-115

**КОММУНИКАТИВИСТИКА СОВРЕМЕННОСТИ:
ВЕКТОРЫ АНАЛИТИКИ**

**(VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»)**

3 ноября 2017 г. в Новосибирском государственном университете прошла VII Международная научно-практическая конференция «Коммуникативная культура: история и современность». В отличие от предыдущих шести, организаторами которых был факультет журналистики НГУ, эта конференция имела расширенный междисциплинарный характер. Помимо традиционного обсуждения проблем журналистики и масс-медиа, на ней рассматривались идеологемы социально-политических коммуникаций, лингвистические проекты, полезные в различных коммуникациях, а также особенности трансляции знаний в вузовском образовании.

Выходом за рамки традиционной журналистской повестки было отмечено и содержание пленарного заседания. Его открыл доклад политолога, заведующего кафедрой государственного и муниципального управления Сибирского института управления (филиал РАНХиГС при Президенте РФ) Д. В. Березнякова. Основное внимание в докладе было уделено изучению формирования политической повестки и практикам ее продвижения в каналах коммуникаций. Социальные проблемы вслед за Н. Кристи и К. Бруун, изучавшими скандинавскую политику борьбы с наркотиками, названные «удобными врагами» государства, Д. В. Березняков рассмотрел в русле стратегического поведения силовых ведомств, нацеленного на обеспечение своего стабильного функционирования. Как было показано, на видимой неустрашимости этих социальных проблем выстраиваются карьеры сотрудников, а секьюритизированная социальная проблема превращается в объект деятельности профессионалов-технократов и спецслужб, не заинтересованных в том, чтобы в решении данных проблем участвовало гражданское общество. В конечном счете логика секьюритизации формирует ведомственную монополию на формулирование проблем и способов их решения, в своем пределе переводя политический процесс в состояние чрезвычайного положения.

Коммуникативные аспекты урбанистики нашли освещение в пленарном докладе Ольги Пак (Karlsruhe Institute of Technology, Германия) «Город как средство коммуникации: к вопросу о глобальных карго-культурах и локальных структурах чувствования». В рамках коммуникативистики возможны разные подходы к изучению городской тематики: город рассматривается как коммуникативное пространство, как сплетение коммуникационных потоков, как исторический текст с присущим ему символическим ландшафтом и сложившейся мифологией, наконец, город является своеобразным коммуникатором и коммуникативной стратегией. В последнем случае он становится витриной объектов потребления, где играют свою роль сценарии геополитического торга. В докладе город рассмотрен в глобальном и локальном контекстах, отмечено, что тотальным явлением следует признать формирование городских карго-культур: продвижение неолиберальной формы городского существования как желанного блага, реализуемое в практике копирования образа «глобального города». «Глобальный город» предстает при этом как эталон с его «глобальной» инфраструктурой архитектурой зрелищности, дискурсами городской «успешности». Основным трендом современной урбанизации признана ориентация на «взгляд извне», подчинение гегемонии неолиберальной глобализации и экономике глобального распределения внимания. Докладчица привела примеры того, как «невидимые города» жаждут стать видимыми, проявляя феномен своеобразного эксгибиционизма (башня «Кристалл» высотой 280 метров в Ханты-Мансий-

ске, Penang Global City Center в малазийском Пенанге), и резюмировала, что политика мифа глобального внимания затуманивает каузальность, приводит к пренебрежению локальными структурами чувствования и опыта, подменяет стремление к улучшению локальной жизни стремлением быть глобально заметным.

Современному публицистическому дискурсу был посвящен доклад заместителя директора, заведующей кафедрой теории и истории журналистики Гуманитарного института НГУ О. Д. Журавель. Она сосредоточилась на основных риторических стратегиях традиционалистской и консервативной публицистики конца XX – начала XXI в., обозначив ключевые концепты и мифологемы, организующие дискурсивные практики традиционализма 1990-х гг. и консерватизма 2000-х (от В. Распутина до А. Дугина и А. Проханова). Было отмечено, что к традиционным ценностям апеллируют А. Проханов и Э. Лимонов, М. Тарковский и А. Дугин, Захар Прилепин, С. Шаргунов и ряд других современных писателей и публицистов. Тексты современных консерваторов рассматривались в историческом контексте, что позволило обнаружить черты преемственности как с публицистикой начала XX в. (с присущим ей софийным идеализмом, утопизмом и эсхатологизмом), так и с одной из магистральных линий российской идеологии, уходящей в начало XVI в. Так, например, было отмечено, что ностальгия по СССР в статьях традиционалистов парадоксально переплетается с утопией Святой Руси, с глубинными архетипами, свойственными национальной мифологии (архетипы почвы, Матери-Земли, Отца и Батюшки-царя, Великой единой семьи и т. д.). Категории «конца истории», священной империи как мифопространства и сверхнациональной русской нации коррелируют с центральными мифологемами концепции Третьего Рима. При этом в текстах консерваторов охранительный импульс начинает сочетаться с модернизирующим (понятие сетевой империи А. Проханова, дугинский мифопоэтический образ Радикального Субъекта как актора Новой Метафизики). При помощи лозунгов, в изобилии представленных в современной сетевой публицистике, доктрина консерваторов функционирует как миф, который остается важнейшим коммуникативным средством.

Традиционно в рамках новосибирской конференции рассматривались вопросы медиаобразования и профессиональной подготовки специалистов для медиаиндустрии. Руководитель департамента медиа Факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ Высшей школы экономики И. В. Кирия на пленарном заседании рассказал о том, что представляет собой креативность в медиапрофессиях и как ее развивать в университете. «Чтобы учить креативности, нужно самим быть креативными», – считает Илья Кирия. Однако как реализовать это качество в условиях современной российской вузовской системы? Обозначив основные вызовы российской университетской модели, среди которых медиатизация всех сфер жизни, новая экосистема компетентностей, востребованных индустрией, докладчик высказал мысль, что наилучшим образом ответить на эти вызовы способен новый образовательный стандарт медиакоммуникаций. Именно в нем, по мнению И. В. Кирии, сочетаются алгоритмика и программистское мышление с проектным менеджментом и сторителлингом. Важным условием эффективности нового стандарта должна быть смена стереотипов в вузовской системе. Как считает И. Кирия, не надо готовить «солдат для конвейера», намного важнее готовить креативных, нестандартно мыслящих людей. Спикер привел примеры удачных мультимедийных проектов, реализуемых в Высшей школе экономики: «Книги быстрого приготовления» и музейные проекты, в подготовке которых участвовали и продюсеры, и преподаватели, и группы студентов. Кроме того, стратегия профессионального образования, по мнению докладчика, должна учитывать как профессионализацию, так и репрофессионализацию аудитории. «Больше нет аудитории, – сказал И. Кирия, – есть пользователи, которые вместе с нами создают контент». Дело профессионалов – формировать у аудитории навыки ориентации в медиапространстве.

О том, что могут дать журналистике междисциплинарные лингвистические проекты, рассказала профессор И. В. Шапошникова (Новосибирский государственный университет), завершившая программу пленарного заседания. Говоря о кризисных процессах в современной гуманитарной сфере, унаследованных от периода «смыслоутратности» («смутного времени» 1980–1990-х гг.), И. В. Шапошникова отметила, что подобные проблемы можно видеть и в журналистике. Они не только осложняют профессиональную идентификацию, но и снижают эффективность коммуникации во всех социальных сферах, в частности в межэтниче-

ском общении. Докладчица познакомила аудиторию с методами считывания информации со смыслового поля культуры, которыми располагает современная междисциплинарная лингвистика, наметив область совместных интересов журналистики и психолингвистики. Она рассказала о российских проектах, подготовленных за последние десятилетия психолингвистами. Так, проект СИБАС (Русская региональная ассоциативная база данных), созданный изначально в НГУ (его авторами являются И. В. Шапошникова и А. А. Романенко), развивается совместно с Институтом филологии СО РАН и целым рядом ведущих вузов России. Имеющаяся база позволяет уже сейчас выявлять психоглоссы, маркирующие противоречия «смыслоутратности» в структуре языкового сознания русских. По мнению И. В. Шапошниковой, это может использоваться в комплексной гуманитарной экспертизе при распознавании актуальных социальных проблем. Сетевая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания обладает как инерционностью, так и изменчивостью, что позволяет исследовать эмерджентность психически актуальных явлений на макро- и микроуровне. Этот ресурс может использоваться и для решения исследовательских и учебных задач разной сложности в процессе подготовки не только лингвистов, но и журналистов. Однако применение психолингвистических методов для изучения этнокультурной коммуникации имеет ряд ограничений и должно подкрепляться данными других наук.

Аналитические векторы, намеченные на пленарном заседании, были продолжены в работе секций. Особенности журналистского дискурса столичного и провинциального города рассматривались в разных секциях, в том числе в историко-журналистской. Новые источники по истории региональной журналистики, исследованные в современном методологическом ракурсе, были представлены в докладах Н. В. Жиликовой и А. С. Жиликова «Специфика передовой статьи в сатирическом журнале «Силуэты жизни родного города» – «Силуэты Сибири» (1909–1910, Томск)», Ю. В. Шатина «Журнал “Настоящее” – попытка сибирского авангарда». В ряде докладов обсуждалась проблема формирования профессиональной идентичности журналиста. Новые источники позволили актуализировать вопрос самоопределения авторов ведомственной печати (доклад И. Г. Адоньевой о сотрудничестве юристов второй половины XIX в. в изданиях разной идейной направленности), проследить коммуникации внутри цензурного ведомства (Н. Н. Бессонова), коснуться гендерных проблем (А. А. Старышкина, доклад о профессиональной идентичности русских журналисток конца XIX – начала XX в. в отражении их эго-текстов). Бытовая культура, повседневное поведение сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. на материале путевых заметок, отчетов о путешествиях исследовались в докладе И. С. Козловой. Медийные репрезентации исторических событий получили освещение в выступлениях В. С. Байдиной и А. М. Барсукова, в докладе М. М. Маркасова поставлена проблема исторической личности как феномена современных масс-медиа.

Большое внимание на конференции было уделено новым технологиям и процессам в медиаиндустрии. В. Е. Беленко, заведующая кафедрой массовых коммуникаций НГУ, обратилась к изучению геймификации – явлению, совсем недавно ставшему предметом российских медиаисследований. Определив геймификацию как использование игровых элементов и механик в драматургии журналистского произведения с целью привлечения к информационному контенту молодой аудитории и включения ее в осмысление социально значимых проблем, докладчица ознакомила с типологией геймифицированных проектов в англоязычных СМИ. Как отметила выступающая, «идеальная (т. е. “журналистская”) модель геймификации медиаконтента – проекты, в которых СМИ помогают аудитории осознать или даже решить социальную проблему, разобраться в неочевидных процессах, способствуют гражданским общественным активностям». Подобное понимание порой противоречит задачам маркетологов, которые видят в аудитории потенциальных покупателей. Тем не менее, как считает В. Е. Беленко, СМИ своими проектами геймификации стремятся повысить осведомленность аудитории, помочь ей сориентироваться, выработать свою позицию по актуальным социальным вопросам. Таким образом, работа идет с традиционными для любых СМИ аспектами социального функционирования граждан.

На конференции получили широкое освещение новые явления в медиасреде сибирского региона. Неудачные рекламные коммуникации на новосибирском телевидении (ВГТРК) исследовала профессор НГУ И. В. Высоцкая, выявив не только нарушения юридических и эти-

ческих норм, но и социальную реакцию на нарушения, демонстрирующую возможность влияния на рекламу общества. Инфографику на страницах интернет-журнала «Сиб.фм» исследовала И. Г. Катенева (НГПУ), выявив эффективность ее применения в рекламных проектах, в первую очередь в скрытой рекламе. С визуальными репрезентациями истории науки и электронным ресурсом-агрегатором «Новости сибирской науки», запущенным в 2015 г., познакомили научные сотрудники ГПНТБ СО РАН – З. В. Вахрамеева, И. А. Павлова, Ю. А. Юдина. О том, как представлены сибирские ученые в текстах российских информационных агентств, печатных СМИ и интернет-изданий, рассказала преподаватель научной журналистики в НГУ, начальник Управления по пропаганде и популяризации научных достижений СО РАН Ю. С. Позднякова. Социальные последствия трансформации современной медиакультуры, преобладания визуальных форм в условиях развития цифровых технологий стали предметом внимания профессора В. Д. Мансуровой (АлтГУ). Отметив процесс индивидуализации коммуникантов, самоидентификации их вне социальных и культурных реалий страны, докладчица привела пример альтернативного мультимедийного проекта, направленного на развитие самосознания российской аудитории как социальной общности «с великой историей и созидательной культурой» (речь шла об информационном портале www.iz.ru газеты «Известия», «Ren TV», «5 канал TV»).

Большой интерес вызвали доклады, посвященные межкультурным коммуникациям. О том, как студенты Новосибирского государственного университета, изучающие иностранные языки, обретают опыт межкультурного общения в процессе производственной практики, рассказала заведующая кафедрой романо-германской филологии А. Л. Соломоновская. Отражение межкультурных конфликтов в современном художественном дискурсе на материале англоязычной литературы исследовала В. В. Коротева, а О. А. Рыжкина познакомила с результатами анализа международных дискурсивных практик в изучении Русской революции 1917 г. Стратегиям преподавания иностранных языков были посвящены доклады С. И. Филиппова, И. Л. Филиной и К. В. Филиной.

Большой интерес аудитории вызвал доклад А. Ф. Фефелова. Обращаясь к семантике прилагательных *black* и *white* в современном американском дискурсе, докладчик отметил, что речевое регулирование подачи имплицуемой ими расовой и расистской темы наталкивается на традиционные представления о символике белого и черного цветов, не имеющие практически никакого отношения к современной расистской проблематике. Белый цвет воспринимается спонтанно как нечто хорошее, а черный – как нечто мрачное, темное. Метафорика черно-белых обозначений стала специфической на фоне развития постколониальной ментальности, привлекая к себе внимание чернокожего населения постколониальной Африки и Америки. Несмотря на то что традиционная метафорика возникла вне прямой связи с расистским дискурсом и никоим образом не детерминировала его, в США возникла потребность ее переосмыслить. Корректный анализ современного англоязычного сензитивного дискурса, связанного с семантикой белого и черного, требует, по мнению А. Ф. Фефелова, соблюдения ряда условий. К ним относятся: четкое определение геокультурных координат и идеологических установок его отправителя и получателя, корректное разграничение расовых и расистских употреблений лексем. Докладчик высказал пожелание осторожного употребления ряда устойчивых выражений (таких как, например, «полюбите нас черненькими...») в современной медийной ситуации, поскольку в условиях политико-идеологической игры на столкновении двух систем оценочных значений они могут вызвать неоднозначную реакцию.

В перерыве между сессиями конференции происходило живое обсуждение поднятых вопросов. Один из них касался ключевых особенностей современной коммуникативной культуры. Именно такой вопрос задала некоторым спикерам в своем видеосюжете журналист К. Березнякова. По мнению И. Кирии, современная коммуникативная культура предусматривает партисипативность, т. е. участие самого потребителя продукта в его создании, стирание границы между теми, кто производит смыслы, и теми, кто их потребляет. Илья Кирия отметил колоссальное вовлечение людей в социальную практику создания символических образов. По его мнению, это, с одной стороны, одна из главных черт современной коммуникативной культуры, а с другой – один из глобальных вызовов ее как отрасли. Д. В. Березняков назвал в качестве одного из важных явлений миграционные процессы на глобальном уровне, которые приводят к смешению различных культур. Несколько характеристик, которые могли

бы охарактеризовать особенности коммуникативной культуры сегодня, назвала О. Пак. Главной отличительной чертой современных коммуникативных каналов она считает их множественность, ризоматичность, наличие множества взаимосвязей и пересечений. Это затрудняет взгляд исследователя, поскольку, по ее словам, «трудно собрать многих коммуникаторов, множественные фрагменты, потоки, в некое целостное, отрефлексированное представление о чем-то». Однако именно сложностью современного коммуникативного пространства объясняется и насущная потребность разностороннего его изучения.

О. Д. Журавель

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Россия, 630090

helgazhuravel@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафуров Иван Викторович – аспирант кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета

Бестолкова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Национальной ассоциации массмедиа исследователей (НАММИ)

Высоцкая Ирина Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Жилякова Наталия Вениаминовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета

Журавель Ольга Дмитриевна – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Гуманитарного института НГУ по научной работе, заведующая кафедрой теории и истории журналистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН

Журова Людмила Иванова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН

Клемёнова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Козлов Алексей Евгеньевич – докторант кафедры русской литературы колледжа иностранных языков и культур Тартуского университета

Кочетков Павел Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры экономики и управления факультета экономики и права Арзамасского филиала Нижегородского национального исследовательского государственного университета

Кудряшов Игорь Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Максимова Наталия Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования

Маркасов Максим Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета

Осиповская Елизавета Андреевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва)

Петрова Елена Игоревна – старший преподаватель факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета

Позднякова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, начальник Управления по пропаганде и популяризации научных достижений СО РАН

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, директор Института филологии СО РАН

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом 25–40 тыс. знаков (без пробелов, считаются вместе с аннотациями и списком литературы), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом $190 \times 270 \text{ мм} = \frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Статья должна сопровождаться следующей информацией:

- 1) имя, отчество, фамилия автора полностью;
- 2) название статьи;
- 3) ученая степень и звание, должность, место работы (название учреждения);
- 4) аннотация (на русском и других языках – не менее 1000 знаков; на английском языке – не менее 2500 знаков);
- 5) ключевые слова;
- 6) УДК;
- 7) транслитерация списка источников и литературы с переводом названий на английский язык;
- 8) контактная информация (рабочий и домашний адреса и контактный телефон, адрес электронной почты).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами).

Редколлегия оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы изучения современной журналистики, отличающиеся новизной, написанные на репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпуска ориентировано на специальность 10.01.10 – журналистика.

Статьи следует отправлять в формате Word for Windows или RTF вложенным файлом по адресу jf-vestnik@mail.ru.

Файл с текстом именуется «Фамилия_Первые 2–4 слова названия статьи». Электронные версии рисунков (только в формате .jpg) следует прилагать отдельными файлами. Необходимо приложить файлы используемых нестандартных шрифтов (.ttf). Файл «Фамилия_Согласие» должен содержать сканированный текст согласия автора на использование его данных с заверенной подписью. Для аспирантских работ требуется, кроме указанных документов, рекомендация научного руководителя в свободной форме в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия (аспиранта)_Рекомендация».

Требования к оформлению основного текста

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редколлегию выпуска в электронном виде в формате текстового редактора Word. Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Текст должен следовать единым массивом, без разделения на части путем введения названий этих частей. Буква «ё» не употребляется (за исключением географических названий, имен собственных и случаев, когда иначе смысл слова искажается). При использовании кириллицы должны применяться угловые кавычки (кроме случаев нахождения завыченного слова внутри цитаты, когда используется «латинский» вариант («...»)). Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы в нижнем правом углу страницы.

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;
- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

Образец оформления статьи

УДК 811.611.1+821

Е. Н. Клеменова¹, И. А. Кудряшов²

¹ Ростовский государственный экономический университет («РИНХ»)
ул. Большая Садовая, 69, Ростов-на-Дону, 344002, Россия
klemenova@yandex.ru

² Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия
igalk@mail.ru

**ПЕРСУАЗИВНАЯ ФУНКЦИЯ МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ:
ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ**

Аннотация. Наряду с иллюкативной силой инициированного высказывания источник информации, сфера инициации знания (эвиденциальность) и суждение говорящего относительно соотношения пропозиции высказывания с реальной действительностью (эпистемическая модальность) предстают функциональными характеристиками, которые определяют положение адресанта в текущем массмедийном дискурсе. Категория эвиденциальности фокусируется на лингвистическом кодировании источника информации и обладает пропозициональной выраженностью. Кроме того, определенные типы эвиденциального значения, в том числе неявно выраженного, имеют непосредственное отношение к оценке пропозиции со стороны говорящего субъекта. Вследствие этого, рассматриваемая нами категория взаимосвязана с модальностью. В рамках массмедийного текста в качестве эвиденциального маркера широко используются предикаты, вводящие сообщение, которые не только указывают на источник отражаемой информации, но и манифестируют актуальное мнение о той ситуации, которая послужила темой для текста.

Ключевые слова: массмедийный текст, убеждение, эвиденциальность, эпистемическая модальность.

Далее следуют:

Текст статьи

Список литературы

Список источников (если имеется)

Дата подачи публикации на момент отсылки статьи в адрес редколлегии в следующем виде:

Материал поступил в редколлегию 27.02.2015

E. N. Klemenova¹, I. A. Kudryashov²

¹ Rostov State Technical University
69 Bol'shaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation
klemenova@yandex.ru

² South Federal University
105/42 Bol'shaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
igalk@mail.ru

**MASS-MEDIA TEXT PERSUASIVE FUNCTION:
EVIDENTIALITY AND EPISTEMIC MODALITY**

Summary (2500 тыс. знаков)

Keywords

References

Подписуемые подписи

Список сокращений

Сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, подразделение, организация)

Индекс УДК должен быть подобран автором, поскольку от этого может зависеть отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации. Цифровые обозначения мест работы авторов, когда хотя бы один из них является сотрудником НГУ, указываются таким образом, что первым следует именно указание на НГУ. В заголовке статьи века, годы и т. п. пишутся без сокращений. В тексте они должны приводиться в сокращенном виде (век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг.).

Публикации с научной информацией, рецензии и иные подобные материалы оформляются по таким же правилам, но допускается отсутствие русскоязычной аннотации и ключевых слов на русском языке, а объем аннотации на английском языке 1–1,2 тыс. знаков.

В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после раздела **References**.

При наличии в тексте, списке литературы или подписуемых подписях каких-либо сокращений (аббревиатур), статья должна сопровождаться списком сокращений, размещаемым после подписей к рисункам.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии) автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962. С. 62] или [Иванов, Петров, 1997. С. 39–45]. Если авторов три и более, выполняется следующее: [Иванов и др., 1999. С. 45] или [Ivanov et al., 1999. P. 45]; но в списке литературы в таком случае указываются все фамилии авторов. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а. С. 49; Иванов, 1997б. С. 14]. Между инициалами авторов (в тексте статьи, в списке литературы) делается пробел. Пробелы требуются также после запятой и после точки, которая стоит у сокращения, обозначающего страницу – С. Пробелы должны быть также везде в тексте после точек и запятой (кроме запятой в обозначении дробных единиц длины, например: 16,2 см). После знака номера (перед цифрой) должен быть выполнен пробел (№ 5).

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ и сами диссертации. Ссылки на неопубликованные (рукописные) материалы (за исключением диссертаций и их авторефератов) помещаются в текст статьи (выполняются в виде текста и заключаются в круглые скобки сразу же после приведенных из них сведений). Труды, на которые нет ссылок в тексте, в список литературы не включаются.

Требования к англоязычной аннотации

Аннотация на английском языке насчитывает не меньше 2500 знаков с пробелами. Она не может быть калькой русскоязычной аннотации – аннотация должна быть структурирована и призвана выполнять функцию независимого от русского текста статьи источника информации. В ней недопустимы ссылки на литературу и использование аббревиатур, повторы информации, содержащейся в названии статьи. Следует избегать лишних вводных фраз (например: автор рассматривает...), требуется использовать активный, а не пассивный залог.

Требования к оформлению библиографического описания (списка литературы) на русском и английском языках

Список литературы на языках оригиналов (включая публикации в Интернете) оформляется в алфавитном порядке без; при повторе фамилий авторов – по годам изданий; при наличии нескольких соавторов – по первым буквам второй, третьей и т. д. фамилии). Фамилии авторов (включая инициалы) выделяются курсивом. Для всех изданий должно быть указано издательство. Для монографических изданий (включая научные отчеты) должно быть указано количество страниц, а для статей – порядковые номера первой и последней страницы.

В списке литературы в алфавитном порядке размещаются вначале труды на русском, затем на иностранных языках. Работы на иностранных языках приводятся в следующем порядке: вначале на языках, использующих кириллицу, затем на европейских языках (по первым буквам вне зависимости от конкретного языка на основе латинской графики), затем на азиатских, включая арабский (в алфавитном порядке в русской транслитерации, либо в переводе названия на русский язык). При ссылке на издание на греческом языке оно должно быть приведено в списке литературы после изданий на иностранных языках на основе кириллицы. После полной информации о данном издании следует сделать в круглых скобках упоминание, на каком языке оно выполнено. Например: (на кит. яз.), (на нем. яз.) и т. д. Последнее требование не применяется для изданий на русском, украинском и белорусском языках. Допускается размещение в списке литературы изданий на азиатских языках, включая арабский язык, с применением оригинальных шрифтов; но при этом обязательно следует привести русскую транслитерацию, либо перевод названия на русский язык, а к электронному варианту статьи приложить файл с используемыми шрифтами. Указанные в списке литературы публикации на английском языке полностью приводятся и в разделе **References**. Города в русскоязычном списке литературы указываются без сокращений, кроме Москвы (М.) и Санкт-Петербурга (СПб., Пг., Л.). При издании публикации в двух и более городах это оформляется следующим образом: М.; СПб.; Омск, 1998. В разделе **References** сокращений для обозначения городов не допускается, при указании двух и более городов они разделяются запятыми.

Библиографическое описание работы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы без каких-либо сокращений терминов, а также жанр издания, в котором она опубликована (монография, коллект. монография, сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются курсивом.

Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык (на английский язык должны быть также переведены публикации на иных языках, при этом для публикаций на основе иероглифической письменности должна быть выполнена транслитерация на русском языке в кириллице). Транслитерация осуществляется с использованием букв: а – a, б – b, в – v, г – g, д – d, е, ё – e, ж – zh, з – z, и, й – i, к – k, л – l, м – m, н – n, о – o, п – p, р – r, с – s, т – t, у – u, ф – f, х – kh, ц – ts, ч – ch, ш – sh, щ – shch, ь – ’, ы – y, ь – ’, э – e, ю – u, я – ya. Для латинской транслитерации и перевода на английский язык не использовать российский ГОСТ 5.0.7. Библиографическая ссылка. Следует применять образец оформления, близкий к Harvard – British Standard, т. е. упрощать ссылки, давая минимум информации – авторы, название работы, название источника для статьи, том (vol.), номер (no.), место издания, издательство, год издания, страницы, указание на язык. При этом, в отличие от Harvard – British Standard, требуется указывать всех авторов, запятую перед инициалами в фамилиях авторов не ставить, название работы не заключать в кавычки, год ставить за названием журнала.

Редколлегия обращает особое внимание авторов публикаций на необходимость соответствия года издания работы, инициалов авторов в тексте публикации и в списке литературы.

Например:

Список литературы

Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста. М: МГУ, 2003. 272 с.

Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Текст репортажа в аспекте критического дискурса-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14. Вып. 6. Серия: История, филология. С. 140-145.

Смирнова Е. А. Профессионально-этические нормы в современной российской журналистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 177 с.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Телия В. Н., Графова Т. А., Шахнарович А. М., Сандомирская И. И., Лукьянова Н. А., Маслова В. А. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: Коллект. монография / Под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

Шатин Ю. В. Технология агональной коммуникации: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 73 с.

References

Avraamov D. S. Professional'naya etika zhurnalista [Professional journalist's ethics]. Moscow, MSU Press, 2003, 272 p. (in Russ.)

Klemenova E. N., Kudrashov I. A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza [Reportage text in the critical discourse analysis aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [*Vestnik NSU. Series: History, Philology*], 2015, vol. 14, no. 6, p. 140–145. (in Russ.)

Smirnova E. A. Professional'no-eticheskie normy v sovremennoi rossiiskoi zhurnalistike [Professional and ethical norms in contemporary Russian journalism]. Candidate's diss. Moscow, 2015, 177 p. (in Russ.)

Zahariadis N. Essence of Political Manipulation: Emotion, Institutions, and Greek Foreign Policy. N. Y., Routledge, 2008, 259 p.

**Полную версию правил оформления статей см. на сайте журнала:
<http://vestnik.nsu.ru/historyphilology>**